

Министерство науки и высшего образования РФ
Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук
Сибирский федеральный университет
Автономная некоммерческая организация поддержки и развития
гуманитарных исследований «Свободные науки»

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Сборник научных трудов конференции
17–20 сентября 2025 г.

Новосибирск
2025

УДК 930:001.8
ББК 63.3(2)+63.3(0):63.1
А 437

*Сборник утверждён к печати
Учёным советом Института истории СО РАН*

Редколлегия

канд. ист. наук *Д.О. Никулин* (отв. редактор), *О.В. Ильиных* (отв. секретарь),
И.Д. Долгушин, д-р ист. наук *С.А. Красильников*, канд. ист. наук *А.К. Кириллов*,
М.А. Косицын, канд. ист. наук *А.С. Кузьменко*, *С.П. Куликов*, *В.С. Несмеянова*,
М.И. Парфеня, канд. ист. наук *С.Г. Петров*, д-р ист. наук *В.Л. Портных*,
канд. ист. наук *Н.А. Потапова*, канд. ист. наук *А.И. Савин*,
канд. ист. наук *Д.А. Сосницкий*, канд. ист. наук *Г.С. Хорохордин*

Рецензенты

д-р ист. наук *Л.К. Островский*
канд. ист. наук *С.В. Шарапов*

А 437 **Актуальные** проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник научных трудов конференции от 17–20 сентября 2025 г. / редкол.: *Д.О. Никулин* (отв. ред.), *О.В. Ильиных* (отв. секр.) [и др.]; Ин-т истории СО РАН. – Новосибирск: ИИ СО РАН, ИПЦ НГУ, 2025. – 244 с.

ISBN 978-5-4437-1862-0

Опубликованные статьи посвящены актуальным проблемам отечественной и зарубежной истории, являются самостоятельными исследованиями и характеризуются научной новизной. Статьи распределены по двум тематическим блокам: Всемирная история и История России. Сборник издан по результатам Всероссийской молодежной научной школы-конференции, состоявшейся в Новосибирске 17–20 сентября 2025 г. Авторы статей – студенты, аспиранты, преподаватели и научные сотрудники из России и зарубежья в возрасте не старше 35 лет. Издание рассчитано на профессиональных историков и интересующихся исторической наукой.

ISBN 978-5-4437-1862-0
DOI 10.31518/978-5-4437-1862-0

© Институт истории СО РАН, 2025
© Сибирский федеральный университет, 2025
© АНО «Свободные науки», 2025

Содержание

От редакционной коллегии	5
Всемирная история	8
<i>Щеголев М.А.</i> Корпусная лингвистика в изучении истории: цифровые методы анализа хеттского языка	9
<i>Несмеянова В.С.</i> Ипполит-Вирбий в культе Дианы Арицийской: период «проникновения» эллинской мифологии в латинское святилище	19
<i>Жаворонков А.Д.</i> Тяжба Ивана Кочерина с Йоханнесом Вреде и торговый конфликт Ганзы и Новгорода (1406–1409 гг.) по ганзейским документам	31
<i>Лавинюкова Д.С.</i> Проблема спасения души и оправдания человека перед Богом в сочинениях идеолога протестантизма Филиппа Меланхтона (1497–1560)	41
<i>Юдин И.А.</i> Особенности полемической стратегии Петра Скарги в ходе подготовки и после заключения Брестской унии 1596 г.	51
<i>Князев П.Ю.</i> Образ Вильгельма III Оранского в печатной пропаганде в период «Славной революции» 1688–1689 гг. ...	61
<i>Срымбетов Т.Е.</i> Деятельность Военного министерства и МИД Франции на Кавказе в 1918–1920 гг.: основные направления	73
<i>Краснослов К.П.</i> Дискуссии в США о функционировании золотого стандарта в 1920-е годы	85
<i>Ганиева К.И.</i> Преследование нацистских преступников израильской спецслужбой Моссад как инструмент послевоенной политики и международного правосудия.....	98
<i>Чжо Йе Аунг</i> The Role of Myanmar's Geopolitical Position in Shaping Its Foreign Policy	109
<i>Домахина Ю.А.</i> Ракетно-ядерная программа КНДР как фактор усиления сотрудничества Японии, США, Республики Корея.....	118

История России.....	130
<i>Попов Д.К.</i> Русские дипломатические миссии к тюркоязычным кочевникам севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в.: общая характеристика посольских практик	131
<i>Исламова Ю.Д.</i> Городская полиция Екатеринбурга в 1796–1807 гг.: между централизацией и местной спецификой	143
<i>Саблина Е.С.</i> Роль театра в социализации подрастающего поколения городов Сибири первой половины XIX в.....	153
<i>Рахимов А.Р.</i> Институт полного и неполного состава Комитета Западных губерний: к вопросу о повседневности высшей бюрократии эпохи Николая I	164
<i>Мохиборода В.В.</i> Военно-административное значение Актюбинского уезда в оборонной системе Российской империи на юго-восточных рубежах (вторая половина XIX – начало XX века).....	172
<i>Христникова П.И.</i> Троцкий в Брест-Литовске: опыт «переживания».....	182
<i>Ковалев Г.О.</i> Проблемы функционирования Пленума Моссовета в 1918–1922 гг.....	188
<i>Первушин В.В.</i> Дискуссии о ведении антирелигиозной пропаганды на страницах газеты «Правда» в 1920-е годы: проблема репрезентации образа христианской церкви	199
<i>Власов Т.В.</i> Художественное сообщество Пскова 1960–1970-х годов: на пути к формированию отделения Союза художников	211
<i>Багрин И.П.</i> Политические процессы 1960-х годов в СССР: к вопросу об историографии	223
<i>Жамалутдинов А.Р.</i> Политика гласности в СССР: проблемы терминологии и периодизации.....	233
Сведения об авторах.....	242

От редакционной коллегии

С 17 по 20 сентября 2025 г. в Новосибирском Академгородке состоялась очередная Всероссийская молодежная научная школа-конференция «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых». Организаторами данного научного мероприятия выступили Институт истории Сибирского отделения РАН в сотрудничестве с Сибирским федеральным университетом и автономной некоммерческой организацией «Свободные науки». Молодежная конференция проводится Институтом истории с 2003 г., а под своим нынешним названием – с 2011 г.

В мероприятии традиционно принимают участие молодые ученые из крупнейших научных центров России. В этом году Оргкомитет получил 89 заявок от студентов, аспирантов и соискателей, кандидатов наук и молодых ученых без степени в возрасте не старше 35 лет. По результатам научного отбора в конференции приняли участие более 60 молодых ученых из Новосибирска, Красноярска, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Великого Новгорода, Казани, Томска, Омска, Барнаула, Пскова, Нижнего Новгорода, Перми, Брянска, Комсомольска-на-Амуре, Тюмени, Якутска.

Ключевой частью работы школы-конференции были секционные заседания по пяти тематическим направлениям: «Источниковедение», «Проблемы взаимоотношений общества и власти», «История культуры, науки и образования», «История международных отношений и военного дела», «Информационные технологии в исторических исследованиях». В настоящем сборнике опубликованы 22 статьи, подготовленные на основе докладов, представленных на конференции. Статьи посвящены актуальным проблемам отечественной и зарубежной истории и репрезентуют исследования, выполненные на стыке истории и других дисциплин – социологии, политологии, экономики, культурологии. Они разделены на два блока: первый, «Всемирная

история», включает в себя работы, посвященные истории зарубежных стран, в том числе их внешнеполитическому взаимодействию с Россией; второй блок, «История России», посвящен, главным образом, вопросам истории нашей страны.

В текущем году тематикой конференции стало влияние информационных технологий на историческую науку. В рамках научной школы, состоявшейся 18 сентября, перед участниками выступили в качестве лекторов такие специалисты по указанной проблематике, как доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета Владимир Николаевич Владимиров, кандидат исторических наук, доцент кафедры исторической информатики исторического факультета Московского государственного университета, руководитель стратегического проекта «Digital Humanities Research Institute» Андрей Юрьевич Володин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН Алексей Константинович Кириллов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета Александра Сергеевна Кузьменко. Лекции коснулись таких проблем, как сочетание новых технологий и классической археографии, учреждение журналов, находящихся на стыке гуманитарных и точных наук, новый взгляд на исторические источники, применение цифровых технологий для популяризации истории и подготовки научных кадров.

Научная школа-конференция завершилась общей дискуссией в ходе заседания тематического круглого стола под тем же названием «Влияние информационных технологий на историческую науку». Наиболее острыми вопросами стали цифровизация архивных материалов и использование нейросетей для написания письменных работ, что особенно остро затрагивает тех молодых ученых, кто уже ступил на путь преподавателя, поскольку им необходимо отслеживать соответствующие действия студентов. Обсуждение помогло закрепить знания, полученные ранее, предоставило участникам возможность коллективной работы в

ходе подготовки выступления членов секций на заседании круглого стола, а также позволило выработать единую точку зрения на перспективы развития инструментария историка за счет новых технологий.

Состоявшийся научный форум получил высокие оценки участников и поспособствовал взаимодействию молодых ученых различных научных центров России. Оргкомитет школы-конференции выражает благодарность Программному комитету, всем соорганизаторам, лекторам научной школы, докладчикам и гостям.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

М.А. Щеголев
Новосибирский государственный
технический университет

Корпусная лингвистика в изучении истории: цифровые методы анализа хеттского языка

Статья посвящена возможностям цифровых методов в анализе древних языков. Посредством синтеза прежних (аналоговых) и современных (цифровых) методов возможно точно проследить взаимосвязи языка, культуры и социальных трансформаций в древних обществах. В данной работе рассматривается в качестве примера переход от матрицентричной палеоевропейской культуры к патриархальной индоевропейской. Основное внимание уделяется анатолийским языкам. Рассматриваются проблемы глоттогенеза, эволюции грамматических категорий, религиозных представлений, влияния миграций степных скотоводов на социальную организацию. Выводы свидетельствуют о том, что язык играл ключевую роль в трансформации мировоззрения: от панпсихического восприятия мира и эгалитаризма к дуализму и иерархии. Применение цифровых технологий открывает новые возможности для реконструкции данных процессов.

Ключевые слова: палеоевропейцы, индоевропейцы, корпусная лингвистика, машинное обучение, археология, миграции.

Развитие языка, начавшееся 50–70 тыс. лет назад, стало ключевым фактором формирования человеческой культуры, обеспечив не только коммуникацию, но и структурирование мышления, категоризацию мира и передачу культурных кодов¹. Изучение взаимосвязи языка, мышления и культурных трансформаций в древних обществах остается одной из ключевых проблем современной исторической науки.

С позиций генеративизма язык понимается как система, возникающая в результате когнитивной эволюции и необходимости выражения мыслительных процессов². В архаических культурах язык отражал панпсихическое и пантеистическое восприятие

¹ Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия. М., 1993. 158 с.

² Хомский Н., Бервик Р. Человек говорящий. Эволюция и язык. СПб., 2021. 320 с.

мира, где все сущее наделялось сознанием и душой. Это проявлялось в бинарных оппозициях (верх – низ, левое – правое), пространственно-временных категоризациях (деление на три мира, циклическое время) и гендерных атрибуциях, распространявшихся на всю природу.

Устная традиция играла ключевую роль в сохранении данных представлений, кодируя их в мифах, ритуалах и «концептуализированных областях» (термин Московско-Новосибирского семиологического содружества) ³. Анализ индоевропейских архаических текстов позволяет выявить, как данные категории трансформировались под влиянием культурных изменений.

Проблема взаимодействия языковых и культурных изменений в древней Европе изучается в нескольких ключевых направлениях. Так, работы в направлении глоттогенеза и архаического мышления (работы Н.Я. Марра, О.М. Фрейденберг ⁴, И.Г. Франк-Каменецкого ⁵) заложили основы изучения мифологического сознания через язык. В современной науке данный подход развивается в рамках когнитивной лингвистики (А. Вежбицкая, Ю.С. Степанов) и генеративизма (Н. Хомский ⁶). Изучение палеоевропейской культуры с позиций М. Гимбутас о матрицентричном обществе неолита вызвало как поддержку (К. Ренфрю, И. Ходдер), так и критику (Д. Энтони, П. Богущи). Современные исследования (А. Декстер, А. Челариу ⁷) уточняют ее выводы на основе новых археологических данных. Изучение индоевропейской экспансии (описанной в работах Ж. Дюмезиля ⁸ и

³ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2001. 990 с.

⁴ Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. 449 с.

⁵ Франк-Каменецкий И.Г. Пророки-чудотворцы. О местном происхождении мифа о Христе. Л., 1925. 103 с.

⁶ Хомский Н., Бервик Р. Человек говорящий. Эволюция и язык. СПб., 2021. 320 с.

⁷ Chelariu A.R. Romanian Folklore and its Archaic Heritage. Palgrave Macmillan, 2023. 427 p.

⁸ Dumézil G. L'Ideologie Tripartite des Indo-Européens. Brussels, 1958. 122 p.

М.Л. Уэста⁹ о структуре индоевропейской мифологии) дополняется сегодня исследованиями лингвистической палеонтологии (Т. Пронк) и палеогенетики (И. Лазаридис¹⁰).

В период 6500–3500 гг. до н. э. (на Крите – до 1450 г. до н. э.¹¹) в Европе существовала относительно мирная и стабильная культура, которую М. Гимбутас называет «Старой Европой»¹². Ее характерными чертами были эгалитарная социальная структура (отсутствие наследственной иерархии, равный доступ к ресурсам для мужчин и женщин)¹³, доминирование женских образов в религии (тысячи фигурок богинь, связанных с плодородием и природными циклами)¹⁴, отсутствие следов милитаризации (неукрепленные поселения, отсутствие изображений насилия)¹⁵. Данная культура отражала мировоззрение, в котором женское начало играло центральную роль, а пространство и время осмыслились через призму природных циклов.

Около 4000–3500 гг. до н.э. климатические изменения и миграции степных скотоводов (носителей ямной культуры) привели к радикальным трансформациям: к патриархальной социальной организации (появление наследственных вождей, воинской элиты)¹⁶, мужским божествам и культу войны (замещение хтонических богинь небесными богами), распространению

⁹ West M.L. *Indo-European Poetry and Myth*. Oxford, 2007. 525 p.

¹⁰ Lazaridis I., Patterson N., Anthony D., et al. *The Genetic Origin of the Indo-Europeans*. Preprint // *BioRxiv*. 2024. 589597.

¹¹ Cichon J.M. *Matriarchy in Bronze Age Crete: A Perspective from Archaeomythology and Modern Matriarchal Studies*. Archaeopress Publishing, 2022. 280 p.

¹² Gimbutas M. *The Goddesses and Gods of Old Europe 6500–3500 BC: Myths and Cult Images*. University of California Press, 2007. 304 p.

¹³ Renfrew C. *Archaeology and language: The puzzle of Indo-European origins*. Penguin Book, 1987. 346 p.

¹⁴ Гимбутас М. *Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы*. М., 2006. 572 с.

¹⁵ Hodder I. *The Leopard's Tale: Revealing the Mysteries of Çatalhöyük*. New York, 2006. 288 p.

¹⁶ Энтони Д. *Лошадь, колесо и язык. Как наездники бронзового века из евразийских степей сформировали современный мир*. М., 2023. 672 с.

индоевропейских языков (через клятвенные союзы, скотоводческую экономику и военные альянсы)¹⁷. Генетические исследования подтверждают¹⁸, что мигрировавшие в несколько волн группы заложили основы нового порядка в Европе.

Переход от «Старой Европы» к индоевропейской культуре отразил не только смену языков, но и глубинные изменения в мировоззрении: от панпсихического восприятия мира к дуализму, от эгалитаризма к иерархии, от культа плодородия к воинской идеологии. Данные процессы демонстрируют, как язык и культура взаимосвязаны в формировании исторических трансформаций.

Анатолийские языки, представленные главным образом хеттским, лувийским и палайским, занимают особое место в индоевропеистике. Их раннее отделение от праиндоевропейской общности (около 4200–3900 гг. до н. э.) делает их ценным источником для реконструкции архаических черт, утраченных в других ветвях¹⁹. Клинописные хеттские тексты, древнейшие среди индоевропейских письменных памятников, сохранили ключевые элементы дописьменной эпохи, что позволяет изучать исходное состояние праиндоевропейской социальной организации, религиозных представлений и языковых структур²⁰.

Изучение взаимосвязи языка, культуры и социальных трансформаций в древних обществах остается одной из ключевых проблем современной науки, поскольку позволяет понять глубинные механизмы формирования человеческой цивилизации. В условиях развития цифровых технологий применение методов корпусной лингвистики и машинного обучения открывает новые возможности для реконструкции архаических языковых систем и

¹⁷ Pronk T.C. Indo-European secondary products terminology and the dating of Proto-Indo-Anatolian // *Journal of Indo-European Studies*. 2022. 49. Pp. 141–170.

¹⁸ Dexter M.R. DNA Evidence for the Roots of Indo-European Patriarchy and Proto-Indo-European Culture // *Art and memory. Papers in Honor of the 80th Anniversary of Ivan Marazov*. Sofia, 2023. P. 503–516.

¹⁹ Kloekhorst A., Pronk T.C., Pronk T. Introduction: Reconstructing Proto-Indo-Anatolian and Proto-Indo-Uralic // *The precursors of Proto-Indo-European: The Indo-Anatolian and Indo-Uralic hypotheses*. 2019. P. 1–14.

²⁰ Иванов В.В. Хеттский язык. 2-е изд., испр. и дополн. М., 2001. 296 с.

связанных с ними культурных сдвигов. Особую значимость приобретает исследование хеттского языка как древнейшего засвидетельствованного индоевропейского идиома, сохранившего черты дописьменной эпохи. Анализ его грамматических структур, лексики и текстов в сочетании с археологическими и генетическими данными позволяет уточнить процессы перехода от матрицентричных обществ к патриархальным, а также выявить роль языковых изменений в данных трансформациях. Это делает данное исследование актуальным не только для лингвистики и истории, но и для антропологии, когнитивных наук и исследований социальной эволюции.

Корпусная лингвистика, основанная на создании и анализе электронных коллекций текстов, предоставляет инструменты для системного исследования больших массивов данных. В случае хеттского языка это особенно актуально, поскольку сохранившиеся клинописные таблички содержат разнообразные жанры – от царских анналов и юридических кодексов до религиозных гимнов и мифологических повествований. Оцифровка данных текстов и их включение в специализированные базы данных, такие как Hittite Corpus²¹ (Чикагский университет) и Hittite Text Corpus²² (Hethitologie Portal Mainz, Thesaurus Linguarum Hethaeorum digitalis, выпущен в 2023 г., окончание публикации 30 тыс. документов запланировано на 2025 г.), позволили исследователям применять алгоритмы частотного анализа, коллокационных исследований и семантического картирования для выявления закономерностей, которые трудно обнаружить при традиционном филологическом анализе.

Одним из ключевых направлений является изучение эволюции грамматической категории рода. В анатолийских языках наблюдается бинарная оппозиция мужского и среднего рода, тогда как в других индоевропейских ветвях (греческой, латинской,

²¹ Chicago Hittite Dictionary Project [Электронный ресурс] // Institute for the Study of Ancient Cultures. URL: <https://isac.uchicago.edu/research/projects/hit/chicago-hittite-dictionary-project> (дата обращения: 29.04.2025)

²² Hittite Text Corpus [Электронный ресурс] // Hethitologie Portal Mainz. URL: <https://www.hethport.uni-wuerzburg.de/TLHdig/corpus.php> (дата обращения: 29.04.2025)

санскритской) развивается трехродовая система (мужской, женский, средний). Это различие породило две основные гипотезы. Согласно первой, женский род возник уже после отделения анатолийской ветви как результат грамматикализации словообразовательных суффиксов²³. Вторая гипотеза предполагает, что женский род существовал в раннем праиндоевропейском, но был утрачен в анатолийских языках под влиянием субстрата²⁴. Большинство современных исследователей склоняются к первой точке зрения, что коррелирует с археологическими данными о более архаической социальной структуре, где феминность не выделялась в отдельную грамматическую категорию²⁵.

Корпусные методы позволяют проследить, как происходила грамматикализация женского рода: анализ словообразовательных суффиксов и их распределения в текстах разных периодов показывает, что данный процесс мог быть связан с социокультурными изменениями, включая усиление патриархальных норм. Использование статистических моделей и машинного обучения для классификации текстов по хронологическим слоям помогает уточнить временные рамки данных изменений.

Важным аспектом является также исследование лексики, отражающей социальную организацию хеттского общества, которая демонстрирует переход от архаических матрилинейных традиций к патриархальным структурам. «Закон Телепину» (XVI в. до н.э.), регламентировавший порядок наследования престола по мужской линии, стал важным шагом в укреплении патриархата²⁶. Однако сохранившиеся элементы матрилокальности (роль

²³ Melchert C.H. PIE *-eh2 as an “individualizing” Suffix and the Feminine Gender // *Studies on the Collective and Feminine in Indo-European from a Diachronic and Typological Perspective*. 2014. P. 257–271.

²⁴ Luraghi S. The origin of the Proto-Indo-European gender system: Typological considerations // *Folia Linguistica*. 2011. Vol. 45, no. 2. P. 435–463.

²⁵ Pronk T.C. Indo-European secondary products terminology and the dating of Proto-Indo-Anatolian // *Journal of Indo-European Studies*. 2022. 49. P. 141–170.

²⁶ Гиоргадзе Г.Г. О престолонаследии в древнехеттском царстве (к интерпретации § 28 «Указа Телипину») // *Вестник древней истории*. 1969. № 4 (110). С. 67–83.

царицы-таваннанны, институт жриц) указывают на более древние традиции, восходящие к неолитическим культам плодородия²⁷.

Частотный анализ терминов, связанных с властью (таких как *tawananna* «царица» или *ḥaššu* «царь»), в сопоставлении с археологическими данными позволяет реконструировать переход от матрицентричных традиций к патриархальным структурам. Алгоритмы сетевого анализа применяются для выявления семантических связей между ключевыми концептами (например, «божество», «война», «наследство»), что помогает понять, как изменялись религиозные и правовые представления под влиянием индоевропейской миграции.

Цифровые технологии также способствуют визуализации лингвистических и исторических данных. Геоинформационные системы используются для картирования распространения хеттских текстов и соотнесения их с археологическими памятниками, что позволяет уточнить маршруты миграций и зоны культурного взаимодействия. Методы графического представления синтаксических структур помогают выявлять архаичные черты хеттского языка, сохранившиеся от праиндоевропейского состояния.

Однако применение цифровых методов в изучении хеттского языка сталкивается с рядом вызовов. Клинописные тексты требуют сложной предобработки: устранения лакун, интерпретации поврежденных фрагментов, учета вариативности написания знаков. Современные подходы, включая нейросетевые модели распознавания символов (с изображений табличек) и частотный анализ (подстановка в лакуны наиболее подходящих символов), постепенно решают данные проблемы, но полная автоматизация пока остается труднодостижимой. Кроме того, интерпретация данных требует междисциплинарного сотрудничества лингвистов, историков и специалистов по компьютерному анализу.

Перспективы дальнейших исследований связаны с развитием искусственного интеллекта в области обработки древних

²⁷ Менабде Э.А. Хеттское общество: экономика, собственность, семья и наследование. Мецниереба, 1965. 240 с.

языков. Глубинное обучение может быть использовано для автоматической атрибуции текстов, выявления скрытых паттернов в мифологических сюжетах и даже реконструкции утраченных фрагментов. Уже сегодня проекты, подобные CLTK²⁸ (Classical Language Toolkit), демонстрируют потенциал машинного обучения в анализе морфологии и синтаксиса древних языков.

Таким образом, язык выступает не только средством коммуникации, но и важнейшим фактором культурной и социальной динамики. Изучение древних языков через призму современных технологий позволяет не только реконструировать лингвистическую историю, но и глубже понять механизмы культурных изменений, лежащих в основе становления современных обществ. Дальнейшее развитие искусственного интеллекта и междисциплинарных подходов откроет новые горизонты в исследовании данных процессов, соединяя данные лингвистики, археологии и генетики в единую картину человеческой истории.

Библиография

Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 572 с.

Гиоргадзе Г.Г. О престолонаследии в древнехеттском царстве (к интерпретации § 28 «Указа Телипину») // Вестник древней истории. 1969. № 4 (110). С. 67–83.

Иванов В.В. Хеттский язык. 2-е изд., испр. и дополн. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 296 с.

Менабде Э.А. Хеттское общество: экономика, собственность семья и наследование. Мецниереба, 1965. 240 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.

Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия. М.: Наука, 1993. 158 с.

²⁸ The Classical Language Toolkit [Электронный ресурс]. URL: <http://cltk.org/> (дата обращения: 29.04.2025)

Франк-Каменецкий И.Г. Пророки-чудотворцы. О местном происхождении мифа о Христе. Л.: «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1925. 103 с.

Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 449 с.

Хомский Н., Бервик Р. Человек говорящий. Эволюция и язык. СПб.: Питер, 2021. 320 с.

Энтони Д. Лошадь, колесо и язык. Как наездники бронзового века из евразийских степей сформировали современный мир. М.: Изд-во ВШЭ, 2023. 672 с.

Chelariu A.R. Romanian Folklore and its Archaic Heritage. Palgrave Macmillan, 2023. 427 p.

Cichon J.M. Matriarchy in Bronze Age Crete: A Perspective from Archaeom mythology and Modern Matriarchal Studies. Archaeopress Publishing, 2022. 280 p.

Dexter M.R. DNA Evidence for the Roots of Indo-European Patriarchy and Proto-Indo-European Culture. // Art and memory. Papers in Honor of the 80th Anniversary of Ivan Marazov. Sofia, 2023. P. 503–516.

Dumézil G. L'Ideologie Tripartite des Indo-Européens. Brussels: Latomus, 1958. 122 p.

Gimbutas M. The Goddesses and Gods of Old Europe 6500–3500 BC: Myths and Cult Images. University of California Press, 2007. 304 p.

Hodder I. The Leopard's Tale: Revealing the Mysteries of Çatalhöyük. New York: Thames & Hudson, 2006. 288 p.

Kloekhorst A., Pronk T.C., Pronk T. Introduction: Reconstructing Proto-Indo-Anatolian and Proto-Indo-Uralic // The precursors of Proto-Indo-European: The Indo-Anatolian and Indo-Uralic hypotheses. 2019. P. 1–14.

Lazaridis I., Patterson N., Anthony D., et al. The Genetic Origin of the Indo-Europeans. Preprint // BioRxiv. 2024. 589597.

Luraghi S. The origin of the Proto-Indo-European gender system: Typological considerations // Folia Linguistica. 2011. Vol. 45, no. 2. P. 435–463.

Melchert C.H. PIE *-eh2 as an “individualizing” Suffix and the Feminine Gender // Studies on the Collective and Feminine in Indo-

European from a Diachronic and Typological Perspective. 2014. P. 257–271.

Pronk T.C. Indo-European secondary products terminology and the dating of Proto-Indo-Anatolian // *Journal of Indo-European Studies*. 2022. 49. P. 141–170.

Renfrew C. Archaeology and language: The puzzle of Indo-European origins. Penguin Book, 1987. 346 p.

West M.L. Indo-European Poetry and Myth. Oxford University Press, 2007. 525 p.

В.С. Несмеянова
Новосибирский государственный университет

Ипполит-Вирбий в культе Дианы Арицийской: период «проникновения» эллинской мифологии в латинское святилище

При раскопках, проводившихся на территории святилищного комплекса Дианы Арицийской у озера Неми в 2009–2021 гг., было обнаружено небольшое храмовое сооружение конца III в. до н. э., которое итальянские археологи предварительно отнесли к святилищу Ипполита-Вирбия. Однако античная литературная традиция связывает греческого героя с местным божеством лишь в середине I в. до н. э. посредством адаптации эллинских мифов под римские реалии. Автор ставит перед собой задачу выяснить период «проникновения» греческой мифологии и в частности фигуры Ипполита в культ латинской богини, и выявить связанные с этим причины. Также статья затрагивает вопрос о месте Ипполита-Вирбия в культе арицийской Дианы и его связи с фигурой жреца богини, именуемой *rex Nemorensis*.

Ключевые слова: *rex Nemorensis*, Вирбий, миф, озеро Неми, римская религия, романизация, эллинизация.

Култ Дианы, исходя из данных раскопок 2009–2021 гг., был установлен в Ариции около VII–VI вв. до н. э.¹ на том месте, где ранее существовал другой культ ныне неизвестной местной богини. Изначально святилище Дианы представляло собой *lucus* (т.е. священную рощу)², в котором собирались главы городов Латинского союза для обсуждения разного рода вопросов. После распада Союза в 338 г. до н. э. римляне, которым до этого периода, по-видимому, не разрешалось принимать участие в культе Дианы, были допущены в святилище. Завоеванная Ариция была включена в состав Римского государства в статусе самоуправляемого муниципия³. Арицийским жителям было даровано полное

¹ Ghini G., Diosono F. Il Santuario di Diana a Nemi: recenti acquisizioni dai nuovi scavi // *Sacra Nominis Latini. I santuari del Lazio arcaico e repubblicano. Atti del Convegno*. Roma. 2012. Vol. I. P. 119.

² Ibid. P. 219.

³ Возвышение Рима: от основания до 220 года до н. э./ под. ред. Ф.-У. Уолбэнка, А.-Э. Астина, М.-У. Фредериксена, Р.М. Огилви, Э. Драммонда: пер. с англ.,

право гражданства (*cum suffragio*) при условии, что их святилища станут доступны для римлян⁴. Это обстоятельство – забегая вперед, – и послужило причиной более сильного греческого влияния на иконографию богини и ритуальную часть ее культа, поскольку именно после этого периода культ Дианы в значительной мере трансформируется.

Одним из последствий эллинизации культа стало включение в него романизированной эллинской мифологии. В частности, это касается появления в Ариции греческого героя Ипполита, которого римские поэты приравнивали к местному божеству Вирбию, о котором современному антиковедению известно крайне мало. Между 275 и 225 гг. до н. э. на территории святилищного комплекса Дианы вновь разворачивается масштабное строительство. К этому периоду относится построение в виде небольшого храма, посвященного, по предположениям Ф. Диосона, Ипполиту-Вирбию⁵. Однако действительно ли греческий герой «проник» в Арицию в III в. до н. э. – вопрос дискуссионный, поскольку в античной литературной традиции связь Ипполита и Дианы Арицийской была установлена лишь в середине I в. до н. э. При этом римские и греческие поэты в свойственной им манере удревняли данную связь, что в определенной степени сказывалось на восприятии культа Дианы как культа неавтохтонного. Таким образом, актуальность темы обуславливается и обращением к более глобальной проблематике, а именно степени ранее озвученного эллинского влияния на латинские культы в целом и на культ Дианы у озера Неми в частности. Кроме того, датировка «проникновения» Ипполита в культ богини может в некоторой степени пролить свет на роль Ипполита-Вирбия в культе арицийской Дианы, до сих пор остающуюся не вполне ясной.

подготов. текста В.А. Гончарова. М., 2015. Кембриджская история Древнего мира. Т. 7. Кн. 2. С. 434.

⁴ Liv. VIII. 14.

⁵ Diosono F., D'Angelo G. Nemi in contesto. La decorazione fittile delle diverse fasi del tempio di Diana tra vecchie collezioni e nuovi dati stratigrafici // *Deliciae Fictiles V: Architectural Terracottas and Decorative Roof Systems in Italy and Beyond*. ed. Lulof P., Manzini I., Rescigno C. Philadelphia. 2019. P. 397.

Впервые в дошедших до нас античных источниках Ипполит появляется в сохранившейся фрагментарно трагедии Еврипида «Ипполит, закрывающийся плащом» (434 г. до н. э.) и отредактированной ее версии от 428 г. до н. э. В трагедии Ипполит отрекается от служения Афродите, богине любви, в пользу почитания девственной богини Артемиды. Разгневанная Афродита заставляет мачеху Ипполита Федру влюбиться в пасынка, а когда тот гневно отказывается от ее любви, женщина оканчивает жизнь самоубийством, оклеветав Ипполита в предсмертном письме. Узнавший обо всем отец Ипполита Тесей просит Посейдона наказать юношу. В конце трагедии Ипполит был до смерти разбит собственными конями. Артемиды является Тесею и рассказывает про козни Афродиты. Богиня устанавливает обычай, согласно которому каждая девушка должна перед браком принести в дар погибшему юноше свои волосы.

В римской литературе к фигуре Ипполита обращается Вергилий. Согласно его версии, возвращенный к жизни Эскулапом по просьбе Дианы юноша был спрятан богиней в Ариции от гнева Юпитера и назван Вирбием⁶. Несколько позже Овидий также связывает сына Тесея с местным арицийским малым божеством⁷.

Оба автора через историю об Ипполите-Вирбии объясняли запрет на допуск в святилище Дианы Арицийской лошадей⁸. Однако стоит задаться вопросом, что произошло раньше: запрет или отождествление Вирбии с Ипполитом. Первый вариант кажется необоснованным. По крайней мере, мы не располагаем достаточным количеством данных для того, чтобы выяснить причину недопущения коней в святилище. Вероятнее всего, подобный запрет был введен уже после отождествления греческого юноши с арицийским божеством. Связь обеих фигур должна быть обоснована иначе.

Римский грамматик IV в. Сервий в попытке объяснить нахождение Ипполита в Ариции трактовал имя *Virbius* как *bis virum* (т. е. дважды рожденный)⁹. Также Сервий сопоставлял

⁶ Verg. Aen. VII. 761–782.

⁷ Ovid. Meth. XV. 443–444; Ibid. Fast. VI. 753–756.

⁸ Verg. Aen. VII. 778–779; Ovid. Fast. III. 265–266.

⁹ Serv. Aen. VII. 761.

связь Дианы и Вирбия со связями между Кибелой и Аттисом, Эрихтонием и Афиной/Минервой и Адонисом и Афродитой/Венерой¹⁰. Эрихтоний был рожден автохтонно и усыновлен Афиной/Минервой, Адонис являлся возлюбленным Афродиты/Венеры, а Аттис – Кибелы. Так или иначе, все юноши имели тесную связь с т.н. Великими богинями, которые покровительствовали своим земным возлюбленным.

Дж. Фрейзер связывал Вирбия с фигурой жреца Дианы – Царя Леса или Царя Священной рощи (*Rex Nemorensis*)¹¹, который авторами имперского периода описывался как беглый раб, убивавший предыдущего жреца для замены его в этой должности¹². Согласно теории Дж. Фрейзера, *Rex Nemorensis* некогда олицетворял собой божественного супруга богини плодородия, коим мыслился Вирбий. Смерть жреца наступала в момент, когда он больше не мог обеспечивать процветание Ариции ввиду болезни или старости, что как раз и позволяло его сопернику победить в смертельном поединке и стать новой «ипостасью» Вирбия. Подобный ритуал связан и с введенным Дж. Фрейзером архетипом «умирающего и воскресающего божества». Отождествление Вирбия с Ипполитом Дж. Фрейзер объяснял тем, что обе фигуры были божественными супругами Дианы/Артемиды¹³.

Гипотеза Дж. Фрейзера опирается в немалой степени на двуликий бюст, найденный на территории святилища еще в конце XIX в. Одна часть бюста изображала молодого юношу, другая – его же, но уже в зрелом возрасте и с бородой. В добавление к мнению Ф. Грейнджера¹⁴, полагавшего, что бюст изображает Ипполита-Вирбия, антрополог связывает бюст с Царем леса (одна часть – жрец богини, другая – молодой претендент на его место). Жрец, по мнению Дж. Фрейзера, олицетворял собой человека, который был убит и вернулся к жизни в иной, божественной,

¹⁰ Serv. Aen. VII. 761.

¹¹ Fraser J.G. The golden bough: a study in magic and religion. Part I. The magic art and the evolution of kings. London. 1920. Vol. 1. Pp. 39–40.

¹² Cp. Strabo V. 3. 12; Ovid. Fast. III. 271–272; Ibid. Ars Amat. I. 259–262; Suet. Cal. 35; Pausan. II. 27. 4; Serv. Aen. II. 116.

¹³ Fraser J.G. The golden bough: a study in magic and religion... Vol. 1. Pp. 39–40.

¹⁴ Granger F.A. Portrait of the Rex Nemorensis: The Classical Review // Cambridge University Press. 1907. Vol. 21. No. 7. Pp. 194–197.

ипостаси Ипполита-Вирбия. При этом сам процесс смерти мог быть связан с плодородием и отсылал к ритуальному смертельному поединку Царя леса и беглого раба.

Мы не будем уходить здесь в полемику о том, насколько точно Дж. Фрейзер обозначил исследуемый архетип¹⁵, однако укажем, что сюжет жизни после смерти в случае с Ипполитом-Вирбием следует рассматривать гораздо шире. Уже у Еврипида Артемиде обещает умирающему юноше вечную жизнь через установление ритуала. Более того, сама его история воспевается и передается в поэзии.

Стоит сказать, что Еврипид ссылаясь на существовавший в его время культ героя в Трезене, где и происходят основные действия трагедии и где действительно существовал обычай посвящения локонов незамужними женщинами Ипполиту перед заключением брака¹⁶. Дж. Фрейзер полагал, что остриженные волосы предназначались для укрепления брака между Артемидой и Ипполитом, которого антрополог трактовал как супруга богини¹⁷. Это соотносится с его концепцией об отождествлении Вирбия с супругом Дианы, однако сами брачные отношения между греческим юношей и богиней кажутся сомнительными. Обычай посвящения волос перед свадьбой можно встретить в Мегаре, где девушки приносили срезанные волосы на могилу погибшей в девичестве Ифиной¹⁸. При этом Павсаний указывает на то, что подобный обычай можно встретить в культах Артемиды Гекаэрги и Артемиды Опида на острове Делос. Иначе говоря, девушки приносили в жертву волосы Ипполиту не из-за его супружеской связи с Артемидой, а ввиду его ранней смерти. Учитывая, что в мифе об Ипполите важную роль играет богиня любви и брака Афродита, обращение молодых девушек к герою могло символизировать переход в новое состояние. Это обстоятельство

¹⁵ Например, М. Элиаде предлагает пересмотреть концепцию Дж. Фрейзера как архетип «исчезающего и возвращающегося божества» [См. Элиаде М. Миф о вечном возвращении / пер. с франц. А. А. Васильевой, Ю. Н. Стефанова, Н. К. Гарбовского. М.: Ладомир. 2000. – 414 с.].

¹⁶ Pausan. II. 32.

¹⁷ Fraser J.G. The golden bough: a study in magic and religion... Vol. 1. P. 39.

¹⁸ Pausan. I. 43. 4.

позволяет с большей осторожностью относиться к более позднему сопоставлению Ипполита в качестве любовника Дианы у Сервия, о котором мы писали выше.

Павсаний также приводил версию, согласно которой воскрешенный Ипполит удалился в Арицию, стал в ней царем и посвятил Диане/Артемиде священный участок, где происходило состязание между беглыми рабами за жреческую должность при храме богини¹⁹. Рядом с культовым местом захоронения Ипполита, согласно сообщениям Павсания, находилась священная роща Асклепия²⁰, на площади города – возведенный легендарным Тесеем храм со статуей Артемиды Спасительницы²¹, а у одного из местных театров – построенный Ипполитом храм Артемиды Ликейской²².

Конечно, в период жизни Павсания Диана уже была приравнена к Артемиде, и римляне, как и греки, не видели различий между богинями. В условиях полностью эллинизированного культа сюжет о юноше, которого в Арицию поместила сама Диана, сделав своим младшим божеством, был в некоторой степени переосмыслен греческим автором.

К. Волднер видит во включении греческого героя в арицийский культ определенный политический смысл. Самый первый литературно оформленный миф об Ипполите исследовательница рассматривает с точки зрения восприятия афинянином Еврипидом распространившихся в его время орфических учений, в которых проповедовались идеи перерождения (Тесей бранит Ипполита за приверженность к числу орфиков). Еврипид же, в противовес орфизму, наделяет Ипполита своего рода вечной жизнью. Но, в отличие от более поздних итальянских версий, трагик показывает, что границы между смертной жизнью и божественным бессмертием строго очерчены. Как отмечает К. Волднер, пересекая – метафорически – границы между Элладой и Римом,

¹⁹ Pausan. II, 27, 4.

²⁰ Ibid. II, 27, 1.

²¹ Ibid. II, 31, 1.

²² Ibid. II, 31, 4.

Ипполит словно пересекал грань между героической смертью и божественной жизнью²³.

Что же касается политического соотношения Ипполита версии Еврипида и Ипполита-Вирбия римских авторов, то здесь стоит отметить ряд важных моментов. Афиняне отстаивали демократические устои как в политическом, так и в религиозном поле. Произведения трагиков были направлены в том числе и на то, чтобы отражать и в некотором смысле поддерживать общественно-политическое устройство полиса²⁴. Римская республика имела несколько отличное от греческих полисов устройство. Сама история Ипполита в римской версии сосредотачивалась скорее на том, что с ним произошло после смерти, т.е. на переселение в Арицию. Политическая же составляющая первоначальной истории здесь не прослеживается.

Учитывая, таким образом, достаточно поздние сведения античной литературной традиции и отсутствие явных указаний на присутствие греческого героя в культе Дианы Арицийской до I в. до н. э., попробуем ответить на вопрос: в какой период Вирбий был отождествлен с Ипполитом? Это могло произойти как в период второй фазы застройки святилищного комплекса Дианы (середина III в. до н. э.), когда, по мнению итальянских археологов, была воздвигнута постройка в честь Вирбия²⁵, так и к середине I в. до н. э., когда храм перестраивался в третий раз по греческому образцу (коринфский ордер)²⁶ и когда об этом заговорили античные поэты.

²³ Waldner K. Hippolytus and Virbius: Narratives of “Coming Back to Life” and Religious Discourses in Greco-Roman Literature // *Coming Back to Life: The Permeability of Past and Present, Mortality and Immortality, Death and Life in the Ancient Mediterranean*. University of Erfurt. 2017. Pp. 345–374.

²⁴ Ibid. P. 354.

²⁵ Diosono F., D’Angelo G. Nemi in contesto. La decorazione fittile delle diverse fasi del tempio di Diana tra vecchie collezioni e nuovi dati stratigrafici... P. 397.

²⁶ Diosono F. Ricerche in corso nel santuario di Diana a Nemi // ed. E. Greco, A. Salzano, C. I. Tornese (a cura di). *Dialoghi sull’Archeologia della Magna Grecia e del Mediterraneo*. Atti del IV Convegno Internazionale di Studi. Paestum 15–17 novembre 2019. Pandemo. Salerno. 2021. Vol. I. P. 96.

Процесс эллинизации культа Дианы Арицийской должен был проходить постепенно. К III в. до н. э. латины уже были хорошо знакомы с греческой мифологией. Так, сама античная литературная традиция адаптировала еврипидовские сюжеты как минимум с рубежа III–II вв. до н. э. (начиная с произведений Энния из Рудия), однако на уровне нелитературного творчества обращение к эллинской мифологии заметно гораздо раньше. Например, около V в. до н. э., после битвы при Регильском озере, в Риме был построен храм в честь Диоскуров²⁷, что может быть индикатором греческого влияния на Вечный город. В Палестрине (Praeneste) между 300 и 270 гг. до н. э. была изготовлена циста (см. CIL XIV 4108), на которой, как полагает Л.Б. ван дер Мир, была изображена история, отсылающая к мифу о заклании Ифигении в качестве жертвоприношения Артемиде/Диане²⁸. Примерно III в. до н. э. датируется другая палестринская циста (см. CIL XIV 4109), которая содержит имя важного «персонажа» культа Дианы Арицийской – Ореста. Циста также отсылает к троянскому циклу и изображает предысторию и последствия Троянской войны²⁹.

Представляет немалый интерес найденная недалеко от Ариции (в Castrimoenium) циста III в. до н. э., на которой по предварительным данным представлено «классическое» изображение Дианы в окружении Юноны, Юпитера, Кастора и Поллукса, Венеры и Силена (см. CIL XIV 4111). Помимо божеств на цисте присутствуют различные экзотические и мифические животные (лев, леопард, грифон, водный змей). Л.Б. ван дер Мир полагает, что на цисте изображены сцены из сюжета об охоте на Калидонского вепря³⁰.

Как видим, греческие сюжеты проникли на территорию Альбанских гор достаточно быстро после включения Ариции в число римских муниципиев. Однако, как и в случаях с ранее упоминаемыми цистами, происхождение данной находки неизвестно.

²⁷ Соколов Г.И. Искусство Древнего Рима. М., 1971. С. 30–31.

²⁸ Meer L.B. van der. Enigmatic (?) friezes on Praenestine cistae // *Analecta Praehistorica Leidensia*. 2017. №47. Pp. 216–217.

²⁹ Ibid. Pp. 217–218.

³⁰ Ibid. P. 219.

Вместе с тем циста из Кастримония вкупе с другими археологическими данными позволяет говорить о влиянии эллинизации на образ Дианы Арицийской в III в. до н. э. Отсюда вопрос о «проникновении» в культ богини Ипполита в этот период вновь актуализируется. Мы не располагаем сведениями о каких-либо ближайших изображениях Ипполита в Лации в данный период. Вместе с тем известна погребальная урна III–I вв. до н. э. из Этрурии, отсылающая к гибели юноши³¹. Однако культурных связей между Арицией и Этрурией до сих пор зафиксировано не было, кроме того, датировка урны не столь четкая, поэтому мы по-прежнему не можем уверенно говорить о присутствии греческого героя в культе Дианы до I в. до н. э.

Помимо предполагаемого храма Ипполита-Вирбия на территории комплекса было обнаружено три антефикса III в. до н. э., изображающих мужские фигуры: 1) бегущий; 2) в сопровождении ищейки; 3) присевший рядом с псом³². Выдвигаются предположения о том, что данные антефиксы связаны между собой и изображают эпизоды из жизни Ипполита-Вирбия³³. Однако выйти за рамки гипотез в настоящий момент нельзя.

Как говорилось выше, о самом местном божестве Вирбии известно крайне мало. За пределами Ариции его имя встречается лишь раз: надпись CIL X 1493 из Неаполя указывает на некоего фламена Вирбия. П. Мустонен сообщает, что за пределами Лация наличие фламенов было редким явлением и связывалось с романизацией местной религии³⁴. Сам Неаполь до середины IV в. до н. э. был греческим городом, поэтому весьма вероятно, что местное водное божество было отождествлено с Вирбием ввиду их схожести. К сожалению, датировка надписи не установлена, а других подобных посвящений Вирбию ни в Неаполе, ни в Ариции мы не находим. Функционал Вирбия также неясен, да и само

³¹ См.: The British Museum Collection. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1851-0416-14?selectedImageId=293281001 (дата обращения: 15.05.2025).

³² *Diosono F., D'Angelo G.* Nemi in contesto...Pp. 400–401.

³³ *Ibid.* P. 401.

³⁴ *Mustonen P.* Flaminica dialiksen uskonnollinen rooli. Rooman tasavalta ja keisariajalla. Tampere. 2010. P. 75.

божество «появляется» в античной литературной традиции вместе с Ипполитом.

Связь Ипполита-Вирбия с Царем Священной рощи, о которой утверждают Дж. Фрейзер и его последователи, в свете обращения многих античных авторов к фигуре Ореста и таврическому культу Артемиды при трактовке ритуального убийства жреца³⁵ может показаться сомнительной. Однако в этом противоречии и отражается попытка римских и греческих авторов через обращение к известным им схожим ритуальным практикам других народов объяснить местные неясные им обычаи.

Напоследок стоит сказать, что соотношение мифа и ритуала в древних обществах давно рассматривается религиоведами: с одной стороны, миф объясняет ритуальные действия, с другой – ритуал иллюстрирует и опирается на миф. В вопросе, что здесь является первичным – миф или ритуал, – в настоящий момент единого ответа нет. Однако если рассматривать сюжеты Еврипида и его римских последователей с точки зрения превентивности ритуала над мифом, то мы можем предположить, что в Ариции имелся некий обычай, который был впоследствии обоснован мифотворцами как перенос таврического ритуала с одной стороны и как ритуальное повторение судьбы погибшего и воскресшего Ипполита-Вирбия с другой. На наш взгляд, включение данного мифологического героя в арицийский культ произошло незадолго до того, как античные поэты стали отождествлять Вирбия с Ипполитом, т. е. приблизительно к I в. до н. э. Сам Вирбий – также относительно «новая» фигура в культе богини, которая, вероятно, стала почитаться здесь уже после распада Латинского союза. Вместе с тем возобновление раскопок святилищного комплекса в августе 2025 г. в перспективе может открыть исследователям больше сведений об этом божаестве.

Список используемых сокращений

CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum:

³⁵ Cp. Strabo V. 3. 12; Ovid. Fast. III. 271–272; Ibid. Ars Amat. I. 259–262; Suet. Cal. 35; Pausan. II. 27. 4; Serv. Aen. II. 116.

CIL X: Inscriptiones Bruttiorum, Lucaniae, Campaniae, Siciliae, Sardiniae Latinae. Ed. Th. Mommsen. 1883 (impr. iter. 1963).

CIL XIV: Inscriptiones Latii veteris Latinae. Ed. H. Dessau. 1887 (impr. iter. 1968).

Liv. – Livius Titus. Ab urbe condita. URL: <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/searchresults?q=livy> (дата обращения: 23.03.25).

Ovid. – Ars Amat. – Ovidius Publ. Naso. Ars amatoria / ed. J. H. Mozley, Cambridge. 1929. – 382 p.

Ibid. Fast. – Ibid. Fasti / ed. Frazer J. G. Publius Ovidius Naso. Fasti. London. 1929. – 353 p.

Ibid. Meth. – Ibid. Metamorphoses. XIV, XV. ed. H. Magnus. Gotha. Friedr. Andr. Perthes. 1892. – 538 p.

Pausan. – Pausanias. Graeciae descriptio / ed. H. Hitzig et H. Bluemner. Lipsiae. 1907. – 1036 p.

Serv. Aen. – Maurus Servius Honoratus. In Vergilii carmina comentarii. Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii; recensuerunt Georgius Thilo et Hermannus Hagen. Georgius Thilo. Leipzig. B. G. Teubner. 1881. URL: <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.02.0053> (дата обращения: 23.03.25).

Strabo – Strabo. Geographica / ed. A. Meineke. Leipzig: Teubner. 1877. – 814 p.

Suet. Cal. – Suetonius. De vita XII Caesarum. Caligila. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/suet.html> (дата обращения: 23.03.25).

Verg. Aen. – Vergilius P. Maro. Aeneis / ed. E. Norden. Leipzig: B. G. Teubner. 1903. – 483 p.

Библиография

Возвышение Рима: от основания до 220 года до н. э./ под. ред. Ф.-У. Уолбэнка, А.-Э. Астина, М.-У. Фредериксена, Р.М. Огилви, Э. Драммонда; пер. с англ., подготов. текста В.А. Гончарова. М.: Ладомир. 2015. Кембриджская история Древнего мира. Т. 7. Кн. 2. – 968 с.

Соколов Г.И. Искусство Древнего Рима. М.: Искусство. 1971. – 230 с.

Элиаде М. Миф о вечном возвращении / пер. с франц. А.А. Васильевой, Ю.Н. Стефанова, Н.К. Гарбовского. М.: Ладомир. 2000. 414 с.

Diosono F., D'Angelo G. Nemi in contesto. La decorazione fittile delle diverse fasi del tempio di Diana tra vecchie collezioni e nuovi dati stratigrafici // *Deliciae Fictiles V: Architectural Terracottas and Decorative Roof Systems in Italy and Beyond*. ed. Lulof P., Manzini I., Rescigno C. Philadelphia. 2019. Pp. 397–407.

Diosono F. Ricerche in corso nel santuario di Diana a Nemi // ed. E. Greco, A. Salzano, C. I. Tornese (a cura di). *Dialoghi sull'Archeologia della Magna Grecia e del Mediterraneo*. Atti del IV Convegno Internazionale di Studi. Paestum 15–17 novembre 2019. Pandemo. Salerno. 2021. Vol. I. Pp. 93–103.

Fraser J.G. The golden bough: a study in magic and religion. Part I. The magic art and the evolution of kings. London. 1920. Vol. 1. – 426 p.

Ghini G., Diosono F. Il Santuario di Diana a Nemi: recenti acquisizioni dai nuovi scavi // *Sacra Nominis Latini. I santuari del Lazio arcaico e repubblicano*. Atti del Convegno. Roma. 2012. Vol. I. Pp. 119–137.

Granger F.A. Portrait of the Rex Nemorensis: The Classical Review // Cambridge University Press. 1907. Vol. 21. No. 7. Pp. 194–197.

Meer L.B. van der. Enigmatic (?) friezes on Praenestine cistae // *Analecta Praehistorica Leidensia*. 2017. №47. Pp. 211–223.

Mustonen P. Flaminica dialiksen uskonnollinen rooli. Rooman tasavalta ja keisariajalla. Tampere. 2010. – 88 p.

The British Museum Collection. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1851-0416-14?selectedImageId=293281001 (дата обращения: 15.05.2025).

Waldner K. Hippolytus and Virbius: Narratives of “Coming Back to Life” and Religious Discourses in Greco-Roman Literature // *Coming Back to Life: The Permeability of Past and Present, Mortality and Immortality, Death and Life in the Ancient Mediterranean*. University of Erfurt. 2017. Pp. 345–374.

А.Д. Жаворонков
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

Тяжба Ивана Кочерина с Йоханнесом Вреде и торговый конфликт Ганзы и Новгорода (1406–1409 гг.) по ганзейским документам

В рамках изучения торговых и дипломатических отношений Великого Новгорода и Ганзейского союза рассматривается тяжба между русским купцом Иваном Кочериным и его немецким коллегой Йоханнесом Вреде, длившаяся с 1403 по 1411 г. Данное исследование стало возможным благодаря введению в научный оборот и публикации ганзейских документов – переписки властей Ливонских городов и Немецкой общины Новгорода. В этой переписке, которая не привлекалась к анализу в работах историков по данной теме, отражается влияние тяжбы Кочерина и Вреде на взаимоотношения между Ганзой и Новгородом. Особое внимание в статье уделяется делопроизводству ливонских ганзейских городов. Сделан вывод, что одной из главных причин торгового конфликта между ганзейскими и новгородскими купцами с 1405 по 1409 г. был конфликт между Кочериным и Вреде.

Ключевые слова: Великий Новгород, Ганзейский союз, торговля, торговая война.

Важным сюжетом изучения истории Северо-Западной Руси являются дипломатические и торговые отношения Великого Новгорода с Ганзейским союзом. В рамках этих взаимодействий происходили многочисленные споры купцов, и ярким примером является тяжба между Иваном Кочериным и Йоханнесом (Хансом, Гансом) Вреде, которая тянулась с 1403 по 1411 г.¹ Этот конфликт повлек за собой серьезные последствия для торговли Ганзы с Новгородом, вследствие чего для урегулирования были привлечены главные ливонские города и даже Любек, где собирались центральные съезды Ганзейского союза². Важные

¹ Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова 1392–1407 гг. / П.В. Лукин, С.В. Полехов, Е.Р. Сквайерс. М.; СПб., 2021. С. 81.

² Назаренко Н.И. Правовые основы организации торговых корпораций Германии и их отражение в корпусе международных актов Новгорода и Ганзы (XII-

элементы данной тяжбы нашли отражение в переписке ганзейских городов между собой и с Немецкой общиной Новгорода – документах, которые ранее не были рассмотрены исследователями в рамках поставленной проблемы.

В этой связи обращение к ганзейским источникам по данной тяжбе, которая привела к масштабному торговому конфликту 1406–1409 гг.³, является важным этапом изучения взаимоотношений между Новгородом и Ганзой. Целью работы является раскрытие влияния тяжбы между Иваном Кочериным и Йоханнесом Вреде на кризисный этап в торговых отношениях между Ганзейским союзом и Великим Новгородом в начале XV в. на основе опубликованных ганзейских документов. Хронологические рамки исследования обосновываются первым упоминанием конфликта (1403 г.) и заключением полюбовного соглашения в Дерпте (1411 г.).

Источниковедческая проблема заключается в том, что русский актовый материал достаточно ограничен в силу неразвитости делопроизводства в XV в. в сравнении с немецкими практиками ведения торгового делопроизводства⁴. Договоры и тяжбы русских купцов чаще всего заключались и решались на основе крестоцелования⁵, и их условия редко обнаруживаются в русском актовом материале XIV–XV вв., в то время как ганзейские архивы предоставляют нам многочисленный материал купеческих документов⁶. В данном случае мы привлекаем материалы переписок властей Дерпта, Ревеля, Риги, Любека, письма

XV вв.) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 4. 2018. С. 17.

³ Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. М., 2009. С. 96–98.

⁴ Козак К.И. Германия: история и организация архивного дела // Всеобщая история архивов. История и организация архивного дела в странах Европы. Часть II: коллективная монография. М., 2020. С. 50–55.

⁵ Дунаева Ю.В. Торговля Великого Новгорода с Ганзейским союзом в XIV–XVI вв. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический журнал. 2021. № 4. С. 73.

⁶ Всеобщая история архивов. История архивного дела в странах Европы. Часть II. М. 2020 С. 53–55.

Немецкой новгородской общины. Эти документы были опубликованы в ряде изданий на русском⁷ и немецком⁸ языках, часть из них была переиздана недавно⁹, что подчеркивает рост популярности данной темы. При этом многие специалисты отмечают, что до сих пор эти документы слабо исследованы и получили мало внимания со стороны историков¹⁰.

В историографии к проблеме отношений Ганзейского союза и Великого Новгорода обращались как отечественные, так и зарубежные исследователи. Т. Линднер в конце XIX в. первым написал общую работу по истории образования Ганзейского союза. В рамках своего труда он указал на особые торговые взаимоотношения Ганзы и Новгорода, в которых ключевую роль играло взаимоотношение русских земель с Ливонскими городами¹¹. В 1916 г., в рамках рассмотрения торговых отношений Руси и Ганзы, Л. Гетц подчеркивает особое значение тяжбы Кочерина и Вреде, так как к ее урегулированию были привлечены главные ливонские города Ганзейского союза и сам Любек¹². Однако сами документы историк не приводит, останавливаясь лишь на значимости данного конфликта.

Из отечественных исследователей выделим крупные работы А.Л. Хорошкевич¹³ и М.Б. Бессудновой¹⁴. Историки подробно

⁷ См. Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова...; «Русская Ганза». Жизнь немецкого подворья в Новгороде, 1346-1521 годы. Письма и материалы. / Перевод, примечания, статьи М.Б. Бессудновой. СПб., 2019. 288 с.

⁸ Goetz L.K. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916. 424 p.

⁹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Т.1. Тексты / 2-е издание. М., 2025. 856 с.

¹⁰ См. Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова... С. 3-4; Дунаева Ю.В. Торговля Великого Новгорода с Ганзейским союзом в XIV–XVI вв... С. 69.

¹¹ Линднер Т. История Ганзы / перевод Н.А. Власов. СПб., 2020. С. 113–139.

¹² Goetz L.K. Deutsch-russische Handelsverträge... Pp. 195–196.

¹³ Хорошкевич А.Л. Торговля Новгорода Великого с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. М., 1963. 365 с.

¹⁴ «Русская Ганза». Жизнь немецкого подворья в Новгороде, 1346-1521 годы. Письма и материалы. / Перевод, примечания, статьи М.Б. Бессудновой. СПб., 2019. 288 с.

описали главные особенности торговых отношений Ганзы и Великого Новгорода на основе русских документов. Е.А. Рыбина составила на основе ранее известного актового материала, а также большого количества археологических находок, хронологию дипломатических и торговых взаимоотношений между Новгородом и Ганзой с XII по XV в.¹⁵ Отдельно выделим труд А.В. Ушакова, который исследовал письма ливонских и ганзейских магистратов и выстроил модель их политики в отношении торговых связей с Русью¹⁶. Несмотря на то, что проблема торговых отношений часто затрагивалась исследователями, выбранная нами тяжба редко привлекала к себе пристальное внимание и рассматривалась, как правило, только с русской стороны, оставляя без внимания отношение к ней ганзейских властей и купцов.

Первое сообщение о тяжбе Ивана Кочерина с Йоханессом Вреде в ганзейских документах датируется 30 ноября 1403 г. Немецкая община Новгорода сообщает властям Ревеля, что Кочерин предлагает Вреде пойти на мировую и решить все споры. Сущность проблемы община в письме не приводит. Немецкий купец отказывается от данного предложения¹⁷. Из другого источника мы узнаем, что Вреде был влиятельным купцом, который многократно жертвовал крупные суммы на развитие Немецкого двора в Новгороде, в том числе давал деньги в долг общине на восстановление церкви Св. Петра после пожара Словенского конца в марте 1403 г.¹⁸ Так, община задолжала ему за колокол и богатую церковную утварь 5,5 рижских марок¹⁹, что составляло примерно 1,115 кг серебра²⁰.

Сущность спора заключалась в том, что в устье Невы на корабль с товаром Кочерина, который предназначался Вреде, было совершено нападение разбойников. Так как эта территория не

¹⁵ Рыбина Е.А. Новгород и Ганза... 320 с.

¹⁶ Ушаков А.В. Письма магистрата Любека в Ревель по поводу торговли "Новгородских гостей" последней трети XV века (из Таллинского городского архива) // Saigus. Т.2. №2. 2023. С. 74–95.

¹⁷ Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова... (№11). С. 79–81.

¹⁸ Рыбина Е.А. Новгород и Ганза... С. 96.

¹⁹ «Русская Ганза»... (№8). С. 41–42.

²⁰ Федоров Д.Я. Монеты Прибалтики XIII–XVIII столетий. Определитель монет. Таллин, 1966. С. 370–371.

входила в зону контроля ни Новгорода, ни Ганзейских городов, а в зону контроля Нарвы – города Ливонского ордена, то русский купец предложил полюбовно урегулировать дело и забыть обиды. Из переписки ливонских городов мы узнаем, что Вреде получил грамоту от Кочерина с вышеуказанным предложением, но с неверно переведенным текстом, что выяснилось позднее²¹, вследствие чего не пожелал принять условия новгородского купца. Содержание неверного письма до нас не дошло. Важно, что, зная невиновность Кочерина в данном происшествии, Немецкая новгородская община «снимает его имя с лестницы»²², то есть разрешает с ним торговлю, несмотря на то, что не получила на это разрешение от ливонских городов. Это указывает на то, что, несмотря на подчинение ганзейским городам, у Немецкой общины была своего рода автономия в торговых делах, если дело касалось экономической выгоды купцов.

По Нибурову миру 1392 г. купцы должны были сами решать спор между собой. Следовательно, данный конфликт должен был локализоваться в рамках взаимодействия Немецкой новгородской общины и русского купца²³. Однако обострение отношений произошло на волне вторжения в Псковскую землю литовских войск в 1405 г.²⁴, что поставило под угрозу торговые маршруты в Новгород, проходившие через Псков. В этой связи в донесении властей Ревеля властям Дерпта мы видим, что на Неве у новгородцев снова отняли товар. Об этом сообщил в Ревеле ратманам и бургомистрам приехавший туда Иван Кочерин, который 18 ноября 1406 г. потребовал у ганзейских ливонских городов не только урегулирования и осуществления безопасного проезда купцов по Неве, но и просил разрешить его спор с Вреде²⁵. На это Кочерину был дан ответ, что за решением ему следует обратиться

²¹ Goetz L.K. Deutsch-russische Handelsverträge... Р. 195–196.

²² Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова... (№11). С. 79–81.

²³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова... (№26). С. 96–111.

²⁴ Несин М.А. Русско-литовское противостояние 1406-1408 гг. (с 1405 до осени 1406 г., до стояния на р. Плавне) // История военного дела: исследования и источники. № 9. 2017. С. 1–25.

²⁵ Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова... (№24). С. 113–114.

к управляющему данной территорией Ливонского Ордена – фогту²⁶ Нарвы или магистру ордена, если фогт не урегулирует вопрос, но не к городам ганзейского союза, с которыми ведется торговля, так как устье Невы – это зона контроля Нарвы. При этом ганзейские города выразили готовность помогать ему в этом деле²⁷.

Вернувшись в начале декабря в Новгород, Кочерин выступил на вече, о чем нам известно из сообщения Немецкой новгородской общины в Ревель. Речь купца неизвестна, но после собрания весь ганзейский товар был изъят, а ганзейцев закрыли на немецком дворе²⁸. Начинается торговый конфликт, прекращается торговля между Новгородом и Ганзой. В ходе переговоров, по донесению общины, тысяцкий указывал на то, что торговля будет возобновлена, а ганзейцы отпущены только после взаимного обмена всего арестованного немецкого и русского товара²⁹. Решить данный вопрос община не могла, не имея соответствующих полномочий. Вследствие этого оставалось только ждать послов магистра ордена и Ганзейского союза. Конфликт приобрел такие масштабы, что ливонские города были вынуждены направить дело Кочерина и Вреде на рассмотрение в Любек, так как именно оно лежало в основе данной «торговой войны». Ответ из Любека пришел только в июне 1407 г. – через более чем полгода после начала ареста немецких купцов в Новгороде. На ганзетаге³⁰ (нем. Der Hansetag) в Любеке было решено, что вопросы такого характера ливонские города должны разбирать и решать самостоятельно с соблюдением всех прав и традиций ведения торговли ганзейцев с русскими³¹.

²⁶ Якунина В.А. Торговая политика фогтов Нарвы в XIV-XV веках: «Дела купцов» на службе «дел земли» // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. №5 (23). 2019. С. 1–2.

²⁷ Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова... (№24). С. 113–114.

²⁸ Там же. (№26). С. 117–118.

²⁹ Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова... (№27). С. 119–120.

³⁰ Назаренко Н.И. Правовые основы организации торговых корпораций Германии и их отражение в корпусе международных актов Новгорода и Ганзы (XII-XV вв.) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 4. 2018. С. 17.

³¹ Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова... (№29). С. 124–127.

После этого рецесса³² власти Дерпта предлагают продлить запрет торговли с русскими купцами в кредит, а также прибить имя Кочерина к лестнице, что было также обговорено на местном ганзейском съезде 5 марта 1407 г. в Вальмере³³. Далее из переписки Дерпта с Ревелем мы узнаем, что ганзейские купцы прекратили любую торговлю с русскими под страхом жизни и имущества, однако вопрос о судьбе товара и купцов общины в Новгороде до сих пор не был решен; сообщение датируется 3 июля 1407 г. Более того, идут споры между ливонскими городами (Ригой, Ревелем и Дерптом): Дерпт направляет жалобу на Ревель в Ригу (центральный город в регионе), указывая на то, что не прекращена торговля ганзейских городов с Новгородом, а имя Кочерина не прибито к лестнице³⁴. Рига, стремясь разрешить конфликт, получает ответ из Ревеля, в котором сказано, что про запрет торговли с Кочериным в тексте рецесса Любека ничего не было сообщено, но из лучших соображений они пойдут на это³⁵. Из документов мы можем понять, что прекращение торговли удавило по экономике ливонских городов. Они продолжали торговать с Новгородом втайне от других городов союза³⁶. Любек отказался урегулировать процесс, считая, что это проблема местного масштаба. Между собой ливонские города также не могли определить правого в данном споре, пытаясь переложить ответственность на Ливонский орден и делегируя друг другу обязательства по разрешению конфликта.

Торговая война прекращается к 1409 г., когда после длительных переговоров новгородцев с ганзейцами и магистром ордена стороны проходят к соглашению, которое восстанавливало

³² *Иванов А.И.* Источники по истории Ганзы в архиве Ганзейского города Любека: Пределы и перспективы нового описания фонда “Hanseatica”. Заметки очевидца // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 5 (23). 2019. С. 2–3.

³³ Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова... (№32). С. 131–134.

³⁴ Там же. (№35), (№36). С. 140–146.

³⁵ Там же. (№36) С. 143–146.

³⁶ *Рыбина Е.А.* Новгород и Ганза... С. 97.

пункты Нибурова мира (1392 г.)³⁷ и подтверждала статуты Новгородской Скры (1371 г.)³⁸. Немецкие и русские купцы отпускались из-под стражи вместе с товаром как в Новгороде, так и в ливонских городах. Всем купцам было обещано свободное и безопасное передвижение, восстанавливались равные партнерские отношения³⁹.

Конфликт Кочерина и Вреде будет решен только к 1411 г. Документ о том, что стороны пришли к мирному урегулированию тяжбы, был подписан в Дерпте при многочисленных свидетелях как с ганзейской (бургомистр Дерпта Йохан Эппеншеде, ратманы Йохан Гультшеде и Тидеман Фос), так и с новгородской стороны (бояре Новгорода Василий Игнатов и Андрей Иванов) и скреплен печатями. Договор был подписан в двух экземплярах, на немецком и русском языках. Было обговорено, что стороны забывают и больше никогда не будут вспоминать инцидент с нападением на корабль с товаром, как и неверно переведенное письмо⁴⁰.

Таким образом, мы видим, как на фоне внешних событий, общих торговых проблем и споров развернулась история тяжбы между русским и немецким купцом, которая повлияла на торговые и политические отношения между Великим Новгородом и Ганзейским союзом. Мы можем наблюдать, что из-за бюрократизма властей ганзейских городов, сложных дипломатических отношений между Ганзой, Новгородом и Ливонским орденом, отсутствия хорошего переводчика конфликт, который мог бы быть урегулирован полюбовно, растянулся на несколько лет. Тяжба Кочерина и Вреде легла в основу торгового конфликта 1406–1409 гг., который, основываясь на документах Ганзы, нанес значительный ущерб купцам с обеих сторон. При этом, несмотря на соглашение 1409 г., главные проблемы торговых отношений так и не были решены, что вылилось в новые споры и «торговые

³⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова... (№26). С. 96–111.

³⁸ *Сквайерс Е.Р., Мальков А.В.* Новгородская скра: издание, перевод, исследование. М., 2020. С. 61–136.

³⁹ Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова... (№63). С. 210–212.

⁴⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова... (№35). С. 107–108.

войны» в 1410 и 1411 г.⁴¹ Заключенное между Кочериным и Вреде в 1411 г. в Дерпте соглашение должно было стать примером окончательного урегулирования споров между Ганзой и Новгородом. Не случайно при подписании мировой присутствовали видные представители как Ганзы, так и Новгорода. Несмотря на политические, экономические и культурные трудности и конфликты, стороны искали пути их решения, купцы стремились для общего развития и процветания находить компромиссы и решения.

Библиография

Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова 1392-1407 гг. / сост., подг., придисл. и коммент. П.В. Лукин, С.В. Полехов, Е.Р. Сквайерс. М.; СПб.: Изд-во Нестор-История, 2021. 264 с.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Т.1. Тексты / 2-е издание. М.: Изд-во Издательский Дом ЯСК, 2025. 856 с.

Дунаева Ю.В. Торговля Великого Новгорода с Ганзейским союзом в XIV–XVI вв. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический журнал. 2021. № 4. С. 68–75.

Иванов А.И. Источники по истории Ганзы в архиве Ганзейского города Любека: Пределы и перспективы нового описания фонда “Hanseatica”. Заметки очевидца // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 5(23). 2019. С. 1–6.

Козак К.И. Германия: история и организация архивного дела // Всеобщая история архивов. История и организация архивного дела в странах Европы. Часть II: коллективная монография / отв. ред. Т.И. Хорхордина. М.: РГГУ, 2020. С. 44–88.

Линднер Т. История Ганзы / перевод Н.А. Власов. СПб.: Изд-во Евразия, 2020. 224 с.

Назаренко Н.И. Правовые основы организации торговых корпораций Германии и их отражение в корпусе международных

⁴¹ Рыбина Е.А. Новгород и Ганза... С. 98–99.

актов Новгорода и Ганзы (XII-XV вв.) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 4. 2018. С. 12–19.

Несин М.А. Русско-литовское противостояние 1406-1408 гг. (с 1405 до осени 1406 г., до стояния на р. Плаве) // История военного дела: исследования и источники. № 9. 2017. С. 1–25.

«Русская Ганза». Жизнь немецкого подворья в Новгороде, 1346-1521 годы. Письма и материалы. / Перевод, примечания, статьи М.Б. Бессудновой. СПб.: Изд-во Евразия, 2019. 288 с.

Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. М.: Изд-во Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 320 с.

Сквайерс Е.Р., Мальков А.В. Новгородская скра: издание, перевод, исследования. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. 216 с.

Ушаков А.В. Письма магистрата Любека в Ревель по поводу торговли «Новгородских гостей» последней трети XV века (из Таллинского городского архива) // Saigus. Т.2. №2. 2023. С. 74–95.

Федоров Д.Я. Монеты Прибалтики XIII-XVIII столетий. Определитель монет. Таллин: Изд-во «Валгус», 1966. 421 с.

Хорошкевич А.Л. Торговля Новгорода Великого с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. М.: Изд-во Академия наук СССР, 1963. 365 с.

Якунина В.А. Торговая политика фогтов Нарвы в XIV-XV веках: «Дела купцов» на службе «дел земли» // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. №5 (23). 2019. С. 1–4.

Goetz, Leopold K. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg: L. Friederichsen, 1916. 424 p.

Д.С. Лавинюкова
Новосибирский государственный университет

Проблема спасения души и оправдания человека перед Богом в сочинениях идеолога протестантизма Филиппа Меланхтона (1497–1560)

Статья посвящена деятельности протестантского теолога Филиппа Меланхтона (1497–1560) и его взглядам на оправдание и спасение души, изложенным в основных сочинениях реформатора: трактате обобщающего характера *Loci communes*, излагающем протестантские взгляды на основные теологические вопросы, и Аугсбургском исповедании (актовом документе, являющемся договором между представителями власти Священной Римской империи и реформаторами-протестантами). Обращаясь к текстам источников, автор отмечает особенности, характерные для аргументации Меланхтона, и приходит к выводу, что его позиция полностью соответствует протестантской максиме *sola fide* (оправдание только верой) и является одной из источников формирования и официального документального закрепления этого принципа.

Ключевые слова: протестантизм, христианство, Филипп Меланхтон, XVI век, теология.

Роль Филиппа Меланхтона, или Филиппа Шварцерда (нем. Schwarze Erde – черная земля) в деле идеологической подготовки и распространения Реформации в Германии трудно переоценить. Этот человек, в ранней молодости ставший профессором университета и автором теологических трактатов, отличался от многих других реформаторов происхождением – в отличие от своего «наставника» Лютера, он никогда не носил монашеской ризы и не был священнослужителем. Теолог по университетскому образованию, первоначально он был гораздо более тесно связан с философско-теологическими кругами и с их представителями, такими как Иоганн Рейхлин (которому Меланхтон приходился дальним родственником по материнской линии) и Эразм Роттердамский, чем с реформаторами. Его знакомство с реформационным учением во время обучения в университете, в сущности, случайное, определило его дальнейшую судьбу. Благодаря мягкому и уступчивому характеру и хорошо развитому писательскому таланту он часто становился представителем от

делегаций реформаторов в различных мероприятиях, начиная с Лейпцигского диспута 1519 г., и автором документов, носящих характер компендиума всеобщих протестантских взглядов.

Цель настоящей статьи – рассмотрение взглядов Ф. Меланхтона в отношении спасения души и оправдания человека перед Богом. Данная тема является актуальной ввиду исключительной важности понятия спасения в теологии в целом и в протестантской теологии в частности, так как оправдание только верой (*sola fide*) принадлежит к числу введенных протестантами инноваций и стояло в основе идеологии схизмы (расхождения или раскола) между протестантами и католиками, во многом определившей развитие христианской религии в Европе.

Деятельность Филиппа Меланхтона изучалась германоязычными исследователями достаточно активно начиная с XIX в., однако в этих исследованиях чаще всего используется нарративный подход (некое событие или обстоятельства жизни реформатора просто напрямую излагаются хронологически, при этом аналитическая составляющая выражена достаточно слабо). В книге К. Зелля “*Philipp Melancthon und die deutsche Reformation bis 1531*”¹, опубликованной в 1897 г., исследована биография реформатора, обстоятельства его деятельности и написания основных сочинений, включая Аугсбургское исповедание. Отдельным аспектам деятельности Меланхтона, как, к примеру, разработке Аугсбургского исповедания и его участия в деятельности Аугсбургского рейхстага, также посвящен значительный пласт исследовательской литературы. Главным образом, это работы англоязычных лютеранских теологов – например, Юргена Неве “*The Augsburg confession; a brief review of its history...*” (1914), а также современных специалистов в области евангелической теологии, таких как датский теолог Лейф Гранэ². Развитие общего протестантского взгляда на спасение и предопределение через эволюцию взглядов Мартина Лютера достаточно подробно разработано в статье П. Смита “*Luther’s Development of the Doctrine of Justification by Faith Only*” (1913).

¹ Sell K. Philipp Melancthon und die deutsche Reformation bis 1531. Halle, 1897. 119 S.

² Grane L. The Augsburg Confession: a commentary. Minneapolis, 1987. 255 p.

Следует отметить, что в абсолютном большинстве приведенных исследований авторы-богословы, находящиеся в рамках христианской парадигмы, рассматривают исключительно теологическую сторону вопроса (развитие догматики), уделяя значительно меньшее внимание историческим обстоятельствам и следствиям появления идеологических позиций. В данной работе автор, используя исторический подход, рассматривает изложение критически важной для протестантов проблемы оправдания на непосредственном материале источников (сочинения Меланхтона).

Для более подробного понимания позиции Меланхтона в отношении спасения и оправдания необходимо вначале обратиться к становлению протестантского представления о спасении в целом и принципа *sola fide* в частности, разработанному Мартином Лютером. Как предполагает исследователь П. Смит, за несколько лет до официального хронологического начала Реформации (в 1513–1515 гг.) Лютер пришел ко мнению, что человеку не требуется совершать никаких активных действий для того, чтобы быть удостоенным благодатью Бога³, которая и обеспечивает спасение человека. Осознание этого пришло к Лютеру как внезапное озарение. Лютер разработал философскую позицию, провозглашавшую бесполезность благих дел (или трудов), без которых вера традиционно считалась недействительной. В системе его взглядов для получения спасения нужно было отвергнуть собственную волю, заставляющую совершать благие поступки, и полностью подчиниться воле Бога. Таким образом, согласно Мартину Лютеру, спасение является для человека «пассивным», то есть происходит благодаря пассивной благодати. Самое важное в этой позиции то, что грешнику не приходится жить в ожидании спасения или проклятия, пытаясь осознать, достаточно ли он совершил для получения оправдания: он уже либо обязательно спасен, либо, соответственно, обречен, в зависимости от божественного устройства, узреть сущность которого ему

³ Smith P. Luther's Development of the Doctrine of Justification by Faith Only. 1913. The Harvard Theological Review, vol. 6, no. 4, 1913. P. 422.

не дано до Страшного Суда (многие из этих позиций, как мы увидим, также будут отражены и в работах Меланхтона)⁴.

Основные соображения в отношении спасения души и оправдания изложены Меланхтоном в двух сочинениях. Разница между ними обусловлена их различным происхождением и назначением. Первое из них – *Loci communes* (Общие места), существующее в латинском (оригинал) и немецком (перевод современников) вариантах обобщение протестантской теологической мысли, неоднократно редактированное Меланхтоном в течение почти 40 лет. Второе сочинение – Аугсбургское исповедание, представленное для официального одобрения властью Священной Римской империи на Аугсбургском рейхстаге, при написании которого требовалось изобразить протестантские взгляды в положительном свете для католиков и минимизировать различия между новой деноминацией и традиционным пониманием веры.

В первом издании трактата *Loci communes* (1521) Меланхтон доказывает исключительную роль веры и Божией благодати в спасении души, ссылаясь на Новый Завет: в частности, на 3 и 4 главу Послания к Римлянам: («мы признаем, что человек оправдывается верою» (*justificari hominem per fidem*), и «поверил Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность» (*credidit Abraham Deo, et reputatum est illi ad justitiam*). Аргументация Меланхтона состоит в том, что оправдание Авраама произошло еще до того, как он фактически вступил в завет с Богом, то есть оправдание дается не тому, кто делает (*operatur*), а тому, кто верит (*credit*) (Рим., 4). Эти строки воспринимаются Меланхтоном прямо, в их непосредственном значении, в соответствии с его традиционным принципом буквального понимания Священного Писания, который он неоднократно высказывал в том числе и публично, к примеру, во время диспута в Марбурге с партией Ульриха Цвингли⁵. Для Меланхтона вера является центральным понятием в теологии оправдания души и играет ключевую роль в

⁴ Smith P. Luther's Development of the Doctrine of Justification by Faith Only. 1913. Pp. 422–424.

⁵ Tonn R. Philip Melanchthon's Doctrine of the Holy Eucharist: Master of Sacred Theology Thesis. Concordia Theological Seminary, St. Louis, 1960. 239 p.

конструировании отношений между человеком и Богом. Поступки без веры не имеют силы, и все то, что творится без веры, творится с ненавистью к Богу (*mit verachtung Gottes*) и вызывает Его презрение⁶; даже те поступки, которые человек считает благими, могут быть приняты или отвержены Господом по Его желанию, и никто, кроме Бога, не знает, как они будут оценены (до Страшного Суда). Эта неопределенность судьбы вне зависимости от количества совершенного блага рассматривается, в частности, как одна из причин того, почему нельзя полагаться на праведность собственных поступков для спасения.

Меланхтон концептуализирует веру как понимание человеколюбия Господа и его мягкосердечия (*barmherzigkeit*) по отношению к ничтожному человеку, признание Бога как своего отца (*vater*), защитника (*beschutzer*), судию (*richter*)⁷ всех своих поступков. Это мягкосердечие должно рождать в душе верующего желание возблагодарить Его беспрекословным подчинением. Примерами истинной веры полон Ветхий Завет: Богу безгранично доверял Авраам в книге Бытия, когда без сомнения положил на алтарь вместо агнца своего сына Исаака, понимая, что Господь воздаст ему впоследствии. Еврейский народ доверял Богу через Моисея, когда ходил за ним по пустыне. Меланхтон также приводит интерпретацию гибели Авеля апостолом Павлом в послании к Евреям, в которой вера рассматривается как главный элемент праведности и причина благосклонности Бога (искренняя вера сделала жертву Авеля действительной и возвысила его над завистливым братом Каином). Вера приумножает потомство, благодаря ей происходит то, что человеческому разуму кажется невероятным (престарелая Сарра стала матерью Исаака и прародительницей всех последующих людей)⁸. Вера для Меланхтона – явление, действующее в совершенно иной плоскости, отличной от измерения человеческой логики, воли и соображений, для которых существуют только земные ориентиры, такие как стремление к выживанию и обретению чести и

⁶ *Melanchthon P.* Philips Melanchtons gemeine anweissung ynn die heylige schrifft. Wittenberg, 1526. S. 85.

⁷ Ibid. S. M – M.v.

⁸ Ibid. S. 99/N.ijj.

избежание смерти и бедности⁹. Беспомощная человеческая воля и «здравый смысл», к которому реформаторы питали отвращение как к позорной человеческой попытке познать боговдохновенную действительность, не в состоянии совладать над чувствами (или аффектами, *affectus*)¹⁰, поэтому должна быть отвергнута в пользу веры.

В более поздней вариации текста *Loci communes* Меланхтон называет освобождение от грехов и обретение спасения и вечной жизни в раю частью «тайной мудрости» (*heimliche Weisheit*)¹¹, недоступной человеческому разуму без обращения к слову Божьему, «открывшейся пророкам и проповедуемой через апостолов» (*Propheten durch Gott geoffenbart und hernach durch <...> die Aposteln geprediget*)¹². «Вывать из ада» заблудшего и не имеющего доступа к этой мудрости человека способна только вера, то есть надежда (*Trost*) единственно на Бога и получение спасения Его милостью. В этом издании Меланхтон также прибегает к цитированию Нового завета, приводя притчу из Евангелия от Луки о женщине, которая омыла ноги Христу («*вера твоя спасла тебя, иди с миром*»). Меланхтон также отрицательно относился к высоко оцениваемому в католическом христианстве ощущению мучительного страха, содрогания перед своим грехом, который он обозначает термином *Reu* (покаяние, сожаление). Человек может полностью раскаиваться, бояться и дрожать, но если у него нет веры, то он не может обрести спасения и умрет в постоянном ощущении собственной греховности, как царь Саул или Иуда, что, однако, не сделает его праведным¹³. Взгляд Меланхтона тем

⁹ Osslund R. Melanchthon's Understanding of the Will in the Loci Communes. Concordia Theological Seminary, St. Louis, 1984. Pp. 17–22.

¹⁰ Melanchthon P. Philips Melanchtons gemeine anweisung... S. 8.

¹¹ Melanchthon P. Die Heubtartikel Christlicher Lere: Im latin, genant Loci communes Theologici [Loci Communes rerum theologicarum]. Wittemberg: Creutzer, 1542. S.CXI.v.

¹² Ibid. S.CXI.v

¹³ Melanchthon P. Die Heubtartikel Christlicher Lere: Im latin, genant Loci communes Theologici [Loci Communes rerum theologicarum]. Wittemberg: Creutzer, 1542. S.CXV.

самым значительно отличается от традиционно принятого восприятия покаяния как первой ступени к отвержению греховной жизни и первого шага на пути к спасению.

В «Аугсбургском исповедании» оправданию было посвящено несколько статей («Об оправдании верой» и «О благих делах»). В первой из них, как и в *Locī*, используется аналогичная стратегия аргументации (ссылка на 3 и 4 главы Послания к Римлянам Нового завета)¹⁴. Во второй статье отрицается, что соблюдение определенных обрядов или ритуалов способно привести к спасению. Здесь Меланхтон выводит два тезиса: подобная позиция богохульна, так как человек здесь находит иной способ спасения, придуманный им самим, «не через Христа», и ожидает вознаграждения за свои деяния от Бога. Для доказательства цитируется патристическая литература: сочинение Проспера Аквитанского *De vocatione omnium gentium* («О призвании всех народов»), «Оправдание кровью Христовой стало бы бессмысленным <...>, если бы прощение грехов, данное как благодать Бога, было бы дано за прижизненные заслуги, тогда оно было бы не даром, но платой за труд работника» (*Vilesceat enim redemptio sanguinis Christi <...> si justificatio quae fit per gratiam, meritis praecedentibus deberetur, ut non munus largientis, sed merces esset operantis*)¹⁵. Другая линия аргументации, также воспроизводимая и в *Locī communes* – неопределенность, тягостное и тяжелое состояние души, не знающей, достаточно ли она совершила благих дел и будет ли оправдана, мешает человеку продолжать жить. Также в Библии (Ин., 15:5) имеется прямое указание на то, что человек ничтожен и слаб без обращения к Христу и все благо, сотворенное им, происходит только через Христа, тем самым было бы греховно полагать, что поступки, даже продиктованные Законом, могут спасти: «Я есмь лоза, а вы ветви, кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (*ego sum vitis vos palmites qui manet in me*

¹⁴ Neve J.L. The Augsburg confession; a brief review of its history and an interpretation of its doctrinal articles, with introductory discussions on confessional questions. Philadelphia, Pa., The Lutheran publication society. 1914. Pp. 79–80.

¹⁵ Prosperus Aquitanus. De vocatione omnium gentium. // Patrologia Latina. Vol. 51. Paris, 1846. P. 669.

et ego in eo hic fert fructum multum quia sine me nihil potestis facere)¹⁶.

Важно заметить, что для реформаторов рассуждения об оправдании, как и о всех других теологических вопросах, происходили не сами по себе, а в контексте теологии предыдущих лет, в частности, средневековых теологических идеологий. Одной из таких концепций стало пелагианство, или ересь Пелагия (кельтского проповедника V в., известного оппонента Св. Августина), которое при фактическом угасании еще в эпоху раннего средневековья нередко применялось реформаторами в качестве полемического ярлыка для современных оппонентов. Пелагианство предполагало, что человек, принявший крещение (как правило, в осознанном возрасте) и осознавший себя как часть общины верующих, должен отвергнуть греховное прошлое и взять на себя полную ответственность за свою судьбу, в том числе и совершение добрых дел; при этом первородный грех не способен повлиять на личную вину человека и на его спасение¹⁷. Напротив, Августин Иппонийский, один из самых почитаемых отцов Церкви, чья мудрость признавалась как католиками, так и протестантами, считал человека рабом греха, неспособным совершить благие дела без помощи божественной благодати, зависимым от Господа, как младенец от матери¹⁸. Меланхтон неоднократно ссыался на Августина в своих работах (например, в главе *Locī communes* «О свободе воли» его имя упомянуто в контексте конфликта с пелагианами, в целом имя Августина в этом труде встречается более пяти раз в различных контекстах)¹⁹, поэтому для него понятие о Пелагии как о «еретике», выражающем взгляды, отличные от взглядов Августина, имело особое символическое значение. Позиционируя себя как защитника религиозной справедливости и отождествляя себя с Августином, Меланхтон переносил на своих противников (которых он считал еретиками) ярлык пелагианства.

¹⁶ Neve J.L. The Augsburg confession... pp. 139–140.

¹⁷ Haight R.D. Notes on the Pelagian Controversy. *Philippine Studies*. Vol.22. № 1/2. 1974. Pp. 30–32.

¹⁸ Ibid. P. 32.

¹⁹ Melancthon P. Philips Melanctons gemeine anweissung.... S. 8.

В сочинениях Меланхтона понятие «пелагианин», «сторонник пелагианства» встречается в значении людей, поддерживающих (с его точки зрения) достижение спасения своими собственными силами, или тех, кто отрицает первородный грех. Оно встречается наряду с такими терминами, как «софисты» (*sophisten*), «философы» (*philosophen*) [в значении представителей античной языческой философии и людей, исповедующих сходные взгляды], для обозначения оппонентов или врагов протестантского учения без привязки к фактическому значению этих идеологий.

Исходя из данных, полученных в результате исследования источникового материала, можно прийти к выводу, что Ф. Меланхтон рассматривал спасение как результат истинной веры христианина, то есть его полного смирения перед Богом, полного покорения Его воле и признание Его как своего единственного защитника и вершителя судеб всего человечества. Вера должна появляться как естественная благодарность человека за человеколюбие Господа и желание возблагодарить Его. Для Меланхтона она важнее не только благих поступков, но и того, что в традиционном понимании называется покаянием или раскаянием. Невозможность спасения путем благих поступков обосновывается через присутствие мучительной для грешника неопределенности и ничтожностью человеческой деятельности перед Богом.

Для стратегии аргументации Меланхтона характерно обилие цитат из Нового Завета, частично также используется патристическая литература (Проспер Аквитанский, св. Августин). Меланхтон предпочитает иллюстрировать свою позицию рассказами или примерами из Библии, которые предположительно доказывают его позицию (вера – основа спасения Авеля, чуда, испытанного Саррой и пр.). Мировоззрение Меланхтона во многом послужило основой для формирования протестантского (лютеранского) взгляда на спасение души и имеет много общих черт с позицией, сформулированной М. Лютером.

Библиография

Grane L. The Augsburg Confession: a commentary. Minneapolis: Augsburg Pub. House, 1987. 255 p.

Haight R.D. Notes on the Pelagian Controversy // *Philippine Studies*, 1974. vol.22, № 1/2, pp. 26–48.

Neve J.L. The Augsburg confession; a brief review of its history and an interpretation of its doctrinal articles, with introductory discussions on confessional questions. Philadelphia, Pa.: The Lutheran publication society, 1914. 160 p.

Osslund R. Melanchthon's Understanding of the Will in the Loci Communes: Master of Sacred Theology Thesis. Concordia Theological Seminary, St. Louis, 1984. 103 p.

Prosperus Aquitanus. De vocatione omnium gentium // *Patrologia Latina*. Vol. 51 / ed. by J.-P. Migne. Paris: Patrologiae Cursus Completus, 1846. pp. 647–722.

Sell K. Philipp Melanchthon und die deutsche Reformation bis 1531. Halle: Verlag für Reformationsgeschichte, 1897. 119 S.

Smith P. Luther's Development of the Doctrine of Justification by Faith Only // *The Harvard Theological Review*, 1913. vol. 6, № 4, pp. 407–425.

Tonn R. Philip Melanchthon's Doctrine of the Holy Eucharist: Master of Sacred Theology Thesis. Concordia Theological Seminary, St. Louis, 1960. 239 p.

И.А. Юдин

Новосибирский государственный университет

Особенности полемической стратегии Петра Скарги в ходе подготовки и после заключения Брестской унии 1596 г.

В статье рассматриваются особенности полемического инструментария, который использовался Петром Скаргой в произведениях, направленных на убеждение православного населения Речи Посполитой конца XVI в., проживавшего на территории современной Украины (т.е., русинов¹), в принятии постановлений Брестской унии. Наиболее репрезентативными источниками в данном ключе являются трактат “O rządzie i jedności Kościoła Bożego pod jednym Pasterzem i o greckim i ruskim od tej jedności odstąpieniu” (1590 г.) и сочинение “Synod Brzeski” (1597 г.), при составлении которых Скарга пользовался одинаковой технологией построения системы аргументации, избегал рассмотрения догматических несоответствий между конфессиями, а центральным вопросом его произведений являлся вопрос о праве осуществления Церковной власти.

Ключевые слова: Петр Скарга, иезуиты, Брестская уния, прозелитизм, полемическая стратегия, риторика, система аргументации.

Петра Скаргу (1536–1612), придворного проповедника при Сигизмунде III (1566–1632), следует воспринимать как одного из ключевых акторов религиозной политики Речи Посполитой. Это подтверждается тем, что монарх с детства воспитывался иезуитами² и ориентировался на их духовный авторитет³, и сама должность придворного проповедника была учреждена Сигизмундом III специально для Петра Скарги⁴. Позиция иезуита,

¹ Миллер А.И. Конфликт “Идеальных отечеств” // Родина. 1999. № 8. С. 81.

² Харлампович К.В. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви. Казань, 1898. С. 41.

³ Moraczewski J. 1861. „Jezuici w Polsce. Rys historyczny”. Zredagowane przez Jan Nepomucen Janowski. Wydawca. P. 16.

⁴ Rocznik W. Piotr Skarga, philanthropist of the counter-reformation // The Polish Review. 2007. Vol. 52, No. 1. P. 122–123.

которую он демонстрировал в своих произведениях, является совокупным выражением отношения католической правящей элиты к идее объединения Церквей. В этом отношении являются наиболее репрезентативными генетически связанные друг с другом произведения иезуита “O rządzie i jedności Kościoła Bożego pod jednym Pasterzem i o greckim i ruskim od tej jedności odstąpieniu”⁵ (О правлении и единстве Божьей Церкви под одним пастырем и о греческом и русинском от этого единства отступлении) и “Synod Brzeski” (Синод Брестский). Сама попытка осуществления Брестской унии в 1596 г. усугубила этнорелигиозный раскол между поляками-католиками и русинами-православными. В настоящем исследовании рассматривается точка зрения, согласно которой полемическая стратегия Петра Скарги в вышеуказанных работах существенно ухудшила рецепцию унии. В предложении новой исследовательской оптики в хорошо проработанной проблематике Брестской унии и заключается актуальность данной статьи.

В исследованиях, посвященных как Петру Скарге, так и его творчеству, рассматривались его биография, деятельность и общественно-политические взгляды. К виднейшим биографическим исследованиям следует отнести: “O życiu I pismach Piotra Skargi”⁶ (1812 г.) Алозия Осиньского, “Piotr Skarga I jego wiek”⁷ (2 тома: 1850 и 1868 гг.) Мауриция Дедушицкого, которым характерна преимущественно положительная оценка деятельности полемиста. К работам, в которых рассматриваются его общественно-политические взгляды и деятельность, следует отнести: “O kazanjach sejmowych Skargi. Przemowa do kazań sejmowych”⁸ (1904 г.) Игнация Хшановского, «Политическая деятельность Петра Скарги»⁹ (1907 г.) В.В. Яновского и “Piotr

⁵ Далее в исследовании будет сокращаться до «О правлении и единстве Божьей Церкви».

⁶ O życiu i pismach x. Piotra Skargi: rozprawa czytana na zebraniu gimnazjum wołyńskiego i obywatelów, przy rozpoczęciu rocznych popisów z nauk dnia 13 lipca 1812 roku / przez Aloizęgo Osińskiego, Krzemiéniec 1812.

⁷ Dzieduszycki M. Piotr Skarga i jego wiek, t. 1-2, Kraków 1868.

⁸ Skarga, Piotr, 1536–1612, and Ignacy Chrzanowski. Kazania Sejmowe Z Pierwodruku R. 1597 Wydał I Przedmową Poprzedził I. Chrzanoski. Warszawa, 1903.

⁹ Яновский В.В. Политическая деятельность Петра Скарги. Киев, 1907. 246 с.

Skarga. *Szermierz kontrreformacji*»¹⁰ (1978 г.) Януша Тазбира. Внимание исследователей было преимущественно обращено на «Сеймовые проповеди» Скарги, поскольку те наиболее явно отражают его общественно-политические взгляды. В рамках интеллектуальной истории были созданы лишь две работы, посвященные полемическим методам иезуита: «Трактат П. Скарги как отражение позиций католической церкви в полемике с православием» М.П. Самойловой, в которой полемический метод иезуита в трактате «О правлении и единстве Божьей Церкви» характеризуется как «схоластизированная Аристотелевская силлогистика»¹¹, и «Система аргументации в полемическом сочинении Петра Скарги “Synod Brzeski”» И.А. Юдина, в которой была представлена попытка анализа корпуса аргументов сочинения¹². Главным образом, отличия статьи автора от 2023 г. от настоящей работы выражены в расширенной источниковой базе, позволяющей концептуализировать полемическую стратегию П. Скарги, и применении исследовательского подхода Д. Покока, в ходе которого анализируется богословско-политический язык произведений.

Источниковая база данного исследования состоит из двух произведений. Трактат «О правлении и единстве Божьей Церкви» впервые был издан в 1577 г. и был посвящен К.К. Острожскому¹³ как одному из самых влиятельных акторов среди русинов. Однако, после его отказа от заключения личной унии¹⁴ второе издание трактата было посвящено уже Сигизмунду III. Произведение представляет собой теоретическое представление об

¹⁰ Janusz Tazbir. Piotr Skarga: *Szermierz kontrreformacji*. Warsaw, 1978. P. 343.

¹¹ Самойлова М.П. Трактат П. Скарги как отражение позиций католической церкви в полемике с православием // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 6(6). С. 86–92.

¹² Юдин И.А. Система аргументации в полемическом сочинении Петра Скарги “Synod Brzeski” // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник научных трудов. Новосибирск: ИИ СО РАН, ИПЦ НГУ, 2023. С. 64–76.

¹³ Беднов В.А. Православная церковь в Польше и Литве (по Volumina Legum). Минск, 2002. С. 142.

¹⁴ Православная энциклопедия. М., 2015. Т. XXXVII : «Константин — Корин». С. 90–91.

объединении Церквей в Речи Посполитой¹⁵. «Синод Брестский» был издан в 1597 г. и представлял собой резкую реакцию Петра Скарги на процесс заключения Брестской унии. Это сочинение было написано с целью апологии унии и убеждения русинов принять ее постановления.

Раскрывая полемическую стратегию в творчестве Скарги, следует отметить одинаковую технологию конструирования системы аргументации, которая характеризуется:

1. Цитированием Писания, святоотеческих и классических полемических авторов. Следует отметить, что данный метод является «классическим» для полемической литературы¹⁶. В данном случае интенция Скарги по приведению как можно большего количества аргументов и ссылок на источники для их подкрепления¹⁷ (например, в трактате Скарга ссылается даже на Коран¹⁸) выразилась и в стремлении к **максимальному расширению количества использованных источников.**

2. Задействованием библейских и исторических образов, идиом и категорий, среди которых особенно следует выделить: **«турецкая угроза», «мать», «единство», «согласие», «Божья Церковь» и «Без единства Божьей Церкви никто не может быть спасен».** Некоторые речевые единицы (например, категория «мать»¹⁹) получили в рамках понимания Скарги особый

¹⁵ Дмитриев М.В. Киевская митрополия во второй половине XVI в. и генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 37.

¹⁶ Бармин А.В. Полемика и схизма. М., 2006. С. 493.

¹⁷ Это нашло свое выражение и в стремлении Скарги давать конкретные количественные данные в своих произведениях. Примеры см.: Skarga, Piotr, 1597. Synod Brzeski. 1597. Piotrkowczyk, Andrzej. p. 16; O jedności Kościoła Bożego pod jednym pasterzem i o Grekiem i Ruskiem od tej jedności odstąpieniu, przez Ks. Piotra Skargę S. J. Wydanie szóste, oraz Synod Brzeski i Obrona Synodu Brzeskiego, przez tegoż Autora. Wydanie piąte. W Krakowie, nakładem ks. Ludwika Bobra, Archiprezbytera infułata kościoła najśw. Maryi Panny w Krakowie. W drukarni «Czasu» fr. Kluczyckiego i sp. pod zarządkiem Józefa Łakocińskiego, 1885. Pp. 41–43.

¹⁸ Ibid. P. 40.

¹⁹ В контексте творчества полемиста под категорией «Мать» понимается слияние «Божьей Церкви» и идеи Речи Посполитой как отчизны. Ввиду такого свойства «Божьей Церкви» как вечность, категория «Мать» в контексте творчества Скарги качественно трансформируется и в понятие «Вечная отчизна».

смысл. Использование настоящих единиц характеризует богословско-политический язык иезуита как универсальный для рецепции.

3. Созданием негативного и положительного образов Константинопольской Православной Церкви и Римской Католической Церкви соответственно. В данном отношении преследовалась цель придания более положительного, контрастирующего оттенка образу Католической Церкви как «Истинной Божьей Церкви» в сравнении с «еретической»²⁰ Православной Церковью. Такие негативные образы особенно явно нашли свое проявление в «Синоде Брестском», в котором К.К. Острожский и Никифор Кантакузин, как лидеры антиунионной оппозиции, подвергались дискредитации со стороны Петра Скарги²¹.

Следует отметить, что взаимная антипатия между Скаргой и Острожским носила также и личный характер: их полемическое противостояние началось еще в 1579 г.²² с критики православным магнатом радикализма концепции иезуита по объединению Церквей. Более того, в дальнейшем для К. Острожского иезуиты, как справедливо отмечает польский историк Томаш Кемпа, становятся «синонимом зла», поскольку обратили его сына в католицизм²³, что было воспринято им очень болезненно. Из этого вытекает, что для киевского воеводы все действия иезуитов теперь воспринимались крайне негативно.

4. Приведением актуальных для современников исторических примеров в качестве аргументов. Так, в трактате Скарга в качестве примера приводит формирование реформационных течений с целью доказательства идеи о «недолговечности сект»²⁴, а

²⁰ Skarga Piotr, 1597. Synod Brzeski. 1597. Piotrkowczyk, Andrzej. Pp. 12–13.

²¹ Ibid. P. 11.

²² Kempa Tomasz. “Konstanty Wasyl Ostrogski Wobec Katolicyzmu i Wyznań Protestanckich.” *Odrodzenie I Reformacja W Polsce*, 1996. P. 15.

²³ Ibid. P. 27.

²⁴ O jedności Kościoła Bożego pod jednym pasterzem i o Greckiem i Ruskiem od tej jedności odstąpieniu, przez Ks. Piotra Skargę S. J. Wydanie szóste, oraz Synod Brzeski i Obrona Synodu Brzeskiego, przez tegoż Autora. Wydanie piąte. W Krakowie, nakładem ks. Ludwika Bobra, Archiprezbitera infulata kościoła najśw. Maryi

в сочинении — к самому процессу заключения Брестской унии и действий оппозиции, что он описывает во введении «Синода Брестского»²⁵. Как было указано выше, данные аргументы применялись иезуитом с целью создания негативного образа не-католиков и противоборствующих Римской Католической Церкви как сил, так и акторов.

5. Некритичным отношением к источникам и их авторам, произведения которых Петр Скарга использовал для усиления аргументации. В данном ключе следует уточнить, что Скарга, как иезуит, преследовал цель обоснования и апологии унии, а не раскрытия сущностной характеристики источников. В качестве примера такого автора следует привести труды Геннадия Схолария, на которые полемист неоднократно ссылался в сочинении²⁶: Геннадий Схоларий в своих произведениях писал о необходимости поиска защиты Константинопольского Патриархата у Святого Престола, что выразилось в стремлении Константинопольского Патриарха заключить Флорентийскую унию 1438 г.; однако после ее заключения он занимает антикатолическую позицию²⁷. Соответственно, полемист использовал выгодные для аргументации доводы Схолария, несмотря на его действительную позицию.

6. Корпусом источников, задействованных в ходе конструирования системы аргументации, преимущественно византийского происхождения. Это в особенности отражается в «Синоде Брестском», в котором большая часть сочинений, на которые ссылался полемист, имела «греческое» происхождение (о

Panny w Krakowie. W drukarni «Czasu» fr. Kluczyckiego i sp. pod zarządem Józefa Łakocińskiego. 1885. Pp. 32–33, 43.

²⁵ Skarga, Piotr, 1597. Synod Brzeski. 1597. Piotrkowczyk, Andrzej. Pp. 7–18.

²⁶ Ibid. Pp. 29–30, 37–38, 43–44.

²⁷ Православная энциклопедия. М., 2005. Т. X: «Второзаконие — Георгий». С. 612.

чем свидетельствуют и количественные подсчеты²⁸), на что обращал внимание и сам Скарга²⁹.

Отдельно следует отметить, что в обоих произведениях полемист не рассматривал конфессиональные различия. Центральной проблемой этих работ является проблема права осуществления Церковной власти в Речи Посполитой, которое, с точки зрения Скарги, должно принадлежать Папе как наследнику Апостола Петра³⁰. Ввиду этого и само позиционирование Католической Церкви как монополиста на осуществление церковной власти, что особенно явно отражается в «Синоде Брестском» в силу различия тематик трактата и сочинения³¹, могло вызвать негативную реакцию со стороны русинов. В данном отношении следует уделить особое внимание институту частного патроната³², который был распространен на территории Речи Посполитой, население которой традиционно исповедовало православие. Данный институт позволял русинским магнатам (таким как К.К. Острожский) быть покровителями Православной церкви в федерации и, таким образом, реализовывать свое политическое влияние. Индоктринация Киевской Митрополии Святым Престолом неизбежно приводила к ослаблению политического влияния русинских магнатов. Согласно точке зрения полемиста, Папа

²⁸ Юдин И.А. Система аргументации в полемическом сочинении Петра Скарги "Synod Brzeski" // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник научных трудов. Новосибирск, 2023. С. 75.

²⁹ O jedności Kościoła Bożego pod jednym pasterzem i o Greckiem i Ruskiem od tej jedności odstąpieniu, przez Ks. Piotra Skargę S. J. Wydanie szóste, oraz Synod Brzeski i Obrona Synodu Brzeskiego, przez tegoż Autora. Wydanie piąte. W Krakowie, nakładem ks. Ludwika Bobra, Archiprezbytera infułata kościoła najśw. Maryi Panny w Krakowie. W drukarni «Czasu» fr. Kluczyckiego i sp. pod zarządem Józefa Łakocińskiego. 1885. p. 24; Skarga, Piotr, 1597. Synod Brzeski. 1597. Piotrkowczyk, Andrzej. P. 34.

³⁰ Ibid. P. 35.

³¹ В трактате Скарга доказывает, почему Католическая Церковь является «Истинной Божьей Церковью», в то время как в сочинении полемист практически сразу начинает обосновывать монопольное право Папы на осуществление Церковной власти посредством преемственности Папы от Апостола Петра и от Иисуса Христа.

³² Дмитриев М.В. Киевская митрополия во второй половине XVI в. и генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 28.

должен обладать монополией на осуществление церковной власти³³, что, в свою очередь, вело только к усугублению этноконфессионального конфликта между поляками и русинами, которые под внешне богословской формой языка и аргументов Петра Скарги могли усматривать и политический подтекст.

Раскрытие полемической стратегии Петра Скарги в произведениях, относящихся к проблеме объединения Церквей, позволяет сделать вывод, согласно которому при конструировании системы аргументации Петр Скарга придерживался технологии, устоявшейся в западной полемической традиции. Тем не менее, конструируемые негативные образы Православной Церкви, ссылки на источники, содержание которых Скарга интерполировал, понимание русинами ключевой интенции иезуита и его безапелляционная и безальтернативная позиция относительно подчинения Православной Церкви Речи Посполитой Святому Престолу, а также игнорирование интересов русинских магнатов могли существенно ухудшить рецепцию полемических произведений, на убедительную силу которых рассчитывал полемист.

Библиография

Бармин А.В. Полемика и схизма. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 648 с.

Беднов В.А. Православная церковь в Польше и Литве (по *Volumina Legum*) / В. А. Беднов. Минск. Лучи Софии, 2002. 432 с.

Дмитриев М.В. Киевская митрополия во второй половине XVI в. и генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 48 с.

³³ O jedności Kościoła Bożego pod jednym pasterzem i o Greckiem i Ruskiem od tej jedności odstąpieniu, przez Ks. Piotra Skargę S. J. Wydanie szóste, oraz Synod Brzeski i Obrona Synodu Brzeskiego, przez tegoż Autora. Wydanie piąte. W Krakowie, nakładem ks. Ludwika Bobra, Archiprezbytera infulata kościoła najśw. Maryi Panny w Krakowie. W drukarni «Czasu» fr. Kluczyckiego i sp. pod zarządem Józefa Łakocińskiego. 1885. p. 24; Skarga, Piotr, 1597. Synod Brzeski. 1597. Piotrkowczyk, Andrzej. p. 65–69; Skarga, Piotr, 1597. Synod Brzeski. 1597. Piotrkowczyk, Andrzej. p. 28–30.

Миллер А.И. Конфликт “Идеальных отечеств” // Родина. 1999. № 8. С. 79–82.

Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. Т. X : «Второзаконие — Георгий». 752 с.

Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2015. Т. XXXVII: «Константин — Корин». 752 с.

Самойлова М.П. Трактат П. Скарги как отражение позиций католической церкви в полемике с православием // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 6(6). С. 86–92.

Харлампович К.В. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви. Казань: типо-лит. Имп. Ун-та, 1898. 616 с.

Юдин И.А. Система аргументации в полемическом сочинении Петра Скарги “Synod Brzeski” // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник научных трудов. Новосибирск: ИИ СО РАН, ИПЦ НГУ, 2023. С. 64–76.

Яновский В.В. Политическая деятельность Петра Скарги. Киев, 1907. 246 с.

Dzieduszycki M. Piotr Skarga i jego wiek, t. 1-2, Kraków 1868. 465 p.

Kempa T. “Konstanty Wasyl Ostrogski Wobec Katolicyzmu i Wyznań Protestanckich.” Odrodzenie I Reformacja W Polsce, 1996. Pp. 17–36.

Moraczewski J. „Jezuici w Polsce. Rys historyczny”. Zredagowane przez Jan Nepomucen Janowski. Wydawca, Paryż 1861. 37 p.

О jedności Kościoła Bożego pod jednym pasterzem i o Greckiem i Ruskiem od tej jedności odstąpieniu, przez Ks. Piotra Skargę S. J. Wydanie szóste, oraz Synod Brzeski i Obrona Synodu Brzeskiego, przez tegoż Autora. Wydanie piąte. W Krakowie, nakładem ks. Ludwika Bobra, Archiprezbytera infułata kościoła najśw. Maryi Panny w Krakowie. W drukarni «Czasu» fr. Kluczyckiego i sp. pod zarządem Józefa Łakocińskiego. 1885. P. 292.

O życiu i pismach x. Piotra Skargi : rozprawa czytana na zebraniu gimnazium wołyńskiego i obywatelów, przy rozpoczęciu rocznych popisów z nauk dnia 13 lipca 1812 roku / przez Aloizęgo Osińskiego, Krzemińiec 1812. 414 p.

Rocznik W. Piotr Skarga, philanthropist of the counter-reformation / W. Rocznik // The Polish Review. 2007. Vol. 52, No. 1. Pp. 37-100.

Skarga P., 1536-1612, and Ignacy Chrzanowski. *Kazania Sejmowe Z Pierwodruku R. 1597 Wydał I Przedmową Poprzedił I. Chrzanoski. Warszawa, 1903.*

Skarga P., 1597. Synod Brzeski. 1597. Piotrkowczyk, Andrzej. p. 58.

Tazbir J. Piotr Skarga: Szermierz kontrreformacji. Warsaw: Wiedza Powszechna. 1978. 343 p.

Князев П.Ю.
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

Образ Вильгельма III Оранского в печатной пропаганде в период «Славной революции» 1688–1689 гг.

Статья посвящена формированию образа Вильгельма III Оранского (1650–1702) в сочинениях его сторонников в период «Славной революции» 1688–1689 гг. На основе анализа материалов печатной пропаганды (деклараций, проповедей, публицистики, визуальных источников) автор приходит к выводу о многоаспектности представленного в печати образа Вильгельма, которого лояльные авторы стремились изобразить в качестве благочестивого правителя, не обязанного своей властью какой-либо конкретной политической группировке. В формировании образа играли важную роль религиозные мотивы (Вильгельма провозглашали исполнителем воли Провидения), а также историческая аргументация.

Ключевые слова: история Великобритании, «Славная революция» 1688–1689 гг., пропаганда, Вильгельм III Оранский, публицистика

Финансовая поддержка: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00108 «Метаморфозы политической пропаганды в Западной Европе и Северной Америке (XVII-начало XIX вв.)», <https://rscf.ru/project/25-18-00108/>

«Славная революция» 1688–1689 гг., государственный переворот, в ходе которого был свергнут король Яков II Стюарт, а на его место впоследствии взошел его зять и племянник, голландский статхаудер Вильгельм III Оранский (1650–1702), является сложным и многоаспектным явлением. Вторжение многочисленной¹ нидерландской армии, в составе которой находились выходцы из многих стран Европы², сыграло немаловажную роль в смене власти, однако согласие на замену правителя значительной части британской политической элиты обусловило переход многих ее представителей в стан Вильгельма Оранского после

¹ The Anglo-Dutch moment / ed. by J. Israel. Cambridge, 1991. P. 337.

² Glozier M. The Huguenot Soldiers of William of Orange and the Glorious Revolution of 1688: The Lions of Judah. Portland, 2002. P. 105.

его высадки 5 (15) ноября 1688 г. на английском побережье. Признание фактической власти принца Оранского после отъезда из страны Якова II в декабре того же года было невозможно без заинтересованности в указанных событиях правящих слоев королевства³.

Однако далеко не все представители английского общества были готовы принять столь своеобразную смену власти. Почти сразу после бегства короля консенсус стал весьма шатким: виги и тори, объединившиеся против Якова II в момент его свержения, теперь вновь ощутили заметное расхождение в своих политических позициях. Именно поэтому первоначальный консенсус сменился острыми разногласиями в среде английской политической элиты. Проявилось это и в оживлении общественной дискуссии: в период «Славной революции» было издано более 2000 различных памфлетов и трактатов, в которых затрагивались религиозные и политические темы. Права Вильгельма на престол на протяжении всего его правления оспаривали представители движения якобитов: в 1689–1701 гг. они стремились к реставрации власти Якова II, а после его смерти – к возведению на королевский престол его сына⁴. Защита прав принца Оранского на английский престол оставалась его важной целью не только в период захвата власти, но и на протяжении всего правления.

Привлечь возможно большее количество сторонников Вильгельму помогала пропаганда: на него работали такие известные деятели, как великий пенсионарий провинции Голландия Гаспар Фагель⁵, публицист Роберт Фергюсон, историк и религиозный деятель Гилберт Бернет, художник и гравер Ромэйн де Хоохе. В историографии высказывалось мнение, что они формировали своеобразное сообщество пропагандистов⁶, которое служило интересам статхаудера, в то же время создавая положительный,

³ *Monod P.K.* Jacobitism and the English People, 1688–1788. Cambridge, 1993. Pp. 15–21.

⁴ *Szechi D.* The Jacobites: Britain and Europe, 1688–1788. Manchester, 1994. P. 4.

⁵ *Bachrach A.G., Sigmond J.P., Veenendaal A.J.* Willem III: de stadhouder-koning en zijn tijd. Amsterdam, 1988. Blz. 13.

⁶ *War and Religion after Westphalia, 1648–1713* / Ed. by D. Onnekink. Burlington, 2009. P. 225.

идеализированный образ нового правителя, для чего прибегали к разнообразным средствам. Изучение данного образа позволит лучше понять особенности английской политической культуры конца XVII в.: реконструируя его, мы сможем увидеть, как различные авторы адаптировали население к принятию нового монарха, пришедшего к власти по итогам переворота. Обращение к материалам публицистики поможет понять то, как тексты памфлетов, важного орудия полемики того времени, влияли на формирование образа правителя. Наконец, так как факт иностранной интервенции и чужеземного происхождения нового правителя заставил авторов, создававших положительный образ Вильгельма, обратиться к вопросам англо-нидерландских отношений, анализ пропаганды поможет выявить особенности конструирования образа правителя иностранного происхождения.

Интерес к «Славной революции» в зарубежной историографии последних десятилетий возрос, введение в оборот множества источников и сотрудничество исследователей из разных стран позволили обратить большее внимание на международный контекст событий 1688–1689 гг., изучить пропаганду и идеи, сопутствовавшие перевороту⁷, а также глубже изучить биографию самого Вильгельма⁸. Современные исследователи обращают внимание и на религиозный контекст эпохи⁹. Можно отметить растущий интерес к событиям 1688–1689 гг. и в отечественной историографии, где также имеют место различные оценки «Славной революции»¹⁰, наметилась тенденция к изучению международных, юридических и идейных аспектов смены власти

⁷ *Schwoerer L.G.* Propaganda in the Revolution of 1688–89 // *American Historical Review*. 1977. Vol. 82. №. 4. P. 843–874; *Claydon T.* William III's Declaration of Reasons and the Glorious Revolution // *The Historical Journal*. 1996. № 1. P. 87–108.

⁸ *Troost W.* William III the Stadholder-king: a political biography. Aldershot, 2005. 359 p.

⁹ *Claydon T.* William III and the Godly Revolution. N.Y., 1996. 269 p.

¹⁰ *Ивонина Л.И.* Международные отношения в Европе конца XVII в. и Славная революция в Англии 1688–89 гг. Смоленск, 2001. 110 с.; *Томсинов В.А.* «Славная революция» 1688–1689 годов в Англии и Билль о правах. Москва, 2010. 249 с.; *Станков К.Н.* Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов. Санкт-Петербург, 2015. 414 с.

на Британских островах. Историки обратились и к особенностям пропаганды сторонников принца Оранского, однако новейшие исследования данной темы посвящены в основном ее визуальной стороне¹¹. По этой причине актуальным представляется обратить большее внимание на формирование его образа с помощью текстовых материалов, в особенности – памфлетов.

Памфлеты, сравнительно небольшие публицистические произведения, часто носили острый полемический характер, отражая явления в сознании и идейной жизни общества. Противоборство сторонников Вильгельма Оранского и Якова II приводило к активизации финансируемой властями издательской деятельности, причем памфлеты приобрели особое значение: обращенные к читателю в конкретный напряженный момент времени, они должны были публиковаться незамедлительно. Так, перед заседанием Конвенционного парламента, провозгласившего Вильгельма III и его жену Марию королем и королевой Англии, вышло в свет сочинение, написанное одним из сторонников Вильгельма – Робертом Фергюсоном. В 1680-е гг., после участия в неудачном заговоре, он эмигрировал в Нидерланды, но в 1688 г. вернулся в Англию вместе с Вильгельмом, хотя впоследствии, не получив от него должных знаков внимания, вступил в связи с изгнанниками-якобитами. Для нас наибольший интерес представляет «Краткое обоснование высадки Принца Оранского в Англии»¹². В данном памфлете сначала описываются причины необходимости свержения Якова II, а затем дается характеристика принца Оранского и приводятся доводы, почему он должен стать королем Англии. Анонимный памфлет «Характер принца Оранского», вышедший в Лондоне в начале 1689 г.¹³, тоже можно отнести к числу сочинений, которые служили интересам Вильгельма. В памфлете дается описание жизни и личных качеств

¹¹ Hale M. The Birth of Modern Political Satire Romeyn de Hooghe and the Glorious Revolution. Oxford, 2020. 288 p.

¹² Ferguson R. A brief justification of the Prince of Orange's descent into England, and of the kingdoms late recourse to arms with a modest disquisition of what may become the wisdom and justice of the ensuing convention in their disposal of the crown. L., 1689.

¹³ The Character of His Royal Highness, William Henry, Prince of Orange. L., 1689.

последнего, а также истории Нидерландов и заслуг статхаудеров – предков «кандидата» в английские короли. Таким образом, неизвестный автор стремится пробудить в англичанах симпатию к новому правителю. Однако работа не лишена неточностей, в основе своей – исторических¹⁴.

Отметим, что если сочинения сторонников Вильгельма хорошо сохранились и дошли до нас во множестве экземпляров, то труды его противников, которые распространялись нелегально и не были дозволены цензурой, быстро стали библиографической редкостью. Мы пользовались анонимным памфлетом «Разоблачение голландского замысла» (1688 г.)¹⁵ и сочинением публициста и антиквария Н. Джонстона «Дорогая сделка» (1690 г.)¹⁶ в более поздних переизданиях. К этой группе источников относится и якобитский сатирический диалог середины 1690-х годов, который был издан вскоре после смерти королевы Марии (1694 г.)¹⁷. В нем Вильгельм беседует с призраком ушедшей супруги и обсуждает планы на будущее со своим фаворитом Х.В. Бентинком (1649–1709), который активно участвовал в подготовке переворота 1688–1689 гг. (за что был щедро вознагражден – получил от короля-статхаудера титул графа Портленда, а также обильные земельные пожалования¹⁸), и к которому неприязненно

¹⁴ Анонимный памфлетист явно и упорно путает Вильгельма III и его покойного отца. Исходя из этого мы можем предположить, что создатель памфлета являлся выходцем с Британских островов, слабо знакомым с политической историей Соединенных провинций (или намеренно создававшим такое впечатление), зато хорошо владевшим английским языком, который помог ему создать весьма яркий образ принца Оранского.

¹⁵ The Dutch Design Anatomized // Pincus S.C.A. England's Glorious Revolution, 1688–1689: A brief history with documents. N.Y., 2006. Pp. 91–92.

¹⁶ Johnston N. The Dear Bargain, or A True Representation of the State of the English Nation under the Dutch. In a Letter to a Friend / A Third Collection of Scarce and Valuable Tracts, on the Most Interesting and Entertaining Subjects. But Chiefly Such as Relate to the History and Constitution of These Kingdoms. Vol. 3. L., 1751. Pp. 228–263.

¹⁷ A dialogue between K.W. and Benting occasioned by his going into Flanders after the death of the Queen. L., 1694.

¹⁸ О нем см.: Onnekink D. The Anglo-Dutch Favourite The Career of Hans Willem Bentinck, 1st Earl of Portland (1649–1709). Burlington, VT, 2009. 322 p.

относились многие представители британской элиты. Эти памфлеты содержат решительную критику политики Вильгельма и его сторонников, основанную не только на идее о незаконности предпринятой статхаудером экспедиции, но и на представлении о несоответствии его замысла благу Британии.

На общественную жизнь конца XVII в. большое влияние оказывала религия, в связи с чем были привлечены печатные проповеди Гилберта Бернета (1643–1715), сподвижника Вильгельма из церковной среды. Интересующие нас проповеди были прочитаны Бернетом перед принцем Оранским, а затем опубликованы для публичного ознакомления¹⁹. В нашей работе мы привлекаем описание поездки Вильгельма в Соединенные провинции в 1691 г., когда в Гааге были устроены пышные торжества²⁰. Были привлечены также визуальные источники – гравюра Р. де Хоохе и серебряная медаль 1689 г. с изображением Вильгельма, обращение к которым позволит сопоставить визуальные и текстуальные элементы формирования образа короля-статхаудера. Синтез вышеназванных источников поможет реконструировать сформированный пропагандой образ Вильгельма и выявить его ключевые особенности.

Сторонники Вильгельма стремились сформировать его собственный образ, представив статхаудера в выгодном свете. Их задача осложнялась тем, что принц Оранский обладал не слишком привлекательной внешностью: он был небольшого роста, имел большой нос, ассиметричное лицо, страдал от астмы²¹. К тому же стоит учитывать влияние антинидерландских настроений²², имевших место в английском обществе, и активную

¹⁹ *Burnet G.* A sermon preached at the coronation of William III and Mary II, King and Queen of England, France, and Ireland, defenders of the faith in the Abby-Church of Westminster, April 11, 1689. L., 1689; *Burnet G.* A sermon preached in the chappel of St. James's, before His Highness the Prince of Orange, the 23d of December, 1688. L., 1689.

²⁰ *Bidloo G.* Komste van Zyne Majesteit Willem III. koning van Groot Britanje, enz. in Holland. 's Graavenhaage, 1691.

²¹ *Schwoerer L.G.* Op. cit. P. 849.

²² *The World of William and Mary: Anglo-Dutch Perspectives on the Revolution of 1688–89* / Ed. by D. Hoak, M. Feingold. Redwood, CA, 1996. P. 86; Troost W. *William III...* P. 241.

пропаганду противников переворота. Так, в анонимном памфлете 1688 г. «Разоблачение замысла голландцев»²³ отмечалось, что Соединенные провинции стремились ослабить Британию, а также угрожали ее торговым интересам²⁴. Н. Джонстон в схожей мере провозглашал, что интересы Соединенных провинций сильно расходились с английскими. О Вильгельме автор отзывался как о двуличном человеке, у которого «сокрыты, если вообще имеются, два лица под одним капюшоном», и все же «есть один единственный принцип, что выгода – это нечто великое и божественное». Джонстон объяснял, что хотя у Вильгельма и имелось два лица, у него оставалась «одна голландская душа, и интерес, состоящий в том, чтобы стать всем для всех, посредством чего получить для себя все»²⁵.

В сочинениях рубежа 1688–1689 гг. появляются детальные описания личности Вильгельма. Фергюсон утверждает, что принц «обладает должной мудростью, умеренностью, чувством справедливости, которые требуются от короля»²⁶, а также храбростью и мужеством²⁷. Автор анонимного памфлета «Характер принца Оранского», вышедшего в 1689 г., в качестве ведущих качеств Вильгельма также выделял смелость, разумность, постоянство и великодушие. Благородный характер²⁸ его действий и победы преподносятся в тексте как «чудесные и славные»²⁹.

В формировании образа Вильгельма играли важную роль религиозные мотивы. Принца Оранского его сторонники представляли посланником Провидения, орудием Господа для освобождения Англии, сравнивали с библейским Давидом³⁰. Принц Оранский изображается как покровитель протестантизма,

²³ *Israel J.I.* Conflicts of Empires: Spain, the Low Countries and the Struggle for World Supremacy, 1585–1713. London, 1997. P. 352.

²⁴ *The Dutch Design Anatomized*. P. 91.

²⁵ *Johnston N.* The Dear Bargain. P. 252.

²⁶ *Ferguson R.* A brief justification... P. 36.

²⁷ *Ibid.* P. 37.

²⁸ *The Character of His Royal Highness, William Henry, Prince of Orange*. London, 1689. P. 3.

²⁹ *Ibid.* Pp. 3–4.

³⁰ *Burnet G.* A sermon preached in the chappel of St. James's. Pp. 3–8.

он упоминается как человек, предоставивший убежище французским гугенотам³¹. Роберт Фергюсон рассматривал Вильгельма как «главу протестантского движения в Европе»³²: его противостояние с французским королем Людовиком XIV «будет способствовать безопасности и влиянию Англии» (в парламенте и обществе впоследствии были некоторое время сильны настроения в пользу военной политики Вильгельма³³), а принцу Оранскому его победы «принесут честь и славу»³⁴. Фергюсон считал, что Вильгельм сможет «потушить вражду» между Англией и Соединенными провинциями, долгое время являвшимися главным конкурентом и противником Англии в международной торговле. Единство с Нидерландами должно было принести Англии огромные преимущества, заключающиеся в объединении военно-морской силы двух держав³⁵.

Большое значение в пропаганде сторонников Вильгельма имел образ благополучного и справедливого правления. Став королем, принц Оранский, согласно Фергюсону, вряд ли будет покушаться на привилегии, которые он столь сложным путем сумел защитить. В его интересах будет обеспечение справедливости в королевстве³⁶: борясь за «протестантские интересы», король не захочет стать орудием какой-то одной конкретной партии³⁷. Г. Бернет в одной из своих проповедей в схожей манере доказывал, что «справедливое правление» нового монарха должно было обязывать его соблюдать законы и обычаи своей страны³⁸.

Противники Вильгельма, напротив, изображали правление Вильгельма как лишенное законности и справедливости. Подобный образ выведен на страницах якобитского сатирического диалога, главными героями которого являются Вильгельм и его

³¹ *Ferguson R.* A brief justification... P. 39.

³² *Ibid.* P. 37.

³³ *Horwitz H.* Parliament, policy and politics in the reign of William III. Newark, 1977. P. 172.

³⁴ *Ferguson R.* A brief justification... P. 37.

³⁵ *Ibid.* P. 39.

³⁶ *Ibid.* Pp. 36–38.

³⁷ *Ibid.* Pp. 38–49.

³⁸ *Burnet G.* A sermon preached at the coronation. P. 5.

сподвижник Х.-В. Бентинк. Перед явлением фаворита принца Оранского посещает призрак королевы, настойчиво призывающий его покаяться³⁹. После того, как привидение удаляется, Вильгельм иронизирует над собственной судьбой: он вопрошает сам себя, откуда его начинать покаяние и где его заканчивать, ведь вся его жизнь была и остается полна «жутких злодеяний»⁴⁰.

Любопытным в этом диалоге представляется и образ соправительницы Вильгельма, королевы Марии. У якобитов она нередко изображалась как жена Тарквиния Гордого, вероломная Туллия Младшая, и в данном памфлете она тоже изображена как участница преступлений Вильгельма. Тем не менее, смерть Марии могла, согласно авторскому замыслу, значить для Англии наступление худших времен – пока королева была жива, она могла оставаться «соперницей» Вильгельма и гипотетически оспорить его власть; в то же время в англичанах благодаря ей была жива склонность к сохранению английского права, «старинных установлений», которые могли бы ограничить «тиранию» Вильгельма. Теперь же, говорит Бентинк, все «перевернулось вверх ногами», и король может делать все, что пожелает⁴¹.

Пропагандисты Вильгельма III, напротив, преподносили его политику как носившую «освободительный» характер⁴². К примеру, на одной стороне медали, которую можно датировать 1688–1689 гг.⁴³, изображен Вильгельм III, увенчанный лавровым венком победителя. На другой стороне можно увидеть сцену передачи принцу Оранскому короны женскими аллегориями трех британских королевств. Надпись на медали гласит: «*veni, vici, libertatem reddidi*» – «пришел, победил и восстановил свободу». На гравюре Ромэйна де Хоохе в руках у Вильгельма – скипетр и держава, на которой изображена карта пяти стран. Если находившиеся на тот момент под его контролем Англия, Шотландия и

³⁹ A dialogue between K.W. and Benting. P. 1.

⁴⁰ Ibid. P. 2.

⁴¹ A dialogue between K.W. and Benting. P. 3.

⁴² Louis XIV Outside In: Images of the Sun King Beyond France, 1661–1715 / Ed. by T. Claydon, C.-É. Levillain. Burlington, VT, 2016. P. 127.

⁴³ The Crown offered to William, Silver Medal, 1689, by Anton Meybusch. [Электронный ресурс] URL: <https://spink.com/lot/392000149> (Дата обращения: 29.05.2025).

Нидерланды подписаны как территория *libera* (свободная), то Франция и Ирландия – как *liberanda* (то, что предстоит освободить)⁴⁴. Именно так обыгрывался титул короля Вильгельма («Король Англии, Шотландии, Франции и Ирландии»), который на тот момент еще не контролировал ситуацию в последней. Вильгельм в работах своих нидерландских сторонников также предстал «освободителем» и защитником своей страны и Европы в целом от «французского насилия»⁴⁵.

Подводя итог, можно отметить, что образ «протестантского монарха» играл важную роль в пропаганде сторонников Вильгельма, которые стремились представить голландского статхаудера в выгодном для него свете. Одной из их главных задач было представление принца Оранского как «компромиссной фигуры», что могло бы привлечь в ряды его приверженцев представителей различных политических и конфессиональных групп и было направлено на формирование выгодного Вильгельму консенсуса в английском обществе. С его воцарением связывали вероятное величие и процветание Англии, его стремились представить защитником интересов страны на международной арене. Его изображали набожным протестантом, защитником «протестантских интересов» в Европе и покровителем Англиканской церкви, стремясь заинтересовать в его поддержке представителей группировок внутри последней. Обращаясь к генеалогии и истории пребывания Вильгельма у власти в качестве статхаудера, пропагандисты рисовали его эффективным и удачливым правителем, который обладал положительными личными качествами. Наконец, принца Оранского пропагандисты преподносили как «освободителя», противопоставляя его власть правлению короля Якова. Образ «протестантского монарха» соединялся в трудах пропагандистов с эксплуатацией мотива свободы, которую, как утверждали сторонники Вильгельма, должна была принести в

⁴⁴ Romeyn de Hooghe. Wilhelmus Rex et Maria Regina: op de afbeeldingen van Willem en Maria, Koning en Koninginne van Groot-Britannien, & c. / R. de Hooge fec. [Электронный ресурс] URL: <http://luna.folger.edu/luna/servlet/detail/FOLGERCM1~6~6~516320~137689:Wilhelmus-Rex-et-Maria-Regina--grap#> (Дата обращения: 31.05.2025).

⁴⁵ Bidloo G. Komste van Zyne Majesteit Willem III... Blz. 3.

пределы Англии «Славная революция». Конструируемый пропагандой образ Вильгельма не всегда соотносился с реальностью: к примеру, авторы сознательно преуменьшали выгоды, которые могли извлечь из переворота 1688–1689 гг. нидерландцы, и преувеличивали благотворные последствия «Славной революции» для Англии. Сознательно преуменьшая роль Соединенных провинций в подготовке смены власти, публицисты внесли свой вклад в укрепление легитимности Вильгельма (тем более, что в английском обществе после трех войн 1652–1654 гг., 1665–1667 гг. и 1672–1674 гг. были сильны антинидерландские настроения). Представив принца Оранского в качестве «протестантского монарха», правление которого якобы должно стать благотворным для Англии, публицисты способствовали принятию Вильгельма будущими подданными, которое было необходимым условием успеха его замысла.

Библиография

Ивонина Л.И. Международные отношения в Европе конца XVII в. и Славная революция в Англии 1688–89 гг. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2001. 110 с.

Станков К.Н. Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов. Санкт-Петербург: Алетейя, 2015. 414 с.

Томсинов В.А. «Славная революция» 1688–1689 годов в Англии и Билль о правах. Москва: Зерцало-М, 2010. 249 с.

Bachrach A.G., Sigmond J.P., Veenendaal A.J. Willem III: de stadhouder-koning en zijn tijd. Amsterdam: Bataafsche Leeuw, 1988. 169 blz.

Claydon T. William III and the Godly Revolution. N.Y.: Cambridge University Press, 1996. 269 p.

Claydon T. William III's Declaration of Reasons and the Glorious Revolution // The Historical Journal. 1996. № 1. P. 87–108.

Glozier M. The Huguenot Soldiers of William of Orange and the Glorious Revolution of 1688: The Lions of Judah. Portland: Sussex Academic Press, 2002. 228 p.

Hale M. The Birth of Modern Political Satire: Romeyn de Hooghe and the Glorious Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2020. 288 p.

Horwitz H. Parliament, policy and politics in the reign of William III. Newark: University of Delaware Press, 1977. 385 p.

Israel J.I. Conflicts of Empires: Spain, the Low Countries and the Struggle for World Supremacy, 1585–1713. London: The Hambledon Press, 1997. 420 p.

Louis XIV Outside In: Images of the Sun King Beyond France, 1661–1715 / Ed. by T. Claydon, C.-É. Levillain. Burlington, VT: Ashgate, 2016. 246 p.

Monod P.K. Jacobitism and the English People, 1688–1788. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 408 p.

Onnekink D. The Anglo-Dutch Favourite The Career of Hans Willem Bentinck, 1st Earl of Portland (1649–1709). Burlington, VT, 2009. 322 p.

Schwoerer L.G. Propaganda in the Revolution of 1688–89 // American Historical Review. 1977. Vol. 82. №. 4. P. 843–874.

Szechi D. The Jacobites: Britain and Europe, 1688–1788. Manchester: Manchester University Press, 1994. 172 p.

The Anglo-Dutch moment / Ed. by J. Israel. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 502 p.

The World of William and Mary: Anglo-Dutch Perspectives on the Revolution of 1688–89 / Ed. by D. Hoak, M. Feingold. Redwood, CA: Stanford University Press, 1996. 339 p.

Troost W. William III the Stadholder-king: a political biography. Aldershot: Ashgate, 2005. 359 p.

War and Religion after Westphalia, 1648–1713 / Ed. by D. Onnekink. Burlington, VT: Ashgate, 2009. 290 p.

Т.Е. Срымбетов
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Деятельность Военного министерства и МИД Франции на Кавказе в 1918–1920 гг.: основные направления

Статья посвящена изучению деятельности военных и дипломатических структур Франции, работавших по различным направлениям на Кавказе в 1918–1920 гг. На материалах документов, выявленных в архиве Министерства иностранных дел Франции, исследуются особенности деятельности, основные задачи и проблемы, с которыми сталкивались представители Третьей республики в регионе. Автором делается вывод о том, что, несмотря на то, что Кавказ воспринимался как периферийная территория французского присутствия, правительство Третьей республики осознавало стратегическую ценность данного региона и стремилось расширить свое влияние во всех сферах через многостороннюю комплексную работу военных и дипломатических структур.

Ключевые слова: Кавказ, Кавказский регион, Антанта, 1918–1920, французская военная миссия, французская дипломатическая миссия, французское присутствие.

В 1918 г., на фоне революционных событий в России и стремительного разложения фронта на Востоке, французское правительство активизировало деятельность Военного министерства и МИД по установлению контроля над ключевыми ресурсами и коммуникациями Кавказского региона, который с приближением окончания Первой мировой войны стал приобретать стратегическую важность для Антанты и рассматривался Парижем как важный элемент будущего послевоенного устройства в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Такому развитию событий способствовало несколько факторов. Во-первых, здесь располагались залежи марганцевых руд, необходимых в сталелитейном производстве, а также крупные бакинские нефтепромыслы, на которых добывалось до 90%

нефти бывшей Российской империи¹. Во-вторых, регион обладал выгодным географическим положением – выход к Черному морю и наличие крупного международного порта (Батум) открывали союзникам путь к расширению своего влияния в Персии и на Ближнем Востоке. В 1918–1920 гг. именно здесь активизировали свою деятельность представители стран Антанты, в частности Франции, стремившиеся укрепить влияние в регионе, создав для этого надежный плацдарм.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что анализ деятельности военных и дипломатических структур Третьей республики дает ключ к пониманию политики союзников не только на Кавказе, но и в других регионах бывшей Российской империи, а также предоставляет исследователям возможность более пристально рассмотреть динамику международных отношений того времени и выявить роль Франции в формировании политической карты Кавказа после Первой мировой войны. Таким образом, проделанная работа не только способствует историческому осмыслению данного периода, но и может иметь значение в контексте вопросов современной международной политики и региональной безопасности. Исследование основано на материалах делопроизводственной документации и переписки французских представителей на Кавказе, выявленных в архиве Министерства иностранных дел Франции (АМАЕ).

Историография по изучаемой проблеме достаточно мало-численна. Во многом это связано со сложившейся системой раздела сфер влияния между союзниками в России, которая привела к тому, что в историографии сформировались различные исследовательские акценты: французские авторы сосредоточились на событиях на юге России, который находился в зоне интересов Франции, в то время как британские историки уделяли больше внимания Кавказу, где доминировало влияние Великобритании. Так, во французской историографии не сформировался исследовательский интерес к изучению политики на Кавказе, многочисленные работы лишь косвенно затрагивают некоторые

¹ Мамулия Г., Абуталыбов Р. Страна огней. В борьбе за свободу и независимость. Политическая история азербайджанской эмиграции. 1920–1945 гг. Баку, 2014. С. 16.

сюжеты. Если же говорить о русскоязычной историографии, то здесь стоит выделить работу советского исследователя А.И. Чохели «Политика Франции в отношении Грузии»², монографию Ю.М. Галкиной, посвященную деятельности французских разведывательных органов, где отдельная глава посвящена работе военных и дипломатов Третьей республики в Закавказье³. Также внимание привлекают две работы, посвященные изучению Азербайджана в контексте политики союзных держав – это совместная работа Г. Мамулиа и Р. Абуталыбова⁴ и монография Р. Мустафаева⁵. Таким образом, новизна исследования определяется тем, что, несмотря на ключевое значение Кавказа для Антанты в 1918–1920 гг., как в отечественной, так и в зарубежной историографии не существует ни одного комплексного исследования, посвященного деятельности французских военных и дипломатических структур в данном регионе в период интервенции. Вне поля зрения специалистов оказываются сюжеты, связанные с формированием структур представителей Третьей республики, а также деятельность французов на ключевых направлениях. Данная работа позволит внести вклад в изучение политики союзников на Кавказе, восполнив существенный пробел в историографии за счет системного анализа деятельности французской военной миссии и дипломатических представительств в регионе.

Союзники России по Антанте восприняли приход большевиков в октябре 1917 г. с большой тревогой, так как новое правительство заявило о своем нежелании продолжать войну и решило придерживаться курса на заключение сепаратного мирного договора. Такое положение дел угрожало ликвидацией Восточного фронта, что могло переломить ход войны в пользу

² Чохели А. И. Политика Франции в отношении Грузии в 1917–1921 годах. Тбилиси, 1980.

³ Галкина Ю. М. Против России и Германии: французская разведка на русском направлении в 1914–1920-е гг. Екатеринбург, 2024. 322 с.

⁴ Мамулиа Г., Абуталыбов Р. Страна огней. В борьбе за свободу и независимость... Баку, 2014.

⁵ Мустафаев Р. Азербайджан между великими державами (1918–1921). М., 2022.

Центральных держав. В таких условиях правительства стран Антанты решили во что бы то ни стало сохранить там антигерманские силы⁶. Для этого предполагалась работа в направлении способствования создания местных правительств и армий на национальных окраинах бывшей империи⁷. Так, в частности, масштабная деятельность развернулась на Кавказе, где сошлись политические и экономические интересы многих держав – от Великобритании до Османской империи. Франция при этом не стала исключением и активно включилась в данное противостояние, используя как военные, так и дипломатические ресурсы.

Уже в ноябре – декабре 1917 г. союзники констатировали полную небоеспособность русских соединений на Кавказском фронте против Османской империи. В связи с этим французы и англичане решили сделать ставку на поддержку местных национальных движений, стремление которых сохранить независимость на освобожденных территориях мотивировало удерживать фронт. Из-за близости к месопотамскому фронту было решено, что за действия в Кавказском регионе особую ответственность несет именно британское правительство. Франции при этом было предложено сосредоточить свои основные действия севернее – на юге России и Украине. Однако, несмотря на формально второстепенную роль, французское правительство продолжало поощрять грузинские и армянские группировки и пропагандировать среди них профранцузские идеи. Для усиления его представительства в Тифлис был направлен полковник Э.-О. Шардиньи, которому Совет министров Третьей республики предоставил кредит в 20 миллионов рублей для налаживания сотрудничества с союзными консулами и английскими офицерами, стремившимися организовать местное Кавказское правительство и армию⁸.

⁶ Галкина Ю.М. Против России и Германии... С. 253.

⁷ Note pour Albert Thomas, «a.s. nationalités du Caucase», 10.7.1918. // AMAE. 47CPCOM/2, fol. 1–8.

⁸ Note sur la politique du gouvernement français à l'égard de la Transcaucasie depuis la révolution d'Octobre, s.l. [Paris], 28 juin 1918. // AMAE. 47CPCOM/1, fol. 260–R-V-261.

Первая проблема, с которой столкнулись французы на Кавказе – это слабая осведомленность о внутреннем положении в регионе. Оказалось, что, несмотря на все значение данных территорий, представители Третьей республики плохо владели информацией о специфике национальных движений и взаимоотношений на Кавказе. Более того, с февраля 1918 г. телеграфная переписка консула в Тифлисе и полковника Шардиньи перестала регулярно поступать во Францию, что создавало проблемы с коммуникацией и трудности с получением информации о положении дел на Кавказе⁹. Для исправления положения МИД Франции поручил усилить работу по сбору необходимых сведений. Итогом работы станут несколько записок о национальном и этническом составе населения, природно-географическом положении Кавказа.

Окончание Первой мировой войны не привело к сворачиванию французского представительства. Изменилась лишь главная цель – теперь поддержка новых национальных образований была направлена на противостояние большевистской угрозе. Однако все оказалось не так просто – окончание войны не привело к моментальному решению «кавказского вопроса». Более того, в условиях начала интервенции на юге России в конце 1918 г. французское правительство было не в состоянии оказывать полномасштабную помощь ввиду того, что регион Северного Причерноморья представлял собой особую зону финансовых и стратегических интересов Третьей республики. Будучи занятой усилением своего присутствия на Кубани, в Крыму и Украине, Франция постепенно сдавала позиции в Кавказском регионе в пользу других союзников по Антанте, в частности англичан. Так, например, армянское правительство, которое сохраняло прочные связи с Францией, было не удовлетворено затягиванием процессов признания армянского государства и предоставления помощи в условиях нарастающей турецкой угрозы¹⁰.

⁹ Note pour Albert Thomas, « a.s. nationalités du Caucase », 10.7.1918. // AMAE. 47CPCOM/2, fol. 1–8.

¹⁰ Lettre d'Avétis Aharonian, président de la Délégation de la République d'Arménie à la Conférence de la Paix, à Stephen Pichon, ministre des Affaires étrangères, Paris, 9 mai 1919. // AMAE. 46CPCOM/5, fol. 31–32.

Неудача, постигшая французский экспедиционный корпус на юге России, вынудила правительство Третьей республики принять решение о сворачивании действий в Северном Причерноморье. Такой поворот событий, тем не менее, не привел к отказу от поддержки антибольшевистских сил. Французское руководство вновь обратило внимание на Кавказ, который еще не попал в сферу влияния большевиков. В течение лета – осени 1919 г. представители Третьей республики анализировали перспективы расширения своего присутствия в регионе¹¹, в первую очередь, в Армении, где предполагалось создание двух учреждений для усиления экономического влияния: франко-армянского исследовательского банка для поощрения создания французских компаний в Армении, а также франко-армянской импортно-экспортной компании. Такие меры имели далеко идущие цели – речь шла не только о защите «моральных и материальных интересов Франции в Малой Азии», но и об утверждении и распространении французского влияния в странах Ближнего Востока. Для осуществления этих планов предполагалось направить в Киликию (Малая Армения) несколько армянских деятелей-франкофилов для распространения французских идей по всей Великой Армении, мандат на управление которой мог быть выдан Франции в будущем¹².

Стремление к усилению присутствия Франции на Кавказе стало причиной кадровых перестановок – французскую военную миссию возглавил майор М.Ш. Нонанкур, который сменил полковника Шардиньи. Новое назначение означало и новый период во взаимоотношениях со странами Кавказа. В запросе от 3 ноября 1919 г. Военному министерству Нонанкур сформулировал формулу политики Франции на Кавказе: «Обязать всех, явно не принимая чью-либо сторону, заниматься предпринимательством, одновременно содействуя предпринимательству кавказских

¹¹ Мамулия Г., Абуталыбов Р. Страна огней... С. 20.

¹² Note sur les intérêts français en Arménie, Paris, 10 septembre 1919. // AMAE. 46PCOM/7, fol. 87–88.

народов, развивать наше интеллектуальное влияние»¹³. Таким образом, столкнувшись с возрастающим английским, американским и итальянским присутствием, глава французской военной миссии на Кавказе предлагает проект полномасштабной поддержки, которая касалась действий во всех областях: военной, дипломатической, экономической, медицинской и культурной. Так, предполагалось несколько мер: 1) усилить кадрами миссию в Тифлисе и Баку, назначить по торговому атташе в каждом из этих городов; 2) снабдить военную миссию в Тифлисе приемником для связи с Константинополем; 3) обновить консульский персонал в Батуме и Баку и назначить нового консула в Тифлис; 4) организовать Бюро пропаганды; 5) совершенствовать почтовую службу для улучшения обмена информацией между Францией и Кавказом; 6) направить экономическую миссию для защиты французских интересов, находящихся «под серьезной угрозой, в частности, со стороны английских и американских компаний»; 7) назначить квалифицированного врача, который возглавит бактериологический институт в Тифлисе¹⁴.

Помимо столь обширного круга вопросов французское правительство планировало обратиться к «мягкой силе»¹⁵ – проникая через сферу образования, представители Третьей республики стремились создать слой благонадежных и преданных специалистов. Например, предполагалось оказывать помощь в создании французских школ, осуществлять финансовую поддержку существующим школам, установить официальные отношения между Армянским и Парижским университетами¹⁶.

¹³ Rapport du capitaine Poidebard, représentant de la Mission militaire française auprès de la République arménienne au sujet des relations officielles entre l'université arménienne d'Erevan et l'Université de Paris, Tiflis, 15 mars 1920. // AMAE. 46CPCOM/10, fol. 112–113.

¹⁴ Rapport du capitaine Poidebard... 15 mars 1920. // AMAE. 46CPCOM/10, fol. 112–113.

¹⁵ Галкина Ю.М. Против России и Германии... С. 261.

¹⁶ Rapport du capitaine Poidebard... 15 mars 1920 // AMAE. 46CPCOM/10, fol. 112–113.

Для реализации плана всеобъемлющего содействия Грузии, Армении и Азербайджану в феврале 1920 г. был учрежден Верховный комиссариат Франции¹⁷. Однако необходимо отметить, что положение представителей Третьей республики, как и положение других союзников, в этот период было туманным – советизация Северного Кавказа ставила под вопрос политику Антанты в Закавказье. В условиях усиления давления со стороны большевиков англичане, чье представительство было наиболее широким в регионе, теряли поддержку со стороны местного населения. Более того, падению авторитета союзников способствовали многочисленные разногласия, связанные с нежеланием каждой из сторон идти на сотрудничество и компромиссы. Так, к примеру, британская и французская сторона не могли определиться с режимом оккупации важного международного порта Батума¹⁸.

События, происходившие на юге России, не могли не сказаться на политике держав Антанты. Приход П.Н. Врангеля на пост главнокомандующего ВСЮР обозначил новый этап в истории Белого движения, когда союзники постепенно стали разочаровываться в «русской авантюре». В условиях, когда британское правительство начинает предпринимать шаги для заключения перемирия между Советами и Белым движением, Франция остается фактически единственной страной, занимавшей непримиримую позицию по отношению к большевикам. В условиях продвижения Красной армии правительство Третьей республики считало необходимым выступить в качестве координатора всех движений, направленных против Советского государства¹⁹, в том числе и на Кавказе, которые отлично встраивались в идею «санитарного кордона»²⁰ вокруг большевиков. В этих условиях высшие военные и политические круги Франции

¹⁷ Галкина Ю.М. Против России и Германии... С. 259.

¹⁸ Note du Département sur la Transcaucasie, Paris, 16 avril 1920. // AMAE. 117CPCOM/629, fol. 87–R-V-88)

¹⁹ Мамулия Г., Абулалыбов Р. Страна огней... С. 25.

²⁰ Hogenhuis-Seliverstovff A. Les relations franco-soviétiques, 1917–1924. P. 147.

выразили готовность поставить военную технику, оружие, боеприпасы и продовольствие в Грузию и Азербайджан²¹. Даже советизация Азербайджана не поставила точку в «кавказской политике» Третьей республики – несмотря на многочисленные трудности, связанные с изменением положения в регионе, с июня 1920 г. французская военная миссия на Кавказе, руководимая подполковником Эмилем-Августом Корбелем, начала работу над проектами организации восстания против большевистской власти на оккупированных территориях Кавказского региона. Миссия активно разрабатывала стратегию и тактику, направленные на дестабилизацию большевистского режима в регионе путем поддержки антибольшевистских сил и организации вооруженного сопротивления²².

Следует подчеркнуть, что французское правительство во многом ориентировалось именно на Врангеля, стремясь передать под его контроль все антибольшевистские движения на территории бывшей Российской империи. Идея воссоздания «единой и неделимой» России даже на федеративных началах не встречала понимания со стороны представителей кавказских государств и во многом затормаживала оказание им помощи для борьбы с большевиками.

Захват турецкой армией Карса 30 октября и разгром большевиками Крымской армии Врангеля в ноябре 1920 г. поставили Париж перед совершенно новыми реалиями, с которыми приходилось считаться. Поражение Белой армии в Северном Причерноморье фактически обрекло на неудачу попытки организации восстания в регионе. Новая конфигурация сил на Кавказе вынудила французских представителей искать отношения с кемалистами для разрыва их союза с большевиками²³.

В 1921 г. французское правительство все еще верило в возможность остановить продвижение большевиков, однако ни сил,

²¹ *Dépêche du président du Conseil, ministre des Affaires étrangères, Alexandre Millerand, au maréchal Foch, Président du Comité militaire allié à la conférence de la Paix, au sujet de la fourniture de matériel de guerre à la Géorgie et à l'Azerbaïdjan, Paris, 26 avril 1920. // AMAE. 117CPCOM/644, fol. 24 R-V.*

²² *Мамулия Г., Абуталыбов Р. Страна огней... С. 33.*

²³ *Мамулия Г., Абуталыбов Р. Страна огней... С. 78.*

ни ресурсов для оказания помощи практически не осталось. Разрабатывались новые планы поддержки (в ограниченном масштабе), более того, Верховный совет Антанты 27 января 1920 г. принял решение признать Грузию де-юре с целью сохранения независимости этого кавказского государства²⁴. Однако меры оказались недостаточными, поэтому, столкнувшись с вторжением Красной армии в Грузию в феврале – марте 1921 г., союзники оказались не в состоянии отправить какие-либо силы на поддержку сопротивления. Потеря Батума, который считался последним опорным пунктом Грузии, отныне делала невозможным любое сопротивление²⁵. Советизация Кавказа вынудила французское правительство изменить методы работы на данном направлении. Ввиду отсутствия официальных миссий на местах отныне работа строилась по линии взаимодействия с правительствами в изгнании, которые оказались во Франции. В данном русле Третья республика будет активно действовать вплоть до признания Советского Союза в октябре 1924 г. и принятия решения об отходе от политики конфронтации по отношению к большевикам.

Таким образом, французские военные и дипломатические миссии на Кавказе, столкнувшись с комплексом проблем, оказались неспособны эффективно их разрешить в силу ограниченности ресурсов и стратегической неопределенности. Правительствам стран Антанты так и не удалось воспользоваться расположением кавказских государств. Внутренняя борьба и стремление каждого из государств доминировать в регионе приводила к конфликтам и снижала авторитет союзников в глазах местного населения.

Особенностью политики Франции было то, что она во многом опиралась на ход событий на юге России. С высадкой экспедиционного корпуса в Северном Причерноморье «кавказский вопрос» отошел на второй план. Возврат к планам оказания

²⁴ Там же. С. 92–94.

²⁵ Andersen A., Partskhaladze G., « La guerre soviéto-géorgienne et la soviétisation de la Géorgie (février-mars 1921) », *Revue historique des armées* [En ligne], 254 | 2009, mis en ligne le 05 février 2009, consulté le 04 juin 2025. URL : <http://journals.openedition.org/rha/6463>. Pp. 69–70.

полномасштабной помощи кавказским государствам произошел после эвакуации интервентов из Одессы в начале апреля 1919 г. Однако, несмотря на понимание важности распространения своего влияния в регионе, французское руководство продолжало ориентироваться на политику ВСЮР, в частности на идею восстановления «единой и неделимой России». Попытки подчинить данной концепции национальные движения на Кавказе встречали сопротивление и непонимание. В этих условиях работа военных и дипломатических миссий была ограничена.

Вышеперечисленные проблемы не позволили представителям Третьей республики закрепиться в регионе несмотря на то, что они смогли наладить работу на нескольких важных направлениях – от экономики до образования. Советизация Кавказа вынудила правительство Франции сместить акценты в своей ближневосточной политике и стремиться к сближению с кемалистской Турцией для разрыва ее отношений с большевиками в русле реализации концепции «санитарного кордона» вокруг Советской России.

Список используемых сокращений:

ВСЮР – Вооруженные силы Юга России.

АМАЕ – Archives du Ministère des Affaires étrangères.

Библиография

Галкина Ю.М. Против России и Германии: французская разведка на русском направлении в 1914–1920-е гг. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та., 2024. 322 с.

Мамулиа Г., Абуталыбов Р. Страна огней. В борьбе за свободу и независимость. Политическая история азербайджанской эмиграции. 1920–1945 гг. Баку: «СБС», 2014. 584 с.

Мустафаев Р. Азербайджан между великими державами (1918–1921). – М.: Художественная литература, 2022. 477 с.

Чохели А.И. Политика Франции в отношении Грузии в 1917–1921 годах. – Тбилиси: Мецниереба, 1980.

Andersen A., Partskhaladze G., « La guerre soviéto-géorgienne et la soviétisation de la Géorgie (février–mars 1921) », Revue historique des armées [En ligne], 254 | 2009, mis en ligne le 05 février 2009, consulté le 04 juin 2025. URL : <http://journals.openedition.org/rha/6463>. P. 67–75.

Hogenhuis-Seliverstoff A. Les relations franco-soviétiques 1917–1924. P.: Publications de Sorbonne, 1981. 316 p.

К.П. Краснослов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Дискуссии в США о функционировании золотого стандарта в 1920-е годы*

В статье на основе стенограмм выступлений Д. Криссинджера и Р. Оуэна, а также книг И. Фишера анализируются проекты по использованию и реформированию золотого стандарта в США. Рассматриваются планы американских функционеров по созданию новой экономической системы, мирового банка и мировой денежной единицы, основанной на золоте. Согласно их проектам, США должны были контролировать работу данной системы и всю мировую торговлю. При анализе книг Фишера внимание акцентируется на том, что он фокусировался на использовании золотого стандарта внутри США и не мыслил существование экономики без него. В работе делается вывод, что, во-первых, золотой стандарт занимал центральную роль в интеллектуальной жизни США 1920-х годов, а во-вторых, что проекты функционеров США следует рассматривать как часть концепции американской исключительности.

Ключевые слова: США, экономика, золотой стандарт, ФРС, внешняя политика, американская исключительность.

Первая мировая война значительно изменила положение в Европе. Рухнувшие империи, революции, появление инфляции как постоянного феномена, расстроенная система торговли – все это определяло послевоенную жизнь континента. В то же время США, хотя и испытали рост инфляции, по итогам войны смогли закрепить свое лидерство в мировой экономике. Еще до 1914 г. темпы экономического роста США были впечатляющими: в 1913 г. они вышли на первое место в мире по ВВП¹. Во время Первой мировой войны, когда экономики европейских стран были разрушены, США стали их главными экспортерами и кредиторами, что выразилось и в усилении политического влияния Вашингтона.

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

¹ Исэров А.А. Памяти «прекрасной эпохи» // Россия в глобальной политике. 2022. №2. С. 80–82.

Уже в 1920 г. появляются работы, доказывающие, что Америка становится повелительницей Старого Света². И в Вашингтоне идеи контроля над европейской экономической системой действительно существовали.

Когда мы говорим о мировой экономике начала XX в., мы говорим о золотом стандарте, на котором основывалась экономика большинства стран. Золотой стандарт являлся системой, при которой деньги были привязаны к золоту. В одном долларе, франке, фунте стерлингов «находилось» определенное количество золота, которое можно было получить, обменяв купюру в банке. Такая система позволяла держать денежную массу приблизительно на одном уровне, избегая инфляции, так как в обращении должно было находиться количество денег, пропорционально равному количеству золота в хранилище³. Кроме того, с помощью подобной системы можно было связать между собой курсы различных валют, так как они тоже оставались стабильными, что значительно упрощало торговлю между странами.

Во время Первой мировой войны золотой стандарт в европейских странах был отменен для финансирования военных нужд, и европейцы оплачивали экспорт из США золотом, которое осталось в их хранилищах. В США золотой стандарт продолжал функционирование. Но если по классической схеме стандарта подобный поток золота должен был увеличить денежную массу в США, то Вашингтон такая ситуация не устраивала, поскольку при работе золотого стандарта в одном направлении ускорялась инфляция, которая и так постепенно росла. Поэтому США просто складывали европейское золото в хранилище Федеральной резервной системы (ФРС) – центрального банка США.

Ситуация сложилась неординарная. Золото в США лежало без дела, а в Европе для восстановления стандарта после войны

² *Snow F.K. America as a World Tyrant: A German Historian's Attempt to Prove That Europe is Becoming a Serf of the United States // Current History. 1920. №3. P. 497–500.*

³ *Bernanke B. The Federal Reserve and the Financial Crisis: Lectures. Princeton (NJ), 2013. Pp. 10–20.*

этого металла не было. Поэтому нахождение большего количества золота в Новом Свете делало желаемое возвращение к золотому стандарту в Европе зависимым от Вашингтона.

В историографии подобная ситуация отмечалась исследователями. Так, на экономические аспекты послевоенного золотого стандарта обращали внимание Б. Эйхенгрин⁴, Б. Бернанке⁵ и М. Фридман⁶. В своих работах они отмечали, что получение золота и его «стерилизация» в США способствовали нарушению работы механизма золотого стандарта. Вместе с восстановлением стандарта в Европе в 1925 г. и отсутствием там достаточного количества золота это привело к мировому экономическому кризису 1929 г. Социальные и психологические аспекты функционирования золотого стандарта анализировали исследователи Я. Драммонд⁷, А. Миллер⁸ и Л. Ахамед⁹. Они показали, что золотой стандарт играл роль гаранта экономики и был неким элементом доверия экономической системе у населения и бизнеса. Именно доверие европейские правительства и стремились вернуть после войны. Анализ этой группы исследователей вписывается в определение Р. Торштендаля “path dependence”¹⁰ – есть определенные традиции, сложившиеся в институтах власти, которые «заставляют» принимать решения, не выходящие из «колеи». Золотой стандарт как раз был таким “path dependence”. Однако из анализа авторов обеих групп выпали тексты за авторством функционеров США, в которых содержатся смелые и амбициозные проекты использования золотого стандарта. Передел мировой экономики четко ими осознавался и стимулировал

⁴ *Eichengreen B.* The Golden Fetters. The Gold Standard and the Great Depression. Oxford, 1996. 429 p.

⁵ *Bernanke B.* Essays on the Great Depression. Princeton (NJ), 2000. 310 p.

⁶ *Friedman M., Schwartz A.* A Monetary History of the United States, 1867–1960. Princeton (NJ), 1963. 860 p.

⁷ *Drummond I.* The Gold Standard and the International Monetary System. London, 1987. 71 p.

⁸ *Miller A.* A History of the Federal Reserve, 1913–1951. Chicago (IL), 2001. 808 p.

⁹ *Ahamad L.* Lords of Finance: The Bankers Who Broke the World. N.Y., 2009. 564 p.

¹⁰ *Торштендаль Р.* Возвращение историзма? Нео-институционализм и исторический поворот в социальных науках // Диалог со временем. 2010. № 30. С. 14–25.

размышления о ее будущем, которое они напрямую связывали с золотым стандартом и США. Сегодня, когда на наших глазах происходит трансформация мировой экономической системы¹¹, как никогда актуально обратиться к восприятию современниками таких трансформаций в прошлом. И выбранные для рассмотрения персоны, а именно контроллер валюты ФРС, будущий ее глава Д. Криссинджер (1860–1942), сенатор от штата Оклахомы, один из основателей ФРС Р. Оуэн (1856–1942) и экономист И. Фишер (1867–1947) удачно для этого подходят, так как они являлись центральными фигурами в политической и экономической жизни США в 1920-е годы. На основе анализа стенограмм их выступлений, а также книг Фишера в данной статье будет показано, что 1) они считали золотой стандарт обязательным элементом функционирования мировой экономики и экономики США, и что 2) они считали его средством достижения внешнеполитических целей в духе вильсоновства: так, в их планы входило установление контроля США над мировой торговлей.

Начнем анализ с фигуры Д. Криссинджера. По образованию адвокат, в своем родном штате Огайо он сделал успешную карьеру банковского служащего и через свои обширные связи (он был другом президента У. Гардинга) получил в 1921 г. должность контроллера валюты в ФРС, а затем стал ее председателем в 1923 г.¹² Как ответственный за функционирование банковской системы, Криссинджер часто встречался с представителями банковской элиты, с которыми обсуждал экономику, золотой стандарт, новую роль США в мире и обязательства, которые эта роль налагает. Криссинджер утверждал: «Отношения нашей страны с миром после окончания войны изменились. Главные кредиторы, мы осознаем требования, возложенные на нас. Мы осознаем, что не можем процветать одни. Не можем процветать и обладать всеми богатствами, пока Европа безденежна и обездолена»¹³. Он указывал, что проблемы, которые испытывает

¹¹ *Ногейра Батиста П.* Шаг за шагом прочь от доллара // Россия в глобальной политике. 2024. № 3. С. 160–164.

¹² *Miller A.* A History of the Federal Reserve... P. 156.

¹³ *Crissinger D.* Our New Responsibilities. Address before the National Bank Section, American Bankers Association Convention, Los Angeles, California. October 5, 1921

Европа, абсолютно не выгодны США¹⁴. Тарифы между европейскими странами, расстроенная система золотого стандарта, инфляция и разруха наносят вред США как главному торговому партнеру Европы. Старый Свет вряд ли справится со своими проблемами сам. Поэтому, считал Криссинджер, США, как новый мировой лидер, должны помочь Европе в экономическом восстановлении ради собственных интересов: «Обстоятельства требуют, чтобы мы приняли на себя роль лидера. Восстановление Европы – ключ к нашему экономическому и индустриальному положению»¹⁵. И обеспечить помощь Европе США могли с помощью создания мирового банка и новой мировой валюты.

План Криссинджера заключался в следующем. Группа стран под лидерством США должна создать мировой банк и новую денежную единицу, которая будет обеспечена золотом, переданным группой этих стран. Мировая торговля осуществлялась бы через этот банк с помощью новой валюты, которую можно было бы затем обменивать на национальные денежные единицы¹⁶. Основной смысл идеи заключался в том, что торговля через банк объединит страны под куполом единой валюты, ликвидировав главное препятствие для торговли в виде непостоянного курса. Система должна была выглядеть следующим образом: если фирма из Великобритании захотела бы вести транснациональную торговлю с Францией или Штатами, то должна была бы сначала обменять фунт стерлингов на новую денежную единицу международного банка, обеспеченную золотом, с помощью нее провести операции с Францией или США, которые также обменяли бы свои денежные единицы на валюту

// Library of the Federal Reserve Board. P. 4. URL: <https://fraser.stlouisfed.org/title/3772/item/475365> (дата обращения: 05.05.2025).

¹⁴ Ibid. Pp. 5–6.

¹⁵ *Crissinger D.* Our New Responsibilities. Address before the National Bank Section, American Bankers Association Convention, Los Angeles, California. October 5, 1921

// Library of the Federal Reserve Board. P. 4. URL: <https://fraser.stlouisfed.org/title/3772/item/475365> (дата обращения: 05.05.2025).

¹⁶ Ibid. Pp. 6–7.

банка. Затем, получив прибыль, фирма снова должна была бы обменивать ее на фунт стерлингов. Так редуцировалась проблема обменного курса на международном уровне¹⁷.

В других речах Криссинджер также говорил о мировом банке, золотом стандарте и торговле. Последней он придавал сакральную роль. По примеру средневековья, где считалось, что государь – это голова, а государство – тело, Криссинджер отождествлял мировую торговлю с телом, а валютный курс – с нервной системой¹⁸. Соответственно, как расстройство нервной системы ведет к серьезным проблемам в организме, так и расстройство валютного курса ведет к проблемам в мировой торговле. Решение проблемы Криссинджер предлагал такое же: группа стран должна была создать банк, капитал которого состоял бы из запасов золота этих стран. Банк затем должен был создать свою денежную единицу, с помощью которой и велась бы мировая торговля¹⁹.

План Криссинджера понятен, но хочется заметить, что, несмотря на акцент на кооперации всех стран, США все равно должны были играть ведущую роль в управлении этим банком. Во-первых, потому что они «величайшая индустриальная нация в истории»²⁰. Во-вторых, потому что США обладают опытом кооперации между штатами, которые Криссинджер сравнивает с различными европейскими государствами. В-третьих, в этих текстах чувствуется, как Криссинджер подчеркивает избранность Северной Америки и долга, который возлагается на нее самим провидением: «Не потому, что наши материальные возможности и потребности столь велики, но наши духовные обязанности столь существенны, что мы должны быть доброжелательными и

¹⁷ *Crissinger D.* Our New Responsibilities... P. 8.

¹⁸ *Crissinger D.R.* Foreign Trade Relations: The Debts of Our Allies and the Stabilization of International Exchange: Address before the National Republican Club, New York, January 21, 1921 [Электронный ресурс] // Library of the Federal Reserve Board. P. 3. URL: <https://fraser.stlouisfed.org/title/3772/item/475366> (дата обращения: 05.05.2025).

¹⁹ *Ibid.* Pp. 5–6.

²⁰ *Ibid.* P. 4.

услужливыми соседями»²¹, «Теперь вопрос в том, осознаем ли мы наши возможности и обязательства. Ни у одной страны не было шанса на мировое лидерство, которое буквально было навязано на нас»²².

Таким образом, мы видим, что Криссинджер, одна из центральных фигур в экономической жизни США в 1920-е годы, не просто выступал за золотой стандарт, но предлагал с его помощью закрепить американское доминирование в экономической системе, используя создание мирового банка и новой денежной единицы. В основе идей Криссинджера лежало вильсоновство, которое выражалось в понимании исключительности США, их институтов, опыта и в необходимости всему миру следовать за ними в политической и экономической сферах.

Создание мирового банка предлагал и сенатор Р. Оуэн, хотя скорее из более прагматических, нежели идеалистических убеждений. Он был любопытной личностью; неутомимая предпринимательская деятельность в родном штате Оклахома привела Оуэна в Сенат, где он стал автором множества законопроектов по экономике и внешней политике, а также запомнился экстравагантными заявлениями²³. Его роль в основании ФРС изучена достаточно полно²⁴, однако исследователи не анализировали его предложение о создании международного банка.

Так, 4 января 1922 г. Оуэн выступил в Сенате с призывом к учреждению иностранного банка ФРС²⁵. Он аргументировал свое

²¹ *Crissinger D.R.* Foreign Trade Relations: The Debts of Our Allies and the Stabilization of International Exchange: Address before the National Republican Club, New York, January 21, 1921 [Электронный ресурс] // Library of the Federal Reserve Board. P. 3. URL: <https://fraser.stlouisfed.org/title/3772/item/475366> (дата обращения: 05.05.2025).

²² *Ibid.* P. 5.

²³ *Исэров А.А.* Предотвратила ли доктрина Монро интервенцию Священного союза в Испанскую Америку? (развенчание и возрождение легенды) // Доктрина Монро: история и современность. Материалы круглого стола. М., 2024. С. 9.

²⁴ *Wilkerson C.* Senator Robert Owen of Oklahoma and the Federal Reserve's formative years // *Economic Review*, Federal Reserve Bank of Kansas City. 2013. №3. P. 95–117.

²⁵ *Owen R.L.* On the Stabilization of Credit; the Restoration of Industrial Activity in Europe and in the United States; the Rehabilitation of International Commerce and

предложение необходимостью помощи европейской экономике и промышленности, потому что только так они смогли бы оплатить свои долги. Если Криссинджер взывал к торговым интересам и священным обязанностям, то Оуэн был более практичным: «Наш экспорт был разрушен и упал до 3 миллиардов просто потому, что Европа не может покупать наши товары и не может продавать свои. Я не согласен, что долги должны быть прощены Европе. Я вполне одобряю нашу благотворительность, но их долги народу Соединенных Штатов должны быть уплачены. Они не банкроты»²⁶. Проблема заключалась в отсутствии стабильных валют в Европе, обеспеченных золотом, что мешало восстановлению экономической деятельности. Соответственно, США должны были помочь им в стабилизации экономики и торговли.

США обладали запасом золота, значительно превышающим необходимый уровень, поэтому без угрозы банковской сфере США могли изъять из хранилища часть золота и положить его в основу нового иностранного банка ФРС, который уже сможет эмитировать свою денежную единицу²⁷. Заметно отличие от проекта Криссинджера: если тот предлагал в основу международного банка положить капитал группы стран, то по Оуэну банк был бы собственностью американцев. Назначать руководство банка должен был президент США, совет управляющих ФРС должен был проверять работу своего «ритейл отдела», а также определять кредитную политику²⁸. Европейский и мировой бизнес смогли бы открывать счета и вести торговлю с помощью этого банка и его денежной единицы. Для этого Оуэн предлагал создать отделения банка во всех крупных торговых городах.

Таким образом, мы видим, что сенатор Оуэн, как и Криссинджер, предлагал для США роль экономического гегемона. Многие сенаторы поддерживали его идею – это видно по дискуссии, которая развернулась после его выступления. Золотой

the Reestablishment of the Foreign Trade of the United States." Speech in the Senate of the United States. Washington, 1922. 24 p.

²⁶ *Owen R.L.* On the Stabilization of Credit... P. 2.

²⁷ *Ibid.* P. 4.

²⁸ *Ibid.*

стандарт в качестве средства внешней политики явно им импонировал. Но для нормального функционирования системы золотого стандарта нужно было обращать внимание и на его использование внутри США. Об этом говорил И. Фишер.

Как и многие экономисты того времени, Фишер закончил математический факультет, но затем сменил фокус на экономические исследования. На протяжении 1920-х годов он был занят в Йеле, считался главным советником бизнеса и правительства, а в 1950-е годы его называли одним из величайших экономистов США²⁹. В 1920-е годы Фишер обращался к механизму работы золотого стандарта в США и заявлял о необходимости его регуляции. Свои идеи он выразил в двух книгах – «Стабилизация доллара»³⁰ (1920) и «Денежная иллюзия»³¹ (1928), в которых содержатся практически идентичные тезисы.

По мнению Фишера, нельзя смотреть на экономику как на нерегулируемую сферу жизни. Государство уже регулирует почти все единицы измерения – электричество, вес, длину. Соответственно, оно должно регулировать и денежную единицу³². Сделать это Фишер предлагал с помощью механизма под названием «compensated dollar»³³. Суть его заключалась в том, что доллар должен был иметь стабильную покупательную способность относительно корзины товаров: «Чтобы обеспечить стабильную покупательную способность доллара по отношению к товарам, он должен представлять совокупность этих товаров. Мы должны сделать так, чтобы наш золотой доллар соответствовал по стоимости товарному доллару»³⁴. По Фишеру, необходимо было определить, что доллар состоит из, скажем, ½ фунта сахара, ¼ фунта хлопка, ¼ мяса, создать корзину из таких товаров, и сделать так, чтобы эта корзина всегда стоила один доллар³⁵. По сути,

²⁹ Шумпетер И. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. М., 2011. С. 306–307.

³⁰ Fisher I. Stabilizing the dollar. A plan to stabilize the general price level without fixing individual prices. N.Y., 1920. 305 p.

³¹ Idem. The Money Illusion. N.Y., 1928. 235 p.

³² Ibid. P. 157.

³³ Ibid. P. 169.

³⁴ Fisher I. Stabilizing the dollar... Pp. 85–86.

³⁵ Ibid. P. 87.

Фишер предлагал привязать доллар не к золоту, а к этим товарам, именуя его «goods-dollar». Золото в нем оставалось, но нуждалось в регулировке в зависимости от роста или падения индекса цен данной корзины³⁶. Схема простая – если индекс показывает, что цена на товары из корзины растет и доллар теряет свою покупательную способность, в него следует добавить определенное количество золота для того, чтобы поддержать денежную единицу³⁷. Аналогично и в обратную сторону – если ценовой индекс падает (т.е. денежная единица укрепляется), золото в долларе может быть уменьшено, так как он достаточно сильный³⁸. По этой схеме доллар имеет стабильную покупательную способность, а подобное добавление/уменьшение золота позволяет достаточно быстро купировать инфляцию, потому что как раз регулируется «стоимость доллара».

Итак, проблема золотого стандарта действительно играла важную роль в интеллектуальной жизни США в 1920-е годы. Помимо рассмотренных здесь авторов, о золотом стандарте в США писали такие крупные экономисты, как Дж. Кейнс, Р. Хоутри, А. Миллер и др. По нашему мнению, обобщить полученные результаты и выйти за пределы констатации факта о центральной роли золотого стандарта можно следующим образом. «Элиты» США 1920-х годов находились под влиянием вильсоновства. Они считали США особой страной, наделенной священной обязанностью помогать другим. Но за этой помощью, за фасадом риторики о долге скрывалось достаточно явное желание установить контроль над глобальной экономической системой и торговыми механизмами, а за экономическим контролем всегда следовал контроль политический. Проекты Криссинджера и Оуэна направлены именно на это, и их следует рассматривать не просто как особое проявление атмосферы 1920-х годов, но включать в общий анализ концепции американской исключительности. На наш взгляд, идеологические истоки американского экономического господства, которое развернулось над миром после Второй мировой войны, восходят как минимум

³⁶ Fisher I. Stabilizing the dollar... Pp. 89–90.

³⁷ Ibid. Pp. 95–96.

³⁸ Ibid. Pp. 91, 97.

к этим текстам, а предлагаемое функционерами создание новой экономической системы в 1920-е годы очень напоминает устройство мира после 1945 г.

Но в 1920-е годы для этих проектов еще не пришло время, они не были реализованы. Причин этому было много, но главной являлась слабая президентская власть на тот период. Президенты США между А. Линкольном и Ф. Рузвельтом оставались достаточно пассивными фигурами (активность Т. Рузвельта и В. Вильсона была исключением)³⁹. Они верили, что свободная экономика без вмешательства государства является благом для американского общества. Президенты 1920-х годов, У. Гардинг и К. Кулидж, считали, что размеры федерального правительства должны оставаться скромными и что кабинет должен только создавать опору для самостоятельной деятельности корпораций и бизнеса⁴⁰. Для реализации же такого масштабного проекта, как создание мирового банка, была необходима мощная административная машина, которая сложилась только ко времени «имперского президентства» Ф. Рузвельта.

Библиография

Гринспен А. Капитализм в Америке: История / пер. с англ. А. Соловьев. М.: Альпина Пабlishер, 2022. 560 с.

Исэров А.А. Памяти «прекрасной эпохи» // Россия в глобальной политике. 2022. №3. С. 80–113.

Исэров А.А. Предотвратила ли доктрина Монро интервенцию Священного союза в Испанскую Америку? (развенчание и возрождение легенды) // Доктрина Монро: история и современность. Материалы круглого стола. М.: ИД «АРГАМАК МЕДИА», 2024. С. 7–33.

Ноге́йра Батиста П. Шаг за шагом прочь от доллара // Россия в глобальной политике. 2024. № 3. С. 160–164.

Тоштендаль Р. Возвращение историзма? Нео-институционализм и исторический поворот в социальных науках // Диалог со временем. 2010. №. 30. С. 14–25.

³⁹ Гринспен А. Капитализм в Америке: История. М., 2022. С. 186, 222–223.

⁴⁰ Там же. С. 224.

Шумпетер Й. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса / пер. с англ. Н.В. Автономовой. М.: Издательство Института Гайдара, 2011. 400 с.

Ahamad L. Lords of Finance: The Bankers Who Broke the World / Liaquat Ahamad. N.Y.: Penguin Press, 2009. 564 p.

Bernanke B. Essays on the Great Depression / Ben Bernanke. Princeton (NJ): Princeton University Press, 2000. 310 p.

Bernanke B. The Federal Reserve and the Financial Crisis: Lectures. Princeton (NJ): Princeton University Press, 2013. 134 p.

Crissinger D.R. Foreign Trade Relations: The Debts of Our Allies and the Stabilization of International Exchange: Address before the National Republican Club, New York, January 21, 1921 [Электронный ресурс] // Library of the Federal Reserve Board. 7 p. URL: <https://fraser.stlouisfed.org/title/3772/item/475366> (дата обращения: 05.05.2025).

Crissinger D.R. Our New Responsibilities: Address before the National Bank Section, American Bankers Association Convention, Los Angeles, California. October 5, 1921 [Электронный ресурс] // Library of the Federal Reserve Board. 10 p. URL: <https://fraser.stlouisfed.org/title/3772/item/475365> (дата обращения: 05.05.2025).

Drummond I.M. The Gold Standard and the International Monetary System / Ian M. Drummond. L.: Macmillan Education, 1987. 71 p.

Eichengreen B. The Golden Fetters. The Gold Standard and the Great Depression / Barry Eichengreen. Oxford: Oxford University Press, 1996. 429 p.

Fisher I. Stabilizing the dollar. A plan to stabilize the general price level without fixing individual prices / I. Fisher. N.Y.: The Macmillan Company, 1920. 305 p.

Fisher I. The Money Illusion / I. Fisher. N.Y.: Adelphi Company, 1928. 235 p.

Friedman M., Schwartz A. A Monetary History of the United States, 1867–1960 / M. Friedman, A. Schwartz. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1963. 860 p.

Gallarotti G.M. The Anatomy of an International Monetary Regime. The Classical Gold Standard, 1880–1914 / Giulio M. Gallarotti. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1995. 347 p.

Miller A.H. A History of the Federal Reserve, 1913–1951 / A.H. Miller. Chicago (IL): University of Chicago Press, 2001. 808 p.

Owen R.L. On the Stabilization of Credit; the Restoration of Industrial Activity in Europe and in the United States; the Rehabilitation of International Commerce and the Reestablishment of the Foreign Trade of the United States." Speech in the Senate of the United States / R. L. Owen. Washington: United States Senate Journal, 1922. 24 p.

Snow F.K. America as a World Tyrant: A German Historian's Attempt to Prove That Europe is Becoming a Serf of the United States // Current History. 1920. №3. P. 497–500.

Wilkerson C. Senator Robert Owen of Oklahoma and the Federal Reserve's formative years // Economic Review, Federal Reserve Bank of Kansas City. 2013. №3. P. 95–117.

К.И. Ганиева

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Преследование нацистских преступников израильской спецслужбой Моссад как инструмент послевоенной политики и международного правосудия

Статья посвящена изучению механизма преследования, осуществленного израильской спецслужбой Моссад в отношении нацистских преступников. Дано краткое описание преступлений нацистов и их уклонения от правосудия, приведена информация о роли Израиля в решении этого вопроса и начале деятельности Моссада по поиску сбежавших виновных. На основе источников личного происхождения описана операция по привлечению к наказанию нацистского преступника Адольфа Эйхмана, а также сложностей, с которыми столкнулась израильская спецслужба в разрешении этого вопроса. Помимо этого, изложена информация о других попытках преследования, совершенных Моссадом в послевоенный период. Автор приходит к выводу, что результативность и эффективность послевоенной политики Израиля по поиску и наказанию нацистских преступников была невысока, однако при этом она повлияла на память о Холокосте и на международное правосудие.

Ключевые слова: нацистские преступники, Моссад, преследование, преступление, израильские спецслужбы, ответственность, Холокост.

В настоящий момент прошло уже 80 лет с окончания Второй мировой войны. Постепенно современники тех лет покидают нас, а память о событиях 1939–1945 гг. уходит в прошлое. Все чаще звучат слова о преувеличении числа жертв еврейского населения, пострадавшего от Холокоста. Ввиду этого необходимо сохранять воспоминания о нацистских преступлениях и о трагедии, коснувшейся еврейского народа, чему посвящено настоящее исследование.

Изучению деятельности Моссада посвящен ряд крупных работ. Российские исследователи рассмотрели историю

формирования и функции организации, затронули некоторые аспекты борьбы с нацистами¹. Исследование итальянского ученого Э. Палумбо раскрыло содержание антиеврейских волнений 1960-х годов в Италии². Российские и зарубежные деятели изложили информацию о деле нацистского преступника Адольфа Эйхмана³. Проблематика рассматривается на основе таких источников, как материалы Нюрнбергского процесса⁴. Подробно описал историю преследования нацистских преступников и проводимые операции по их поимке бывший сотрудник Моссада Йоси Чен⁵, чьи воспоминания ранее не рассматривались отечественными историками. На основе источника личного

¹ Дайчман И. «МОССАД»: история лучшей разведки мира. Смоленск, 2001. 464 с.; Прохоров Д.П. Спецслужбы Израиля. Санкт-Петербург/Москва, 2002. 384 с.

² Palumbo E. The 'swastika epidemic' of 1960 and the first major public debate about antisemitism in republican Italy [Электронный ресурс] // Modern Italy. 2024. Pp. 1–16. URL: https://www.academia.edu/127929348/The_swastika_epidemic_of_1960_and_the_first_major_public_debate_about_antisemitism_in_republican_Italy (дата обращения: 11.04.2025).

³ Ланг Й. фон. Протоколы Эйхмана. Записи допросов в Израиле. Москва, 2002. 400 с.; Rosenbaum E.M. The Eichmann Case and the Distortion of History [Электронный ресурс] // Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review. 2012. P. 387–400. URL: <https://paperity.org/p/82872727/the-eichmann-case-and-the-distortion-of-history> (дата обращения: 12.04.2025); Сафаров Н.А. Правосудие от имени шести миллионов обвинителей: дело «The Attorney General of the Government of Israel v. Adolf Eichmann» в контексте международного права // Московский журнал международного права. 2022. №. 4. С. 70–107.

⁴ Нюрнбергский процесс: сборник материалов. Москва, 1954. Т. 2. 831 с.

⁵ Йоси Ч. Подготовка штаб-квартиры. «Амаль», «Ямсер» и «Амал-Мсари» [Электронный ресурс] // Яд Вашем. Мемориальный комплекс истории Холокоста. 2007. 143 с. URL: <https://www.yadvashem.org/yv/pdf-drupal/he/archive/mossad-documents/amal-meser.pdf> (дата обращения: 13.04.2025); Йоси Ч. Нет президентов, ветра и дождя. По следам нацистских военных преступников [Электронный ресурс] // Яд Вашем. Мемориальный комплекс истории Холокоста. 2007. 326 с. URL: <https://www.yadvashem.org/yv/pdf-drupal/he/archive/mossad-documents/nazi-war-criminals.pdf> (дата обращения: 13.04.2025).

происхождения, написанного директором Моссада Исером Харэлем⁶, удалось воспроизвести ход операции по поимке Адольфа Эйхмана.

Целью данного исследования является анализ деятельности израильской спецслужбы Моссад в преследовании нацистских преступников как части послевоенной политики Израиля. Новизна работы заключается в том, что в научный оборот были введены труды бывшего сотрудника Моссада Йоси Чена, которые, как упоминалось выше, ранее не использовались в отечественной науке.

Приход национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) к власти в 1933 г. во главе с Адольфом Гитлером стал переломным моментом в истории Германии. Существование нацистского режима и пропагандируемая им идеология расовой дискриминации и национального превосходства немецкой расы стали причиной систематического массового уничтожения миллионов людей. Наиболее пострадавшим от политики нацистов стал еврейский народ, который, по общепринятым оценкам, потерял около 6 миллионов своих представителей. Курс гитлеровского режима на антисемитизм получил название Холокост и стал отождествляться именно с истреблением евреев.

Преступления нацистского режима по отношению к еврейскому населению включают в себя массовые депортации, конфискацию имущества, функционирование гетто и, наконец, существование лагерей смерти, где люди подвергались либо принудительному труду и крайне тяжелым условиям существования, либо физическому уничтожению⁷.

Преступления, совершенные во время руководства Германией НСДАП, требовали наказания, что стало поводом к проведению серии международных военных трибуналов. Главным из них стал Международный военный трибунал в

⁶ Харэль И. Похищение палача [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RoyalLib.com. 1992. URL: https://royallib.com/read/harel_iser/pohishchenie_palacha.html#0 (дата обращения: 24.04.2025).

⁷ Нюрнбергский процесс... Т. 2. 66 с.

Нюрнберге, прошедший в 1945 г., на котором судили высокопоставленных чиновников гитлеровского режима. Важнейшим результатом трибунала стало не только наказание главных преступников нацистской Германии, но и сбор и систематизация материалов, документов, связанных с геноцидом еврейского населения. Далее также проводились судебные процессы, например, Франкфуртский процесс 1963–1965 гг. На нем были предъявлены обвинения бывшим служащим лагеря смерти «Освенцим». Кроме того, уголовное преследование проводилось и в отдельных странах, к примеру, в СССР, США, Польше и др.

Несмотря на многочисленные попытки привлечь к ответственности нацистских преступников за их участие в Холокосте, подавляющее большинство нацистов смогло избежать наказания. Многие получили оправдательные приговоры, значительная часть – сбежали. Для осуществления дальнейшего правосудия было необходимо принять меры по поиску сбежавших преступников, чтобы в дальнейшем вынести им справедливое наказание. В этом деле передовое место занял Израиль.

Государство Израиль, образованное в послевоенный период, а именно в 1948 г., стало одним из главных акторов в международной политике, чьи усилия были направлены на борьбу со сбежавшими нацистскими преступниками. Не последняя роль Израиля объясняется тем, что он является национальным еврейским государством, поэтому наибольший урон из-за расовой политики гитлеровского режима понесла именно эта страна. Расплата с нацистскими преступниками и восстановление справедливости стали одними из определяющих направлений послевоенной политики Израиля, которые получили серьезное развитие с 1950 г., а именно с принятием Закона «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказаниях)»⁸.

В рамках борьбы со сбежавшими преступниками ведущим органом, занимавшимся нацистским вопросом, стала израильская внешняя разведка, известная под названием Моссад. Система разведывательных органов Израиля действовала еще до

⁸ Сафаров Н.А. Правосудие от имени шести миллионов обвинителей... С. 14.

официального образования государства, но в 1949 г., по предложению Реувена Шилоа, деятеля разведки, она была переведена на государственный уровень, а в 1951 г. Моссад получил современное наименование⁹.

Так как Моссад являлся службой разведки, то и деятельность по преследованию нацистских преступников была возложена на него. Как пишет Йоси Чен, один из сотрудников представленной спецслужбы, написавший серию книг для исторического отдела Моссада, в которых он анализирует деятельность организации в решении вопроса сбежавших нацистских преступников: «Мы не нашли в Священных писаниях официального заявления о том, что Израиль считает своим моральным долгом преследовать нацистских преступников, ловить их и наказывать. Однако в рамках “неписаного кодекса” это было само собой разумеющимся, и учреждение взяло на себя выплату этого долга»¹⁰.

Несмотря на то, что в послевоенной политике Израиля стояла задача поиска нацистских преступников, она осуществлялась лишь на подготовительном уровне, то есть работа была направлена на сбор и изучение информации, составление архивов и систематизацию фактического материала о сбежавших нацистах. Одним из инициаторов практической деятельности стал Исер Харель, заменивший Реувена Шилоа на посту директора Моссада в 1952 г. Он высказал свои намерения по розыску нацистов и их наказанию премьер-министру Израиля Давиду Бен-Гуриону и получил его согласие. Однако на тот момент деятельность, направленная на решение вопроса о нацистских преступниках, не являлась актуальной, так как у молодого государства существовали другие геополитические задачи и внешнеполитические вопросы, требовавшие решения, поэтому работа велась исключительно в рамках сбора информации и пополнения архивов. Однако такой подход длился недолго. В 1959–1960 гг. по всему миру прошли антисемитские волнения, которые газетами были

⁹ Прохоров Д.П. Спецслужбы Израиля... С. 50.

¹⁰ Йоси Ч. Подготовка штаб-квартиры... С. 2.

названы «эпидемией свастики»¹¹. В большей степени они затронули Западную Германию, но проходили также в Италии, Норвегии, США. Антисемитские волнения показали, что борьба с возрождением нацизма вновь должна быть выдвинута на первый план. В составе Моссада было создано специальное подразделение «Амлай», занимающееся составлением личных дел преступников, проверкой мест, где находились преступники, и вынесением конкретных предложений по их поимке¹². В период наиболее активной деятельности по преследованию нацистских преступников, а именно в 1960-х годах, прошла самая главная и значимая операция в истории Израиля.

В ночь с 31 мая по 1 июня 1962 г. в Израиле, в тюрьме Рамле был казнен Адольф Эйхман. Этого человека также называют одним из «архитекторов Холокоста», и не зря. Адольф Эйхман был тесно связан с нацистской программой «окончательного решения еврейского вопроса»: «он отвечал за истребление евреев, хотя сам и не занимался умерщвлением людей. Это он сгонял людей в гетто, формировал эшелоны, уходившие в лагеря уничтожения, он поручал разрабатывать графики перевозок и расписание поездов; он, посещая Освенцим и Майданек, составил собственное представление о технике массового убийства людей и позаботился о полном использовании мощности газовых камер»¹³. В связи с этим наказание столь значимого военного преступника, сбежавшего от правосудия, стало важным направлением деятельности израильских спецслужб.

Задача поимки Адольфа Эйхмана Моссадом являлась довольно непростой, так как достоверных данных о его внешности, отпечатках пальцев, точном местоположении у организации не было. Однако спустя некоторое время, в 1957 г., Исер Харель, под

¹¹ *Palumbo E.* The 'swastika epidemic' of 1960 and the first major public debate about antisemitism in republican Italy [Электронный ресурс] // *Modern Italy*. 2024. P. 1–16. URL: https://www.academia.edu/127929348/The_swastika_epidemic_of_1960_and_the_first_major_public_debate_about_antisemitism_in_republican_Italy (дата обращения: 11.04.2025).

¹² *Йоси Ч.* Подготовка штаб-квартиры... С. 20.

¹³ *Ланг Й. фон.* Протоколы Эйхмана... С. 2.

руководством которого спецслужба занималась поиском преступника, получил информацию о нахождении Эйхмана от немецкого прокурора Фрица Бауэра¹⁴. Тот, в свою очередь, получил зацепку от Лотара Германа, дочь которого состояла в связи с одним из сыновей Эйхмана. Убеденный в том, что немецкое правительство не предпримет шагов по поимке Эйхмана, Фриц Бауэр поделился полученными данными с израильскими спецслужбами. Когда Моссаду стало известно, что бежавший нацист скрывается в Аргентине под именем Рикардо Клемента¹⁵, он вплотную занялся делом Эйхмана, а руководство операцией по поимке взял на себя Исер Харель. Безусловно, полученная информация требовала подтверждения, поэтому спецслужбам требовалось отыскать в Аргентине семью Клементов и убедиться в правдивости предоставленных сведений, чтобы затем схватить бежавшего преступника.

Работа спецслужбы растянулась на несколько лет, и лишь в мае 1960 г. преступник оказался пойман. Сложность операции заключалась в том, что, во-первых, необходимо было произвести захват Адольфа Эйхмана, во-вторых, укрыться вместе с ним в секретной квартире и провести вместе с человеком, причастным к убийству миллионов евреев, несколько дней, что, по словам Хареля и его команды, стало самым трудным¹⁶, в-третьих, переправить Эйхмана из Аргентины в Израиль, не привлекая внимания аргентинских служб безопасности.

В результате все действия были выполнены, и 23 мая премьер-министр Израиля публично заявил о поимке Адольфа Эйхмана. Международное сообщество, в частности Аргентина, бурно отреагировало на это событие. Аргентина подала официальную жалобу на нарушение Израилем ее территориального суверенитета в Организацию Объединенных Наций¹⁷.

¹⁴ Харель И. Похищение палача. URL: https://royallib.com/read/harel_iser/pohishchenie_palacha.html#0 (дата обращения: 24.04.2025).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Дайчман И. «МОССАД»: история ... С. 129.

¹⁷ Rosenbaum E.M. The Eichmann Case and the Distortion of History [Электронный ресурс] // Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review. 2012.

В конечном счете Адольф Эйхман предстал перед израильским судом. Процесс был начат 11 апреля 1961 г., а уже 15 декабря ему был вынесен смертный приговор, который был приведен в исполнение, как писалось выше, 1 июня 1962 г.

Помимо поимки Адольфа Эйхмана, Моссад занимался и другими сбежавшими преступниками. Спецслужба располагала списками нацистов, которых требовалось привлечь к наказанию. В них входили Мартин Борман, Генрих Мюллер, Хорст Шуман, Алоиз Бруннер, Вальтер Рауфф, Йозеф Менгеле и др. На поиск этих преступников Моссад потратил не одно десятилетие и использовал множество ресурсов. Однако стоит сказать о том, что, в отличие от дела Эйхмана, которое повлекло за собой привлечение к уголовной ответственности нацистского преступника, операции по наказанию вышеперечисленных лиц не привели к желаемым результатам.

К примеру, успех поисков Мартина Бормана, являвшегося личным секретарем Адольфа Гитлера, изначально находился под вопросом. В руках Моссада не было существенных зацепок, которые могли помочь им выйти на след Бормана. При этом существовали сомнения относительно того, находился ли он в живых. В конечном счете, в 1973 г. у Берлинской стены были найдены останки тел¹⁸, одно из которых, по официальной версии, принадлежало нацисту, предположительно умершему еще в 1945 г. Его точная судьба так и не была установлена. Такая же ситуация сложилась и с Генрихом Мюллером, начальником гестапо. Существовали две версии того, что же случилось с бывшим нацистом. Согласно первой он умер еще в 1945 г. в Берлине в результате бомбардировок. Согласно второй Мюллер сумел скрыться¹⁹. В любом случае, Моссад пытался выйти на его след, но это оказалось безуспешным.

Совершенно другая история связана с делом Хорста Шумана. Он являлся немецким ученым, который в концлагерях

Р. 389. URL: <https://paperity.org/p/82872727/the-eichmann-case-and-the-distortion-of-history> (дата обращения: 12.04.2025).

¹⁸ Йоси Ч. Нет президентов, ветра и дождя... С. 48.

¹⁹ Там же. С. 54.

ставил эксперименты, в основном на еврейских мужчинах и женщинах, по стерилизации рентгеновскими лучами²⁰. С падением нацистского режима он бежал за границу. В результате Хорст при содействии Израиля был экстрадирован из Ганы в Западную Германию, где над ним прошел судебный процесс. В результате он был отпущен по состоянию здоровья и прожил до 1983 г.

Касательно Алоиза Бруннера, помощника Адольфа Эйхмана, Моссадом было принято решение физического устранения. Власти Сирии, где нашел убежище нацистский преступник, не желали выдавать его, поэтому израильскими спецслужбами были совершены две попытки убийства Бруннера, а именно в 1961 г.²¹ и 1980 г.²² Но покушения так и не привели к желаемому результату, и он остался жив.

Вальтер Рауфф, являвшийся директором технического отдела Главного управления Имперской безопасности и разработавший мобильные газовые камеры, которые получили название «газвагены»²³, после войны оказался в Чили, откуда израильские спецслужбы при сотрудничестве с так называемыми охотниками за нацистами Беатой и Сержем Кларсфельдами пытались добиться разрешения на экстрадицию. Однако в 1984 г. Вальтер Рауфф скончался от рака легких, поэтому привлечь его к ответственности так и не удалось.

И наконец, самая известная история преследования – это поиск так называемого «Ангела смерти из Освенцима» Йозефа Менгеле. Пожалуй, это самый узнаваемый и известный нацистский преступник, проводивший многочисленные медицинские эксперименты на заключенных лагеря смерти «Освенцим». История его преследования растягивается на три десятка лет, во время которых Моссад всеми силами пытался выйти на след немецкого ученого, но тому каждый раз удавалось уйти от спецслужб. Несмотря на проделанную Моссадом работу, преступник так и не был пойман. Он умер в 1979 г., утонув в море, о чем израильская спецслужба узнала лишь в 1985 г.

²⁰ Йоси Ч. Нет президентов, ветра и дождя... С. 90.

²¹ Там же. С. 125.

²² Там же. С. 146.

²³ Там же. С. 155.

Таким образом, преследование израильскими спецслужбами скрывшихся нацистских преступников являлось значимой частью послевоенной политики страны. Так как Израиль являлся государством, представляющим еврейский народ, то наказание виновных считалось национальным долгом, который нужно было выплатить перед миллионами погибших и пострадавших евреев. Кроме того, деятельность по преследованию нацистских преступников служила противодействием к отрицанию Холокоста, поскольку она способствовала повышению осведомленности о преступлениях нацистов. Невзирая на невысокую результативность представленной политики Израиля, она сыграла роль в международном правосудии. Например, дело Адольфа Эйхмана показало всему миру неизбежность наступления справедливости за совершенные преступления. Помимо этого, судебный процесс над нацистским преступником вызвал общественный резонанс. Так, к примеру, ответом на судебный процесс стала книга «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме», написанная корреспондентом Ханной Арендт, которая в своей работе попыталась раскрыть личность нацистского преступника.

Библиография

Дайчман И. «МОССАД»: история лучшей разведки мира. Смоленск: «Русич», 2001. 464 с.

Йоси Ч. Подготовка штаб-квартиры. «Амаль», «Ямсер» и «Амал-Мсари» [Электронный ресурс] // Яд Вашем. Мемориальный комплекс истории Холокоста. 2007. 143 с. URL: <https://www.yadvashem.org/yv/pdf-drupal/he/archive/mossad-documents/amal-meser.pdf> (дата обращения: 13.04.2025)

Йоси Ч. Нет президентов, ветра и дождя. По следам нацистских военных преступников [Электронный ресурс] // Яд Вашем. Мемориальный комплекс истории Холокоста. 2007. 326 с. URL: <https://www.yadvashem.org/yv/pdf-drupal/he/archive/mossad-documents/nazi-war-criminals.pdf> (дата обращения: 13.04.2025).

Ланг Й. фон. «Протоколы Эйхмана. Записи допросов в Израиле». Москва: Текст, 2002. 400 с.

Нюрнбергский процесс: сборник материалов / под ред. К.П. Горшенина. Москва: Госюриздат, 1954. Т. 2. 831 с.

Прохоров Д.П. Спецслужбы Израиля. Санкт-Петербург/Москва: Издательский дом «Нева», «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. 384 с.

Сафаров Н.А. Правосудие от имени шести миллионов обвинителей: дело «The Attorney General of the Government of Israel v. Adolf Eichmann» в контексте международного права // Московский журнал международного права. 2022. №. 4. С. 70–107.

Palumbo E. The ‘swastika epidemic’ of 1960 and the first major public debate about antisemitism in republican Italy [Электронный ресурс] // Modern Italy. 2024. P. 1–16. URL: https://www.academia.edu/127929348/The_swastika_epidemic_of_1960_and_the_first_major_public_debate_about_antisemitism_in_republican_Italy (дата обращения: 11.04.2025).

Rosenbaum E.M. The Eichmann Case and the Distortion of History [Электронный ресурс] // Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review. 2012. P. 387–400. URL: <https://paperity.org/p/82872727/the-eichmann-case-and-the-distortion-of-history> (дата обращения: 12.04.2025).

Чжо Йе Аунг
Томский государственный университет

The Role of Myanmar's Geopolitical Position in Shaping Its Foreign Policy

Myanmar's foreign policy is shaped by its strategic geopolitical position as a land bridge connecting South and Southeast Asia, between the regional powers of China and India. This unique location has influenced its diplomatic strategies, particularly along its extensive coastline and access to critical maritime routes. Historically, Myanmar has kept a neutral foreign policy, focusing on its national interests. Myanmar's foreign policy is shaped by complex regional dynamics, presenting challenges and opportunities. Historical, ideological, and socio-economic factors confuse this landscape. China's strategic investments have increased its influence, prompting India to reinforce ties with Myanmar. Understanding Myanmar's foreign policy needs appreciating the interplay of geography, history, and regional dynamics to skill an active strategy.

Keywords: Myanmar, China, India, United States, geopolitical position, foreign policy.

Military, political, economic, social, geographical and historical factors significantly influence foreign policy. Every country formulates foreign policy based on its domestic needs and priorities to protect its national interests and achieve its national goals in the external environment. Moreover, recognizing the importance of geography in shaping foreign policy is essential.

Myanmar's foreign policy is distinguished by foundational principles rooted in a non-aligned stance, influenced by its geographical position, the ideological disparities among major powers, and a commitment to mutual cooperation with all countries. In this regard, successive Myanmar governments have consistently taken into account the country's historical experiences, traditions, geographic context, ideological beliefs, domestic circumstances, and the border international environment when formulating foreign policy.

Myanmar is strategically located between the regional powers of China and India, sharing extensive borders with both countries. Its unique geographic position, with a coastline of 2,228 km and borders

spanning 2,226 km with China and 1,452 km with India, has significantly shaped its foreign policy and regional dynamics. Myanmar's location as a land bridge between South and Southeast Asia, as well as its proximity to the Bay of Bengal and Andaman Sea, further underscores its geopolitical significance. The article employs materials from official websites, newspapers, news agencies, information published by international or regional organizations. The objective is to analyze how Myanmar's geopolitical location influences its foreign policy decisions. Myanmar foreign policy is often viewed as inconsistent, and this study aims to understand the reason behind this, focusing on its geographical position. Understanding Myanmar's political role can help explain its foreign relations. This knowledge is crucial for policymakers and scholars interested in Southeast Asian politics, as it provides insights that can aid other researchers in exploring the impact of geography on international relations, particularly in developing countries.

Geopolitics is the study of the geographical factors that influence political, economic, and social dynamics between states and other actors. It observes how a region's physical and human geography figures the interests, strategies, and power dynamics of entities within it. Geopolitics describes the mutual relationship between geography and politics, viewing how spatial organization influences power and political objectives¹. In the 2000 publication *Geopolitics*, Thaung Htike examines the relative significance of maritime and aerial domains. The author contends that maritime routes are more advantageous and cost effective compared to aerial transportation². Additionally, the author discusses the importance of population and natural resources in geopolitics. The book further elucidates the relationship between geopolitics and logistics. Myanmar is characterized by a predominantly flat topography with a north-south orientation. The author highlights geography, domestic power, and strategic locations as key in geopolitics. He notes that Western interests focus on major sea

¹ Flint C. *Introduction to Geopolitics*. New York, 2022. P. 3.

² Thaung Htike. *Geopolitics* (□□□□□□□□□□□□). Yangon, 2000. P. 55.

routes like the North Atlantic, Mediterranean, Pacific, and Panama Canal connections³.

Geopolitics plays an important role in the analysis of foreign policy as well. The new book *Foreign Policy Analysis* defines foreign policy as follows: “Foreign policy encompasses the substance of foreign relations, including the objectives and ambitions a nation seeks to fulfil in its interactions with other nations and international governmental organizations”⁴. The book describes the role of the individual decision maker in foreign policy and states that countries implement foreign policy based on geopolitical considerations. For example, the book notes that Russia’s northern and northeastern coasts were often frozen, and its access to the Mediterranean and Atlantic was blocked by land. This led Peter the Great to prioritize securing a warm water port in foreign policy. Geopolitical factors similarly shape the grand strategies of global powers like the U.S. and modern Russia. In summary, a comprehensive analysis of foreign policy necessitates a thorough consideration of the role of geopolitics.

Myanmar is the largest country in Southeast Asia after Indonesia, with an area of 676,581 square kilometers and a long coastline along the Indian Ocean and Andaman Sea⁵. Its strategic location provides access routes from the Indian Ocean to China and control over the sea entrance to Bangladesh and Thailand. Myanmar’s numerous islands, such as Rambre, Hai Gyi, Palipalak, and Coco, hold significant strategic importance due to their positions along major maritime routes and proximity to India and other regional powers. The Kyaukphyu Deep Sea Port on the mainland is a critical asset as well, offering convenient access to central Myanmar. Overall, Myanmar’s geographic features and location make it a geopolitically significant country in the region. As Myanmar is positioned between China and India, the territorial conflicts between these countries can significantly impact it. In 1962, China and India fought a month-long war over a territorial dispute in

³ *Ibid.* P. 93.

⁴ Abbasi S. *Foreign Policy Analysis*. Islamabad, 2025. P. 43.

⁵ Maung Myoe. *Building the Tatmadaw: Myanmar Armed Forces Since 1948*. Singapore, 2009. P. 2.

the Ladakh region⁶. As a result, they remained strategic rivals throughout the Cold War. In 1960, China and Myanmar signed a treaty regarding their border dispute; subsequently, representatives from both countries jointly measured the border and formalized the agreement in 1961. The Myanmar India border was measured in 1967 by an agreement and the Aung Nimate operation⁷. The geopolitical positions of Myanmar, China, and India hold strategic significance for multiple players. As strategic rivals, China and India view Myanmar as crucial to their interests, as the U.S. see it as key to containing China. Regional dynamics affect stability, economic cooperation in South and Southeast Asia, and Myanmar's foreign policy, which reflects an independent and active stance. Myanmar's location serves as a back door for China and a land bridge to Southeast Asia for India. The rivalry and territorial tensions between China and India impact Myanmar, underscoring the need for stronger defense, national unity, and strict neutrality. In addition, the potential risk of population explosion in these two populous countries, which are the largest economic markets for Myanmar, should be considered. China and India are likely to attract Myanmar due to their respective national interests; therefore, it is crucial for Myanmar to adopt an appropriate position that balances the associated impacts.

Myanmar's geopolitical relationships are designed by its relations with key regional players such as China, India, and ASEAN. China keeps strong economic and military ties with Myanmar and has financed in infrastructure for the Belt and Road Initiative, with the Kyaukpyu deep-sea port a key example, growing China's maritime access to the Indian Ocean. India opinions Myanmar as strategically vital, particularly under its Act East policy designed at deepening regional connectivity. The two countries contribute historical and

⁶ Tickell A. 1962's Sino-Indian border war lasted four weeks – internment of India's Chinese community lasted years // The Conversation. 2022. URL: <https://theconversation.com/1962s-sino-indian-border-war-lasting-four-weeks-internment-of-indias-chinese-community-lasting-years-192366> (date of access: 05.05.2025)

⁷ Boundary agreement between the government of India and the government of the Union of Burma // Commonwealth Legal Information Institute. 2025. URL: <https://www.commonlii.org/in/other/treaties/INTSer/1967/3.html> (date of access: 07.05.2025)

cultural ties that assist growing economic and military cooperation. ASEAN affords Myanmar with a platform for multilateral diplomacy, economic integration, and regional stability. However, conflicts and governance issues in Myanmar have confirmed its relationships with ASEAN members. These geopolitical ties reflect a balance between strategic interests and international norms. Over time, Myanmar's foreign policy has changed in response to domestic changes and external densities. This dynamic highlights how geography, power and ideology shape Myanmar's place in regional politics.

The bilateral relations between China and Myanmar have brought many benefits to Myanmar. China is one of Myanmar's largest trading partners, offering extensive industrial and economic assistance and fostering a significant diplomatic relationship. In the 2000s, China provided jets, armored vehicles, and naval vessels, as well as training for the army, navy, and air force⁸. Access to Myanmar's ports and deep-sea port facilities could enable China to enhance its strategic influence over the wider Bay of Bengal in Southeast Asia. China has already constructed a deep-sea port in Kyaukphyu, Myanmar, which serves as its maritime outlet. On January 12th, 2007, China vetoed a resolution at the UN Security Council that proposed the imposition of sanctions on Myanmar⁹. During the colonial era, the China-Myanmar highway was a vital route for the Allies in the war. Japan invaded and occupied Myanmar because it wanted to control it¹⁰. China faces U.S. trade restrictions in the South China Sea and Malacca Strait, making Myanmar and Pakistan vital sea routes for its trade. During Myanmar's reliance on China, Western sanctions severely affected its development, leaving it economically and technologically

⁸ China Delivers Eight New Aircraft to Myanmar Military // Burma News International. 2025. URL: <https://www.bnionline.net/en/news/china-delivers-eight-new-aircraft-myanmar-military-2024#:~:text=As%20reported%20by%20Burma%20Campaign,eight%20new%20aircraft%20in%202024>. (date of access: 07.05.2025)

⁹ China and Russia veto US/UK-backed Security Council draft resolution on Myanmar // UN News. 2007. URL: <https://news.un.org/en/story/2007/01/205732> (date of access: 08.05.2025)

¹⁰ Llewellyn J., Kucha G. The Second Sino-Japanese War // Alpha History. 2018. URL: <https://alphahistory.com/chineserevolution/sino-japanese-war/> (date of access: 08.05.2025)

dependent¹¹. Even as relations with the U.S. improved, ethnic armed groups supported by China continued to threaten peace and stability. Today, as the U.S. and China compete for influence, Myanmar finds itself at a geopolitical crossroads. Its strategic location makes it a focal point in the rivalry between major powers. Internal conflicts and slow development further expose Myanmar to external pressures. To maintain stability, Myanmar must adopt an independent, non-aligned foreign policy. Balancing these interests is essential to protect its sovereignty and long-term future.

Myanmar and India share a long history of diplomatic, cultural, and ethnic ties. Both nations gained independence from British rule through nationalist movements. Since the end of the Cold War, India has pursued the Look East and later Act East policies to strengthen ties with ASEAN countries¹². Myanmar plays a key role in India's regional strategy due to its strategic location. India sees Myanmar as a gateway to Southeast Asia and the Pacific. However, India views China's Belt and Road projects in Myanmar as security concerns. Myanmar's coastline and ports, such as Kyaukphyu and Sittwe, are vital for control over Bay of Bengal waterways. These sea routes are crucial for trade and military movement in the Indian Ocean. India seeks to deepen cooperation with Myanmar to counterbalance growing Chinese influence. A strong India-Myanmar partnership is essential for the regional stability and development.

An independent and active foreign policy has been pursued by Myanmar since first gaining independence. Furthermore, Myanmar withdrew from the British Commonwealth and consistently adopted a policy of neutrality, later opting for non-alignment throughout the Cold War. It became a member of the United Nations shortly after becoming independent. In 1950, Prime Minister U Nu stated in parliament that joining the United Nations would allow Myanmar to avoid interference from major powers by remaining neutral between the

¹¹ Sanctions against Myanmar // The official website of the Council of the EU. 2025. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions-against-myanmar/> (date of access: 05.05.2025)

¹² *Suman P.* India's shift from Look East Policy to Act East Policy // *Ilkogretim Online* – Elementary Education Online. 2020. Vol. 19. Iss. 2. Pp. 1366–1371.

United States and the Soviet Union¹³. However, the lack of intervention by the UN during the Koumington attacks has weakened faith in its effectiveness.

With the rise of China in 1949, Myanmar's foreign policy underwent transformation¹⁴. Myanmar recognized China, cut ties with the Koumington, leading to an invasion by Koumington loyalists who attacked Chinese Communists. Consequently, both Eastern and Western powers intervened in Myanmar's internal affairs, prompting the Myanmar government to respond systematically. In 1952, the Myanmar government defined its foreign policy as one of neutrality at the Pyidawthar conference, outlining four main principles¹⁵. In 1954, Myanmar, China and India signed the Five Principles of Peaceful Coexistence:

(1) Mutual respect of each other's territorial integrity and sovereignty

(2) Mutual non-aggression

(3) Mutual non-interference in each other internal affairs

(4) Equality and mutual benefit;

(5) Peaceful coexistence.

The government formed the Revolutionary Council (RC) in 1962 and continued to implement the foreign policy of the earlier administration. Under the Burmese Socialist Party government in 1971, the country partially isolated itself to avoid domestic and international problems. As a result, Myanmar remained disconnected from the outside world while pursuing its own development path. This relative neutrality has helped the country to avoid regional conflicts.

Since taking control in September 1988, the military government, known as the State Law and Order Restoration Council

¹³ Aung Kyaw Min. The emergence of the non-aligned foreign policy of Burma from the end of the Second World War to Bandung conference: M.A. Thesis. Bangkok, 2022. 105 p. URL: <https://digital.car.chula.ac.th/cgi/viewcontent.cgi?article=7039&context=chulaetd> (date of access: 23.04.2025)

¹⁴ Thant Sin. Myanmar Foreign Policy: Principles and Practices (1948–2020): M.A. Thesis. Pyin Oo Lwin, 2024.

¹⁵ Zaw Naing Myint. Pyidawtha Programme (1952–1960) // Yangon University of Distance Education Research Journal. 2019. Vol. 10. No. 1. Pp. 60–69.

(SLORC), has been bringing 17 local armed groups under legal authority¹⁶. Additionally, there was an increase in interactions with China, which resulted in Myanmar becoming increasingly dependent on a single country. In his first speech on March 30, 2011, President Thein Sein affirmed continuity in foreign policy¹⁷.

It was anticipated that under the new government led by State Counselor Aung San Suu Kyi, Myanmar's foreign policy would shift towards the West, particularly towards Washington. Therefore, the NLD government stated that Myanmar will continue to pursue an independent and active foreign policy. Moreover, the state responsibilities were handed over by the Myanmar military in February 2021 due to the prevailing needs, leading to the formation of the State Administration Council (SAC) as the current governing body. During the SAC's administration and until now, Myanmar is actively implementing the aforementioned foreign policy.

Thus, Myanmar's foreign policy is significantly shaped by its strategic geopolitical location at the intersection of South and South-east Asia, making it a focal point for regional powers like China and India. This location has historically enabled Myanmar to pursue a policy of neutrality, allowing it to engage selectively with external actors while avoiding deep alliances. However, its geographic position, bordering two major powers and offering access to vital maritime routes, has made it a site of external competition, influencing Myanmar's diplomatic and economic choices. Despite efforts to maintain an independent foreign policy, Myanmar's decisions often appear inconsistent due to the pressures of balancing between China and India, internal political instability, ethnic conflicts, and shifting international relations. The military taking power again in 2021 disrupted its foreign policy trajectory, leading to Western sanctions and closer ties with China and Russia, undermining its traditional neutrality. Thus, Myanmar's geopolitical location plays a central role in shaping its foreign

¹⁶ *Maung Myoe*. Building the Tatmadaw: Myanmar Armed Forces Since 1948. Singapore, 2009. P. 11.

¹⁷ "We have to strive our utmost to stand as a strong government while conducting changes and amendments in order to catch up with the changing world". President U Thein Sein delivers inaugural address to Pyidaungsu Hluttaw // The New Light of Myanmar. 2011. Vol. XVIII. No. 344. P. 5.

policy, but the interplay of domestic challenges and regional rivalries contributes to the perception of inconsistency. Understanding this complex context is key to analyzing Myanmar's evolving diplomatic stance and crafting effective international engagement strategies.

References

Abbasi S. Foreign Policy Analysis / ed. by F. Karim. Islamabad: Allama Iqbal Open University, 2025. 180 p.

Aung Kyaw Min. The emergence of the non-aligned foreign policy of Burma from the end of the Second World War to Bandung conference: M.A. Thesis. Bangkok, 2022. 105 p. URL: <https://digital.car.chula.ac.th/cgi/viewcontent.cgi?article=7039&context=chulaetd> (date of access: 23.04.2025)

Flint C. Introduction to Geopolitics (fourth edition). New York: Routledge, 2022. 324 p.

Llewellyn J., Kucha G. The Second Sino-Japanese War // Alpha History. 2018. URL: <https://alphahistory.com/chineserevolution/sino-japanese-war/> (date of access: 08.05.2025)

Maung Myoe. Building the Tatmadaw: Myanmar Armed Forces Since 1948. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2009. 255 p.

Suman P. India's shift from Look East Policy to Act East Policy // Ilkogretim Online – Elementary Education Online. 2020. Vol. 19. Iss. 2. Pp. 1366–1371.

Thant Sin. Myanmar Foreign Policy: Principles and Practices (1948–2020): M.A. Thesis. Pyin Oo Lwin, 2024.

Thaung Htike. Geopolitics (□□□□□□□□□□□□□□). Yangon: Thwey Syaap, 2000. 173 p.

Tickell A. 1962's Sino-Indian border war lasted four weeks – internment of India's Chinese community lasted years // The Conversation. 2022. URL: <https://theconversation.com/1962s-sino-indian-border-war-lasting-four-weeks-internment-of-indias-chinese-community-lasting-years-192366> (date of access: 05.05.2025)

Zaw Naing Myint. Pyidawtha Programme (1952–1960) // Yangon University of Distance Education Research Journal. 2019. Vol. 10. No. 1. Pp. 60–69.

Ю.А. Домахина
Институт Китая и современной Азии
Российской академии наук

Ракетно-ядерная программа КНДР как фактор усиления сотрудничества Японии, США, Республики Корея

В августе 2023 г. в рамках исторической встречи в Кэмп-Дэвиде лидеров Японии, США и Республики Корея произошло оформление «треугольника» Токио-Вашингтон-Сеул. Необходимость углубления трехстороннего взаимодействия в области безопасности стороны объяснили наличием «общих угроз в АТР», в числе которых особое место отводится ракетно-ядерной программе КНДР. На основе анализа официальных документов рассматриваются роль северокорейского фактора в укреплении военного сотрудничества по линии Япония-США-РК и политика треугольника по реализации инициатив, выдвинутых на саммите в Кэмп-Дэвиде. Сделан вывод о том, что деятельность треугольника может спровоцировать серьезный рост эскалации на Корейском полуострове.

Ключевые слова: КНДР, ракетно-ядерная программа, Япония, США, Республика Корея, трехстороннее сотрудничество.

Вот уже более двух десятилетий ракетно-ядерная программа КНДР остается одним из факторов, напрямую влияющих на обстановку безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Так как возникший вопрос относительно новый, его историография берет свое начало на современном этапе. Зарубежные исследователи с конца последнего тысячелетия рассматривают особенности ядерной программы КНДР, примером является работа Л. Сигала «Ядерная дипломатия с Северной Кореей», в которой рассмотрены ранние этапы переговоров с КНДР и реакция США¹. Д. Обердорфер и Р. Карлин анализировали влияние ядерных амбиций КНДР на региональную безопасность². Вопросом влияния ядерной программы КНДР на американо-

¹ Sigal L.V. Disarming Strangers: Nuclear Diplomacy with North Korea. Princeton, NJ. 1998. 336 p.

² Oberdorfer D., Carlin R. The Two Koreas: A Contemporary History. 3rd ed., rev. and updated. New York, 2014. 512 p.

южнокорейские отношения занимался С. Синдер в работе «Альянс США и Южной Кореи: почему он может потерпеть неудачу и почему не должен»³. Из современных исследований можно выделить относительно свежий труд М. Маньина, в котором анализируется военно-политическое партнерство в ответ на угрозы КНДР⁴.

Российская историография придерживается тех же постулатов интерпретации данного вопроса. Г.Д. Толорая рассматривает влияние ядерного конфликта на регион⁵. В.И. Денисов анализирует мотивы Пхеньяна в развитии ракетно-ядерных технологий⁶. Другой стороной вопроса занимались О.П. Иванов и Л.В. Забровская, в своих работах рассматривая региональное сотрудничество против КНДР. О.П. Иванов делал акцент на американском военном присутствии в АТР как реакции на угрозу со стороны Северной Кореи⁷, а Л.В. Забровская оценивает влияние ядерной программы КНДР на взаимодействие США, Японии, Республики Корея⁸. Современные исследования продолжает В.Л. Ларин, который анализирует динамику трилатерального взаимодействия⁹. Новизна исследования складывается из анализа, оценки текущей ситуации с определением перспектив дальнейшей консолидации партнерства в условиях эскалации северокорейской угрозы.

Целью статьи является анализ влияния ракетно-ядерной программы КНДР на усиление военно-политического сотрудничества между США, Японией и Республикой Корея (РК) в

³ Snyder S. The U.S.-South Korea Alliance: Why It May Fail and Why It Must Not. New York. 2018. 280 p.

⁴ Manyin M.E. U.S.-South Korea Relations. [Электронный ресурс] // URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R41481> (дата обращения: 12.07.2025).

⁵ Толорая Г.Д. Корейский полуостров: вызовы и возможности для России. Москва. 2017. 280 с.

⁶ Денисов В.И. Северная Корея: вчера и сегодня. Москва. 2020. 320 с.

⁷ Иванов О.П. США и Восточная Азия: вызовы безопасности. Москва. 2018. 256 с.

⁸ Забровская Л.В. Россия и Корейский полуостров в XXI веке. Владивосток. 2019. 198 с.

⁹ Ларин В.Л. Восточная Азия: от конфронтации к сотрудничеству? Москва. 2022. 352 с.

контексте региональной безопасности. Это связано с актуальностью проблемы из-за растущей напряженности вокруг тихоокеанского региона, подталкивающей к поиску путей решения проблемы и вопросов безопасности других стран. Для исследования были использованы делопроизводственные источники, а именно официальные документы касательно трехстороннего взаимодействия, позволяющие проследить корреляцию роста таких соглашений и эскалации ядерной программы КНДР, а также проанализировать эволюцию сотрудничества трех стран и механизмы принятия решений. В частности, в работе были использованы ежегодный доклад Министерства обороны Японии – Белая книга по обороне, размещенный на официальном сайте Министерства обороны Японии¹⁰, и обновленная стратегия национальной безопасности Японии, разработанная и принятая Советом национальной безопасности в 2022 г., которая была опубликована на официальном сайте японского МИДа¹¹. Также была изучена Индо-Тихоокеанская стратегия США, разработанная администрацией президента Дж. Байдена в 2022 г. и опубликованная на официальном сайте Белого дома¹². Кроме того, было рассмотрено совместное заявление американского президента Дж. Байдена, японского премьер-министра Ф. Кисида, южнокорейского президента Юн Сок Еля «Дух Кэмп-Дэвида», принятое по итогам встречи лидеров в Кэмп-Дэвиде 18 августа 2023 г. и размещенное на официальном сайте Белого дома.

Тенденции последних лет свидетельствуют о том, что Пхеньян планомерно движется по пути форсирования своего

¹⁰ Defense of Japan 2024 (Annual White Paper) [Электронный ресурс] // Ministry of Defense of Japan. 2024 URL: https://www.mod.go.jp/j/press/wp/wp2024/pdf/DOJ2024_Digest_EN.pdf (дата обращения: 23.05.2025)

¹¹ National Security Strategy of Japan [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2022. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 21.05.2025)

¹² Indo-Pacific Strategy of the US [Электронный ресурс] // The White House. 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 04.05.2025)

ракетно-ядерного арсенала. Согласно оценкам SIPRI¹³, по состоянию на январь 2024 г. Северная Корея располагает запасом расщепляющегося материала для потенциального производства 90 ядерных боеголовок, а ее оперативный арсенал ядерного оружия колеблется в диапазоне от 20 до 60 единиц¹⁴.

Модернизация ракетно-ядерной программы КНДР и участвовавшие ракетные запуски привлекают внимание мирового сообщества и являются поводом серьезного беспокойства для стран-соседей. Особую озабоченность существованием так называемой северокорейской угрозы у своих границ проявляют Япония и Республика Корея.

Токио позиционирует северокорейскую ракетно-ядерную программу как прямую угрозу своей национальной безопасности. Идеи о «все более возрастающей угрозе со стороны Пхеньяна» не только транслируются в заявлениях политических кругов, но и содержатся в основных документах по вопросам безопасности. Так, в Стратегии национальной безопасности Японии ракетно-ядерной потенциал КНДР представлен как «одна из ключевых угроз в регионе»¹⁵, а в Белой книге по вопросам обороны за 2024 г. отмечается, что «военные действия Северной Кореи представляют еще более серьезную и неизбежную угрозу безопасности Японии, чем когда-либо прежде»¹⁶. Схожую позицию занимает и РК: в 2017 г. на территории страны была размещена американская система ПРО THAAD для противодействия возможным ракетным атакам со стороны Пхеньяна, а идея о необходимости «полной денуклеаризации КНДР» неизменно присутствует в риторике южнокорейского руководства.

¹³ Stockholm International Peace Research Institute – Стокгольмский международный институт исследований проблем мира (прим. авт.)

¹⁴ SIPRI Yearbook 2024 [Электронный ресурс] // SIPRI. URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2024> (дата обращения: 17.05.2025)

¹⁵ National Security Strategy of Japan [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2022. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzanhou-shou/nss-e.pdf> (дата обращения: 21.05.2025)

¹⁶ Defense of Japan 2024 (Annual White Paper) [Электронный ресурс] // Ministry of Defense of Japan. 2024. URL: https://www.mod.go.jp/jp/press/wp/wp2024/pdf/DOJ2024_Digest_EN.pdf (дата обращения: 23.05.2025)

Одинаковое восприятие так называемой северокорейской угрозы в Японии и РК уже давно предрасполагало к сотрудничеству двух стран в области безопасности, особенно в вопросах, касающихся противоракетной обороны¹⁷. В 2016 г. стороны подписали соглашение об обмене секретными данными GSOMIA¹⁸, позволяющее двум странам обмениваться разведывательными данными о ракетных запусках КНДР. В то же время в течение многих лет японо-южнокорейские отношения характеризовались высокой степенью напряженности, истоки которой коренятся в колониальном прошлом Японии на Корейском полуострове. Несмотря на то, что руководители стран предпринимали попытки преодолеть противоречия и установить диалог, отношения Сеула и Токио сталкивались с «комплексным кризисом», в ходе которого исторические разногласия распространялись на сферу экономики и безопасности¹⁹.

Вопрос нормализации отношений между Токио и Сеулом имеет принципиальную важность для США, поскольку напряемую связан с их стратегическими интересами. Планы по расширению трехстороннего сотрудничества зафиксированы в Индо-Тихоокеанской стратегии США: в документе отмечается, что практически каждая крупная проблема в Индо-Тихоокеанском регионе требует тесного взаимодействия между США и их союзниками, особенно Японией и РК²⁰. В связи с этим Вашингтон прикладывал активные усилия по примирению своих главных азиатских союзников и призывал к проведению консультаций по вопросам безопасности, рассчитывая, что фактор общих

¹⁷ Кистанов В.О. Отношения между Японией и Южной Кореей: проблемы, тенденции, перспективы // Японские исследования. 2019. № 3. С. 33–48.

¹⁸ General Security of Military Information Agreement – Соглашение об обмене военной информацией между Японией и Республикой Корея (прим. авт.)

¹⁹ Nicholas Szechenyi, Jada Fraser, Hannah Fodale. The Case for U.S.-Japan-ROK Cooperation on Democracy Support in the Indo-Pacific Region [Электронный ресурс] // Center for Strategic and International Studies. 2021. Pp. 1–5. URL: <https://www.csis.org/analysis/case-us-japan-rok-cooperation-democracy-support-indo-pacific-region> (дата обращения: 01.06.2025)

²⁰ Indo-Pacific Strategy of the US [Электронный ресурс] // The White House. 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 04.05.2025)

угроз подтолкнет Японию и РК оставить в стороне взаимные претензии. Однако преодоление проблем исторического прошлого оказалось для Токио и Сеула трудной задачей: и японское, и южнокорейское правительства считали, что ответственность за улучшение отношений лежит на другой стороне, что серьезно препятствовало процессу сближения.

Положительные сдвиги на японо-южнокорейском треке обозначились с приходом к власти в РК нового президента Юн Сок Еля в мае 2022 г. Внешнеполитический курс Юн Сок Еля принципиально отличался от политики его предшественника, в том числе по вопросам, касающимся отношений с КНДР. В то время как президент РК Мун Чжэ Ин продвигал подход по выстраиванию открытого диалога с Пхеньяном, новый лидер занял достаточно жесткую позицию, основанную на «сдерживании» так называемой северокорейской угрозы. В своих заявлениях Юн Сок Ель не раз говорил о «растущей ядерной угрозе со стороны Пхеньяна», а в Стратегии национальной безопасности РК ракетно-ядерный потенциал Пхеньяна получил определение «наиболее насущной проблемы национальной безопасности»²¹. Изменение позиции по отношению к Пхеньяну со стороны нового южнокорейского руководства дало толчок к развитию трехстороннего сотрудничества: в качестве ориентира внешней политики администрация Еля обозначила укрепление альянса с США и налаживание связей с Токио.

Саммит в Кэмп-Дэвиде, состоявшийся в августе 2023 г. с участием лидеров Японии, США и РК, стал платформой для развития трехстороннего сотрудничества. Лидеры охарактеризовали модернизацию северокорейской ядерной программы и участвовавшие ракетные запуски (в том числе МБР) как «серьезную угрозу миру и безопасности на Корейском полуострове и за его

²¹ The Yoon Suk Yeol Administration's National Security Strategy [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs (ROK). 2023. URL: https://overseas.mofa.go.kr/eng/brd/m_25772/view.do?seq=16&page=1 (дата обращения: 05.06.2025)

пределами»²². Для противодействия так называемой северокорейской угрозе предусматривался широкий комплекс мер, в числе которых: создание трехсторонней рабочей группы для «борьбы с кибердеятельностью со стороны Северной Кореи»²³, запуск механизма обмена данными о возможном ракетном нападении Пхеньяна в режиме реального времени, проведение трехсторонних консультаций при участии представителей военных, внешнеполитических и экономических ведомств и ежегодных трехсторонних учений в различных областях на регулярной основе, а также расширение сотрудничества в сфере ПРО. Встреча в Кэмп-Дэвиде стала показателем глубокой трансформации «треугольника» Токио-Вашингтон-Сеул и стремления союзников к его максимальной институционализации²⁴.

В течение 2023–2024 гг. стороны приступили к последовательной реализации инициатив Кэмп-Дэвида. С конца августа 2023 г. Токио, Вашингтон и Сеул увеличили интенсивность совместных военных учений по противоракетной и противолодочной обороне в районе Корейского полуострова, ссылаясь на растущую угрозу со стороны Пхеньяна и участвовавшие ракетные испытания. Был запущен и механизм регулярных консультаций с участием глав внешнеполитических и оборонных ведомств США, Японии, Южной Кореи.

Ключевым событием в деятельности «треугольника» стала ежегодная конференция по безопасности «Диалог Шангри-Ла», проходившая 31 мая – 2 июня 2024 г. в Сингапуре. Союзники высоко оценили реализацию кэмп-дэвидских инициатив, назвав укрепление трехстороннего сотрудничества «необходимым для поддержания регионального мира и стабильности в условиях все

²² The Spirit of Camp David: Joint Statement of Japan, the Republic of Korea, and the United States [Электронный ресурс] // The White House. 18.08.2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/the-spirit-of-camp-david-joint-statement-of-japan-the-republic-of-korea-and-the-united-states/> (дата обращения: 14.06.2025)

²³ Ibid.

²⁴ Воронцов А.В. Реинкарнация треугольника США – Япония – Южная Корея [Электронный ресурс] // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2023. С. 1–4. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/reinkarnatsiya-treugolnika/?ysclid=m4pl0l9wgk616513197> (дата обращения: 06.06.2025).

более сложной обстановки в области безопасности, особенно в районе Корейского полуострова»²⁵, а также обозначили дальнейшие шаги по наращиванию взаимодействия в рамках треугольника. В ходе форума главы оборонных ведомств Японии, США и РК инициировали проведение серии совместных многоступенчатых учений Freedom Edge, запланированных на лето 2024 г. Само название «Freedom Edge» стало комбинацией названий существующих двусторонних учений Вашингтона и союзников: ежегодные Freedom Shield, которые США и РК проводят, имитируя сценарий полномасштабной войны с Пхеньяном, а также японо-американские учения Keen Edge, направленные на улучшение реагирования на региональные угрозы. Планируемые учения были объявлены первыми в своем роде: если ранее трехсторонние маневры носили эпизодический характер и были нацелены на отработку задач в определенной области, то Freedom Edge должны проводиться регулярно и затрагивать множество сфер (включая космическую и кибернетическую) одновременно.

Уже 27 июня 2024 г. Вашингтон, Токио и Сеул приступили к проведению первого раунда Freedom Edge в международных водах к югу от южнокорейского о. Чеджу. В трехдневных учениях приняли участие американский авианосец, а также эсминцы, истребители и вертолеты из трех стран; стороны отработали навыки противоракетной, противовоздушной и противолодочной обороны, действия по перехвату противника на море и проведение поисково-спасательных работ. Впервые в рамках учений были проведены совместные кибертренировки.

Реакция северокорейского руководства на активизацию регулярных трехсторонних была ожидаемой. Пхеньян подвергает резкой критике любые совместные маневры США, Японии и Южной Кореи, рассматривая в них репетицию возможного вторжения на территорию КНДР. Во время проведения второго

²⁵ United States-Japan-Republic of Korea Trilateral Ministerial Meeting (TMM) Joint Press Statement [Электронный ресурс] // Ministry of Defense of Japan. 2024. URL: <https://www.mod.go.jp/en/article/2024/06/37c80018f5ac27f318b28102a4bc23521a3d3294.html> (дата обращения: 07.06.2025)

раунда учений в ноябре 2024 г. Пхеньян потребовал от США и союзников прекратить «враждебные действия, которые могут привести к перерастанию военной конфронтации на Корейском полуострове в реальный вооруженный конфликт» и заявил, что при необходимости использует «все доступные варианты для превентивного контроля риска»²⁶. Всего за несколько недель до этого КНДР провела испытание новой МБР Hwasong-19, дальность полета которой, по данным ЦТАК²⁷, составила 1001,2 км, а максимальная высота – 7687,5 км.

В 2025 г. произошла смена администраций в РК и США, что, однако, не помешало странам продолжать курс наращивания военного сотрудничества в АТР под предлогом роста угроз со стороны Северной Кореи. В ответ на это Пхеньян увеличил частоту ракетных запусков, в числе которых была проведена серия испытаний баллистических ракет малой дальности, имитировавших тактические ядерные контрудары по силам США и их союзников.

Поскольку идея о смене режима в Северной Корее когда-то получила широкую поддержку среди американских, японских и южнокорейских лидеров, КНДР видит в непрерывном совершенствовании ракетно-ядерной программы ключ к обеспечению своей безопасности и сохранению статуса суверенного государства. Политика «максимального давления» союзников и предъявление Северной Корее, считающей себя полноценной ядерной державой, утопических требований о ее полной денуклеаризации укрепляют опасения Пхеньяна по поводу возможного посягательства на его суверенитет со стороны Вашингтона при поддержке азиатских союзников. С оформлением «треугольника» политика союзников в отношении КНДР приняла более агрессивные черты, что стало особенно заметным с проведением регулярных трехсторонних учений, в которых Пхеньян видит открытую угрозу своей национальной безопасности. Это

²⁶ North Korea condemns US military drills with South Korea and Japan [Электронный ресурс] // Reuters. November 23, 2024. URL: <https://www.reuters.com/world/north-korea-condemns-us-military-drills-with-south-korea-japan-2024-11-23/> (дата обращения: 05.06.2025)

²⁷ Центральное телеграфное агентство Кореи (прим. авт.).

побуждает северокорейское руководство предпринимать ответные меры привычным для себя способом – наращивая ракетно-ядерный потенциал страны и усиливая ракетные испытания, в том числе новых типов вооружений. Подобные действия серьезно дестабилизируют обстановку безопасности в АТР, провоцируя гонку вооружений и увеличивая риски возникновения вооруженного конфликта.

Библиография

Воронцов А.В. Реинкарнация треугольника США – Япония – Южная Корея [Электронный ресурс] // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2023. С. 1–4. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/reinkarnatsiyatreugolnika/?ysclid=m4pl0l9wgk616513197> (дата обращения: 06.06.2025)

Денисов В.И. Северная Корея: вчера и сегодня М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2020. 320 с.

Забровская Л.В. Россия и Корейский полуостров в XXI веке Владивосток: Дальнаука, 2019. 198 с.

Иванов О.П. США и Восточная Азия: вызовы безопасности. М.: Аспект Пресс, 2018. 256 с.

Кистанов В.О. Отношения между Японией и Южной Кореей: проблемы, тенденции, перспективы // Японские исследования. 2019. № 3. С. 33–48.

Ларин В.Л. Восточная Азия: от конфронтации к сотрудничеству? М.: Весь Мир, 2022. 352 с.

Толорая Г.Д. Корейский полуостров: вызовы и возможности для России. М.: Международные отношения, 2017. 280 с.

Defense of Japan 2024 (Annual White Paper) [Электронный ресурс] // Ministry of Defense of Japan. 2024 URL: https://www.mod.go.jp/j/press/wp/wp2024/pdf/DOJ2024_Digest_EN.pdf (дата обращения: 23.05.2025)

Indo-Pacific Strategy of the US [Электронный ресурс] // The White House. 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 04.05.2025)

Manyin M.E. U.S.-South Korea Relations. [Электронный ресурс] // Washington, DC : Congressional Research Service (CRS),

2023. – (CRS Report № R41481). URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R41481> (дата обращения: 12.07.2025).

National Security Strategy of Japan [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2022. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 21.05.2025)

Oberdorfer, D., Carlin, R. The Two Koreas: A Contemporary History / Don Oberdorfer, Robert Carlin. 3rd ed., rev. and updated. New York: Basic Books, 2014. 512 p.

Sigal L.V. Disarming Strangers: Nuclear Diplomacy with North Korea. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998. 336 p.

SIPRI Yearbook 2024 [Электронный ресурс] // SIPRI. URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2024> (дата обращения: 17.05.2025)

Snyder S. The U.S.-South Korea Alliance: Why It May Fail and Why It Must Not. New York: Columbia University Press, 2018. 280 p.

Szechenyi N., Fraser J., Fodale H. The Case for U.S.-Japan-ROK Cooperation on Democracy Support in the Indo-Pacific Region [Электронный ресурс] // Center for Strategic and International Studies. 2021. Pp 1–5. URL: <https://www.csis.org/analysis/case-us-japan-rok-cooperation-democracy-support-indo-pacific-region> (дата обращения: 01.06.2025)

Tamaki T. It takes two to Tango: the difficult Japan–South Korea relations as clash of realities // Japanese Journal of Political Science. 2020. № 21. Pp. 1–18.

The Spirit of Camp David: Joint Statement of Japan, the Republic of Korea, and the United States [Электронный ресурс] // The White House. 18.08.2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/the-spirit-of-camp-david-joint-statement-of-japan-the-republic-of-korea-and-the-united-states/> (дата обращения: 14.06.2025)

The Yoon Suk Yeol Administration's National Security Strategy [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs (ROK). 2023. URL: https://overseas.mofa.go.kr/eng/brd/m_25772/view.do?seq=16&page=1 (дата обращения: 05.06.2025)

United States-Japan-Republic of Korea Trilateral Ministerial Meeting (TMM) Joint Press Statement [Электронный ресурс] // Ministry of Defense of Japan. 2024. URL:<https://www.mod.go.jp/en/article/2024/06/37c80018f5ac27f318b28102a4bc23521a3d3294.html> (дата обращения: 07.06.2025)

ИСТОРИЯ РОССИИ

Д.К. Попов

*Лаборатория гуманитарных исследований Новосибирского
государственного университета*

Русские дипломатические миссии к тюркоязычным кочевникам севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в.: общая характеристика посольских практик

В статье на основе анализа делопроизводственной документации нормативно-распорядительного и отчетного видов дается общая характеристика дипломатических практик России в отношении с тюркоязычными кочевыми народами в XVII – начале XVIII в.: социальные параметры дипломатических миссий, форматы переговорного процесса (непосредственно с контрагентом или в виде «конференции»), основные полномочия русских дипломатов (проведение переговоров, передача подарков, заключение «договоров», приведение к шерти, сбор ясака). Во взаимоотношениях с тюрками служилые люди, уполномоченные на переговоры, упоминались без каких-то лексем, указывающих на дипломатический статус. Россия в символической форме, упрощая посольские атрибуты, демонстрировала незначительное место кочевых правителей тюркских народов во властной иерархии контрагентов.

Ключевые слова: дипломатические миссии, посольские практики, тюркоязычные кочевники, киргизы, телеуты, Российское государство, Центральная Азия.

Финансовая поддержка: статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009 «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири – от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников)».

В начале XVII в. Российское государство установило дипломатические контакты с кочевым населением севера Центральной Азии, среди которого были монголоязычные ойраты, хотогойты, халхасцы, а также тюркоязычные енисейские киргизы (алтырцы, алтысарцы, езерцы, тубинцы), алтайские телеуты, орчаки (тувинцы). Российская власть дипломатическими методами в течение всего XVII в. стремилась подчинить кочевников, требуя от них принесение шерти (присяги) на условиях подданства великому государю. Для достижения политических целей с русской стороны в ставки кочевников направлялись дипломатические

миссии. Они осуществляли переговорный процесс, выполняя вверенные правительственные поручения, репрезентировали власть русского царя. Анализ посольских практик позволит выявить, во-первых, основные параметры самопрезентации российской власти в коммуникации с тюркоязычными народами, во-вторых, их место в политической иерархии контрагентов российского монарха. Полученные результаты, в свою очередь, необходимы для понимания методов и практик взаимодействия Российского государства с иноэтничными народами в процессе их инкорпорации в единое политическое пространство в ходе империостроительства.

В научной литературе имеется значительное количество публикаций, посвященных истории взаимодействия Российского государства с тюркоязычными кочевниками, в которых проанализированы основные этапы, политические вопросы, тенденции развития российско-кочевнических отношений¹. Однако вне исследовательского ракурса остались дипломатические практики Российского государства, их спецификация и смысловое наполнение во взаимоотношениях с кочевым миром севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в., в частности с тюркскими народами.

¹ См. основные исследования: *Бахрушин С.В.* Енисейские киргизы в XVII в. // *Бахрушин С.В. Научные труды.* Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 176–224; *Копкоев К.Г.* Добровольное присоединение Хакасии // 250 лет вместе с великим русским народом / отв. ред. С.П. Ултургашев. Абакан, 1959. С. 19–37; *он же.* Хакаско-русские посольские связи в XVII – начале XVIII веков // *Енисей: литературно-художественный и краеведческий журнал красноярских писателей.* Красноярск: Красноярская писательская организация. 1969. № 2. С. 90–95; *Арзыматов А.А.* Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII – первой половине XVIII века. Фрунзе, 1966. 92 с.; *Абдыкалыков А.* Енисейские киргизы в XVII веке (исторический очерк). Фрунзе, 1968. 140 с.; *Уманский А.П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1980. 296 с.; *Модоров Н.С.* Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск, 1996. 396 с.; *Боронин О.В.* Двоеданничество в Сибири XVII–60-е гг. XIX в. Барнаул, 2002. 217 с.; *Дацышен В.Г.* Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. М., 2014. 308 с.; *Бутанаев В.Я.* История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007. 295 с.; *Чертыков В.К.* Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. Абакан, 2007. 334 с.

Первые сведения о киргизах и телеутах были получены сибирскими воеводами в начале 1600-х годов². На начальном этапе развития взаимодействия были заложены различия в политических практиках. Киргизы уже в 1604 г. платили ясак в русскую казну, что создало прецедент трибутарных отношений, к чему апеллировала российская власть в дальнейшем, пытаясь с переменным успехом возобновить дачу ясака³. Телеуты, несмотря на требования властей, отказывались давать ясак и, как показано в историографии, не платили его⁴. Киргизы время от времени присылали в сибирские города аманатов (заложников)⁵, телеуты – нет⁶. Дипломаты от киргизских князцов, которые приезжали в сибирские города с различными поручениями, в источниках длительное время фигурировали как «челобитчики», что указывало на подчиненное, близкое к подданныческому, положение киргизских правителей⁷. К представителям от телеутов и орчаков в документации применялись лексемы, указывающие на их причастность к посольским отношениям, такие как послы / посланники / посланцы⁸.

Следует отметить несколько аспектов, указывающих на отличия в политических практиках и технологиях, используемых в отношениях с кочевым миром севера Центральной Азии – тюрко- и монголоязычными народами. К тюркам никогда не направлялись жалованные грамоты, которые выдавались кочевым

² Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999. С. 403.

³ Там же. С. 404.

⁴ Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 14.

⁵ Бутанаев В.Я. История вхождения... С. 52–53, 59, 64–65, 69, 77, 79, 91.

⁶ Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 15–17.

⁷ Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. Абакан, 1995. С. 44, 50, 51, 66, 67, 68, 71, 72, 73, 79, 114, 175, 177, 178, 179, 202.

⁸ См., например: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 126. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 2, 3; 1658 г. Д. 1. Л. 1, 2, 8, 12; Русско-монгольские отношения (далее – РМО). 1654–1685. Сб. документов / Сост. Г. И. Слесарчук. М., 1996. С. 180–181; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М., 2000. С. 373.

правителям в русско-монгольских отношениях⁹. Кроме того, в делопроизводственной документации применительно к ним использовалась русифицированная титулатура в уменьшительно-ласкательной форме «князец» (реже – «князек»), в то время как в отношениях с монголами к главам военно-политических формирований применяли собственно монгольские титулы (хан, контайша (хунтайджи), тайша, зайсан).

Центральными органами власти, которые контролировали и задавали основные нормативы взаимодействия с населением, кочевавшим вблизи южносибирских рубежей, были Казанский (до 1637 г.), Сибирский и Посольский приказы. Основная документация, относящаяся к русско-монгольским отношениям, в большинстве своем сосредоточена в фондах Посольского приказа (ф. 113 Зюнгорские (контайшинские) дела, ф. 119 Калмыцкие дела, ф. 126 Монгольские дела)¹⁰, тогда как материалы по взаимодействию с тюркскими народами отложились в фондах Сибирского приказа (ф. 214 Сибирский приказ), осуществлявшем управление Сибирью¹¹. Правда, незначительное количество материалов по отношениям с телеутами находятся и в фондах Посольского приказа¹². Посольский приказ, как известно, контролировал внешнеполитическую деятельность России, в то время как Сибирский (а до 1637 г. – Казанский) контролировал русско-аборигенные отношения в Сибири. Надзор за коммуникацией с тюркоязычными номадами со стороны Сибирского

⁹ РМО. 1607–1636. Сб. документов / Сост.: Л.М. Гатауллина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. М., 1959. С. 75, 99, 196–199, 295–298; РМО. 1636–1654. Сб. документов / Сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. М., 1974. С. 97–102, 269–270; РМО. 1654–1685. С. 88–89, 362–363, 372–373.

¹⁰ Достаточно ознакомиться с документами, опубликованными в тематических сборниках «Русско-монгольские отношения» (М., 1959; М., 1974; М., 1996; М., 2000). Однако обратим внимание на то, что материалы, относящиеся к коммуникации с монголами, хранятся и среди документов Сибирского приказа.

¹¹ См.: *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 1: Документы воеводского управления. М., 1895. С. 214–215; *Он же.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 3: Документы по сношениям местного управления с центральным. М., 1900. С. 38–39, 43.

¹² РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1657 г. Д. 1; 1658 г. Д. 1, 2.

приказа свидетельствует о восприятии их скорее «своими», чем «чужими».

Поездки служилых людей к тюркоязычным кочевникам вполне можно считать дипломатическими миссиями, несмотря на цели и конечные результаты. Во-первых, представители русских властей, дипломаты, проводили реальные переговоры, используя вербально-символические концепты, транслировавшие нормативы политической культуры Российского государства¹³. Во-вторых, при взаимодействии русской и кочевнической сторон использовались, пусть и не всегда, но в максимально упрощенном формате, основные правила и традиции «посольского обычая» XVI–XVII вв.¹⁴

Дипломатические контакты с киргизами и телеутами были установлены в 1605–1609 гг. Отношения с ними развивались с переменным успехом (от конфронтации к мирному сосуществованию) на протяжении всего XVII в. В начале XVIII в. киргизские и телеутские этнополитические образования были окончательно подчинены джунгарскому хунтайджи. Это привело к прекращению контактов с ними. Обратим внимание на то, что помимо названных народов российская власть эпизодически при помощи дипломатических методов взаимодействовала с тюркоязычными орчаками (тувинцами) и телесами¹⁵.

Руководителями посольств в основном назначались представители служилого населения, приписанные к сибирским гарнизонам – служилые люди по отчеству (дети боярские) и по

¹³ См. подробнее: Зувев А.С., Попов Д.К. Попытки подчинения Русским государством центрально-азиатских кочевников в XVII в.: аргументы русской дипломатии // Российская история. 2021. № 6. С. 79–89.

¹⁴ См., например: Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай... С. 33–52, 73–80.

¹⁵ См., например: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4. СПб., 1842. С. 58–59; Русско-монгольские отношения (далее – РМО). 1636–1654. Сб. документов. М., 1974. С. 24, 285–286; РМО. 1654–1685. Сб. документов. М., 1996. С. 180–181; Добжанский В.Н. Кузнецкий воевода Григорий Константинович Засецкий (по документам Сибирского приказа) // Из кузнецкой старины. Новокузнецк, 2017. Вып. 7. С. 127–128.

прибору («начальные люди», а также рядовые казаки)¹⁶. Имелись случаи отправки с поручениями и представителей иноэтничного населения – зачисленного и не зачисленного на государственную службу¹⁷. В состав посольств также включались лица из числа местного служилого и аборигенного населения Сибири. Они выполняли функционал помощников, толмачей (переводчиков), провожатых и вспомогательного персонала. В целом по социальным параметрам и характеристикам русские дипломатические миссии к тюркоязычным кочевникам ничем не отличались от тех, которые направлялись к монголоязычным ойратам, хотогойтам и халхасцам в XVII в.¹⁸

Со стороны кочевников возражений касательно социального (чиновного) статуса посланников не возникало. Исключением служит лишь отказ проводить переговоры с толмачом А. Кожевниковым, который выразил в 1700 г. джунгарский наместник Кичик, назначенный для управления в Киргизскую землю. Чиновник мотивировал свои действия следующим образом: «а статей у меня (А. Кожевникова. – Д.П.) не слушал, и отказал мне, что де ты ничего не знаешь, что де у тебя написано», требуя прислать к нему из Томска «знатного человека с подлинным указом»¹⁹.

При взаимодействии с властной элитой тюркоязычных кочевников российская власть стремилась проводить переговоры непосредственно с князьями – главами этносоциумов. При этом русские дипломатические миссии могли направляться не только к «вождям», непосредственно возглавлявшим улусы, но сразу и к их родственникам. В русско-киргизских отношениях посольства могли ездить либо к конкретному князю (езерскому, алтысарскому, алтырскому, тубинскому), либо ко всем князьям

¹⁶ См. подробнее: Зуев А.С., Попов Д.К. Чиновный статус русских дипломатов в посольских отношениях Русского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII в. // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15(4). С. 649–662.

¹⁷ См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ед. хр. 715–716. Л. 129; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 415; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. М., 2000. С. 373; РМО. 1607–1636. С. 112; РМО. 1654–1685. С. 237.

¹⁸ См. подробнее: Зуев А.С., Попов Д.К. Чиновный статус... С. 649–662.

¹⁹ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1: 1700–1713. СПб., 1882. С. 72.

одновременно. В последнем случае енисейские киргизы объявляли о съезде кочевой элиты в назначенном месте. На хурах присутствовали не только представители знатных кочевых родов (князцы и «лучшие» люди), но и рядовые улусные люди, а также представители от кыштымов и союзных киргизам кочевников²⁰. В таком формате проводили переговоры сын боярский П. Сабанский в 1625 г., атаман Д. Черкасов в 1628 г., десятник Р. Торгашин в 1701 г.²¹ Обсуждаемыми вопросами на съездах-«конференциях» были подданство великому государю, принесение «вин», параметры и формат дальнейших взаимоотношений между сторонами. Начиная с конца 1660-х годов в Киргизской земле находились джунгарские наместники – зайсаны²². В конце XVII – начале XVIII в. они принимали активное участие в ходе переговоров российской власти с киргизами²³. В тех случаях, когда в улусах кочевников находились «государевы изменники», сбежавшие со своих ясачных волостей, служилые люди, направленные с дипломатическими поручениями, были уполномочены проводить переговоры и с ними (посольство П. Сабанского, 1625 г.)²⁴.

Русские дипломаты, направляемые сибирскими воеводами в Киргизскую и Телеутскую земли, были наделены правом проводить переговоры по вопросам, стоявшим на повестке дня и послужившим поводом для отправки посольства. Кроме того, они были уполномочены передавать подарки – «государево жалование». В зависимости от конкретной ситуации и хода развития

²⁰ О киргизских съездах см.: Абдыкалыков А. Енисейские киргизы... С. 31–32; Бутанаев В.Я. История вхождения... С. 38–39; Чертыков В.К. Хакасия в XVII – начале XVIII века... С. 4, 70–71.

²¹ Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. Абакан, 1995. С. 50, 72; Памятники Сибирской истории... С. 174–186.

²² Бутанаев В.Я. История вхождения... С. 56; Чертыков В.К. Хакасия в XVII – начале XVIII века... С. 73.

²³ См., например: РМО. 1654–1685. С. 237; Бутанаев В.Я. История вхождения... С. 81–82.

²⁴ Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории... С. 43–44.

российско-кочевнических отношений посланники были правомочны заключать или обсуждать «договоры»²⁵, приводить к шерти (присяге)²⁶, а также собирать ясак²⁷. При этом русские дипломаты могли передавать от воевод необходимые документы, когда этого требовали обстоятельства. Например, сын боярский П. Сабанский в 1625 г. должен был передать находившемуся в улусах киргизов «государеву изменнику» князю Курчейке опасную грамоту, обеспечившую свободный проезд в свои «земли»²⁸.

Русские дипломаты, которые были уполномочены проводить переговоры с енисейскими киргизами, алтайскими телеутами и прочими тюркскими народами, в источниках практически не упоминаются с какими-либо лексемами, которые прямо или косвенно позволили бы установить их дипломатический ранг. Лексика, употребляемая в дипломатическом дискурсе XVII в. для номинации посольского статуса, во взаимоотношениях с тюрками встречается лишь эпизодически. Так, «послом» номинируется сын боярский О. Протопопов (посольство к телеутам в 1684 г.)²⁹. Неизвестно, почему он назван «послом», так как на него не было возложено важных дипломатических поручений. Косвенно «посланником» назван пятидесятник П. Афанасьев, ездивший в 1630 г. на переговоры к телеутскому князю Абаку по вопросу возвращения чацкого мурзы Тарлава в свои кочевья³⁰.

«В посольстве» ездил сын боярский П. Сабанский в 1625 г. к енисейским киргизам³¹. Предложно-падежная форма «в посольстве» в дипломатическом дискурсе XVII в. означала «в качестве

²⁵ См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 702. Л. 35–36; *Миллер Г.Ф. История Сибири*. Т. 2. С. 435; *Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории...* С. 139–140, 166; *Памятники Сибирской истории...* С. 183.

²⁶ См., например: *Миллер Г.Ф. История Сибири*. Т. 1. С. 415; *Миллер Г.Ф. История Сибири*. Т. 2. С. 373, 429, 471; *Миллер Г.Ф. История Сибири*. Т. 3. М., 2005. С. 241; *Уманский А.П. Телеуты и русские...* С. 42, 57, 58.

²⁷ См., например: *Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории...* С. 70–71, 74.

²⁸ *Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории...* С. 44.

²⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ед. хр. 715–716. Л. 272.

³⁰ *Миллер Г.Ф. История Сибири*. Т. 2. С. 429.

³¹ *Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории...* С. 45, 46, 49.

посла, послов, в составе посольства»³². В контексте русско-киргизских отношений это свидетельствует, что сын боярский П. Сабанский ездил в должности дипломата, являясь главой миссии. Во всех случаях, приведенных выше, лексемы «посол / посланник» означали не высший / средний ранг служилого человека, а его должностное назначение, указывающее на то, что служилый человек отправлен в качестве дипломата.

При этом во взаимоотношениях Российского государства с монголоязычными ойратами, хотогойтами и халхасцами дипломаты нередко номинировались в источниках «государевыми послами / посланниками»³³. Но здесь лексемы «посол / посланник» носили скорее формальный характер, не подчеркивая различия между рангами.

Скудность посольской терминологии, обозначавшей дипломатический ранг, в документации, относящейся к коммуникации с тюркоязычными номадами, позволяет утверждать, что российская власть максимально упрощала различную атрибутику, подчеркивая и для себя, и для кочевников их низкое место в политической иерархии. Отсутствие специальных рангов не было препятствием для ведения переговорного процесса.

Русские посольские миссии, которые ездили к киргизам, телеутам и прочим кочевым народам, вполне вписывались в парадигму дипломатических отношений с государствами и политическими формированиями, правители которых занимали невысокое место во властной иерархии монархов, принятой в «посольском обычае» России рассматриваемого периода. При этом коммуникация российской власти с тюркоязычными кочевниками по своему формату похожа на взаимодействие с

³² Сергеев Ф. П. Формирование русского дипломатического языка. Львов, 1978. С. 47–48.

³³ Зувев А.С., Попов Д.К. Церемониал приема русских посланников в ставках монголоязычных кочевников Центральной Азии в XVII в. // «Феномен верховной власти и процесс формирования имперского государства неисчерпаемы для исследования». Сб. памяти В.В. Трепавлова / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2024. С. 405. См. также: Попов Д.К. Идентификация глав русских посольств на переговорах с кочевниками севера Центральной Азии в XVII в. // Мир Центральной Азии – V: сб. науч. статей / науч. ред. А.П. Деревянко, Б.В. Базаров. Новосибирск, 2022. С. 691–693.

сибирскими народами, подразумевавшее использование мирных (дипломатических) методов, выраженных в формуле «ласкою, а не жесточью»³⁴. Этот вывод можно сделать путем сравнительного анализа дипломатической документации о взаимодействии с монгольскими и тюркскими народами³⁵. Если в первом случае материалы посольских отношений, несмотря на упрощенные практики и ритуалы, все же уделяют большее внимание символическим, ритуальным, вербальным аспектам взаимодействия³⁶, то источники по коммуникации с тюркоязычными народами, наоборот, максимально кратки и больше сосредоточены на политических аспектах.

Можно констатировать, что российская власть в отношениях с кочевым населением севера Центральной Азии производила ранжирование контрагентов. Формат коммуникации с тюркскими народами приближался к тому, что использовался в русско-аборигенных отношениях в Сибири. В символической форме российский монарх демонстрировал свое отношение к кочевым правителям, уделяя им незначительное место во властной иерархии, которое, по всей видимости, было ниже монголоязычных кочевых «вождей».

Библиография

Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в XVII веке (исторический очерк). Фрунзе: Илим, 1968. 140 с.

Арзыматов А.А. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII – первой половине XVIII века. [Фрунзе]: Кыргызстан, 1966. 92 с.

³⁴ См., например: Сборник документов по истории Бурятии. Вып. 1: XVII век. Улан-Удэ, 1960. С. 10, 12–13, 17–18, 19, 96, 270–271.

³⁵ Ср. документы, которые относятся к коммуникации России с монгольскими народами: РМО. 1607–1636. С. 168–171, 203–214, 215–227; РМО. 1636–1654. С. 31–50, 50–64, 103–133, 134–148, 203–210, 272–276; РМО. 1654–1685. С. 54–66, 71–74, 89–90, 93–95, 105–109, 115–119, 138–142, 147–157, 183–190, 208–211, 304–318, 333–342, 363–366, 375–380, с документами, относящимися к отношениям с тюркскими народами: Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 144–155, 166–170, 208–211; РМО. 1636–1654. С. 282–287; РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 1; Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 14.

³⁶ См.: Зуев А.С., Попов Д.К. Церемониал приема русских посланников... С. 400–418.

Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 176–224.

Боронин О.В. Двоеданнычество в Сибири XVII–60-е гг. XIX в. Барнаул: Азбука, 2002. 217 с.

Бутанаев В.Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2007. 295 с.

Дацышен В.Г. Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. Москва: Директ-Медиа, 2014. 308 с.

Зуев А.С., Попов Д.К. Попытки подчинения Русским государством центрально-азиатских кочевников в XVII в.: аргументы русской дипломатии // Российская история. 2021. № 6. С. 79–89.

Зуев А.С., Попов Д.К. Церемониал приема русских посланников в ставках монголоязычных кочевников Центральной Азии в XVII в. // «Феномен верховной власти и процесс формирования имперского государства неисчерпаемы для исследования». Сб. памяти В.В. Трепавлова / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Ин-т российской истории РАН, 2024. С. 400–418.

Зуев А.С., Попов Д.К. Чиновный статус русских дипломатов в посольских отношениях Русского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII в. // Oriental Studies. 2022. Т. 15(4). С. 649–662.

Копкоев К.Г. Добровольное присоединение Хакасии // 250 лет вместе с великим русским народом / отв. ред. С.П. Ултургашев. Абакан: Хаккнигоиздат, 1959. С. 19–37.

Копкоев К.Г. Хакасско-русские посольские связи в XVII – начале XVIII веков // Енисей: литературно-художественный и краеведческий журнал красноярских писателей. Красноярск: Красноярская писательская организация. 1969. № 2. С. 90–95.

Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. ун-та, 1996. 396 с.

Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 1: Документы воеводского управления. М.: Унив. тип, 1895. 422 с.

Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 3: Документы по сношениям местного управления с центральным. М.: Унив. тип, 1900. 394 с.

Попов Д.К. Идентификация глав русских посольств на переговорах с кочевниками севера Центральной Азии в XVII в. // Мир Центральной Азии – V: сб. науч. статей / науч. ред. А.П. Деревянко, Б.В. Базаров. Новосибирск: СО РАН, 2022. С. 691–693.

Сергеев Ф.П. Формирование русского дипломатического языка. Львов: Вища шк. Изд-во при Львов. ун-те, 1978. 223 с.

Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 296 с.

Чертыков В.К. Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. Абакан: Хакас. кн. изд., 2007. 334 с.

Ю.Д. Исламова

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

Городская полиция Екатеринбурга в 1796–1807 гг.: между централизацией и местной спецификой

В статье рассматривается функционирование полицейских институтов Екатеринбурга в 1796–1807 гг. в условиях административных реформ Павла I и Александра I. Основу исследования составляют архивные материалы Государственного архива Свердловской области, а также законодательные источники, входящие в Полное собрание законов Российской империи. В статье рассматриваются полномочия Екатеринбургской городской полиции, ее роль в судопроизводстве и двойное подчинение – местным горнозаводским структурам и Министерству внутренних дел. В заключении сделан вывод, что, несмотря на централизацию, екатеринбургские полицейские институты сохраняли тесную связь с региональными и промышленными институтами, что отражало переходный характер этого периода и уникальный статус города как промышленного центра Урала.

Ключевые слова: Средний Урал, Екатеринбург, городская полиция, история Екатеринбурга, Пермская губерния, Павел I, Александр I.

Изучение трансформации полицейских структур Екатеринбурга в конце XVIII – начале XIX вв. представляет значительный научный интерес для современной исторической науки. Исследование эволюции правоохранительных органов дает возможность понять механизмы взаимодействия между центральной властью и региональными административными системами. Важное значение имеет региональный компонент: Екатеринбург как крупный административный и промышленный центр Урала представлял собой уникальный пример взаимодействия городских и горнозаводских институтов власти, а также осуществления Екатеринбургской городской полицией полномочий в этих условиях.

Развитие полицейских структур в Екатеринбурге в 1796–1807 гг. остается еще малоизученным. М.В. Тушемилов в своей

статье¹ проводит анализ полицейского законодательства Российской империи конца XVIII – начала XX вв., рассматривая нормативное регулирование деятельности правоохранительных структур на всех уровнях – от центральных органов до местных учреждений. В монографическом исследовании А.А. Мочаловой² прослеживается эволюция полицейских институтов империи, уделяется особое внимание реформам исполнительной власти и их практической реализации как в столичных, так и в провинциальных структурах. В учебном пособии А.В. Лобанова и Г.Г. Шишкова³ дается систематическая характеристика процесса формирования регулярной полиции, начиная с петровских преобразований и заканчивая 1917 г. Их работа содержит ценные выдержки из законодательных актов, регламентирующих полицейскую деятельность в различные исторические периоды. При этом все эти работы сосредоточены преимущественно на общероссийских аспектах становления полицейской системы России, практически не затрагивая местные особенности, в частности Екатеринбурга.

Значительный вклад в изучение региональной полицейской системы внесен в работах уральских исследователей. А.В. Чашников⁴ исследовал процесс формирования полицейских структур на Урале во второй половине XVIII в., уделив особое внимание их правовым основам, функциональным обязанностям и региональной специфике в условиях екатерининской губернской реформы. Цикл работ С.М. Рязанова значительно расширяет понимание развития полицейских институтов Урала. В одной из

¹ Тушемилов М.В. Организация и деятельность полиции России в XIX – начале XX в. в документах Полного собрания законов Российской империи // Власть. 2010. № 5. С. 135–138.

² Мочалова А.А. Основные направления развития полиции России в первой половине XIX века // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 97–100.

³ Лобанов А.В., Широков Г.Г. История полиции России: учебное пособие. СПб., 2015. 200 с.

⁴ Чашников В.А. Становление полиции на Урале во второй половине XVIII века // Вестник Уральского юридического института МВД России, 2016. № 3. С. 52–55.

своих статей⁵ автор анализирует влияние реформ Александра II на становление полиции в регионе, подробно рассматривая особенности организации правоохранительных органов в крупных уральских городах. Другое исследование С.М. Рязанова посвящено эволюции полицейских структур в конце XIX – начале XX вв., причем особое место занимает анализ штатного расписания и организационной структуры городской полиции Екатеринбурга и других промышленных центров Урала⁶.

Начало истории городской полиции в Екатеринбурге положен в «Уставе благочиния или полицейском», опубликованном 8 апреля 1782 г.⁷ В документах она получила название Екатеринбургской обер-комендантской канцелярии. С момента основания в компетенцию Екатеринбургской управы благочиния входили: надзор за соблюдением законов и порядка в обществе, исполнение судебных решений и распоряжений вышестоящих органов, проведение воспитательных действий в сфере уголовного права, а также рассмотрение мелких уголовных дел, в основном касающихся посадского населения города. Можно заметить, что функциональные возможности полицейских структур оставались существенно ограниченными ввиду конфликта между светской и заводской властями. Данное противостояние потребовало вмешательства на высшем уровне, что привело к изданию в 1798 г. императорского указа «Об оставлении при екатеринбургских заводах одной городской полиции...»⁸. В соответствии с этим законодательным актом в Екатеринбурге оставалась единственная полиция – городская, но ее руководство наряду с комендантом, учрежденным в 1782 г., теперь включало горного чиновника, представлявшего канцелярию Главного заводов правления.

⁵ Рязанов С.М. Становление и развитие полиции в заводских поселениях Урала во второй половине XIX в. // Вестник Тюменского гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2020. Т. 6. № 2 (22). С. 93–113.

⁶ Рязанов С.М. Рост городов и городская полиция на Урале в конце XIX – начале XX века // Технологос. 2022. № 4. С. 41–50.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXI. С. 461.

⁸ Там же. Т. XXV. С. 335.

Вследствие фрагментарной сохранности архивных материалов за 1798–1802 гг. источниковая база исследования полицейских институтов Екатеринбурга после издания указа от 13 августа 1798 г.⁹ ограничена документами конца 1801 – начала 1802 г. Так, анализ «Протоколов заседаний Екатеринбургской городской полиции по разбору гражданских и уголовных дел за 1802 г.»¹⁰ позволяет выявить определенную трансформацию функций полицейских структур. Если на начальном этапе своей деятельности Екатеринбургская управа благочиния занималась преимущественно исполнением судебных решений, то после 1798 г. ее компетенция расширилась, включив в себя судебно-следственные полномочия. Ярким подтверждением этому служит дело от 30 декабря 1801 г. по обвинению екатеринбургского посадского Никифора Ращеева, где содержатся словесные показания свидетелей о его противоправных действиях, совершенных в состоянии опьянения 15–16 декабря того же года¹¹. Важно отметить, что теперь полиция активно участвует в самом дознании и подготовке материалов для последующего судебного разбирательства.

Последующие изменения в деятельности городской полиции Екатеринбурга после реформы 1798 г. характеризуются не только расширением ее полномочий, но и включением в компетенцию правоохранительных органов более серьезных уголовных дел, количество которых постепенно возрастало. Это наглядно демонстрирует криминальное дело от 10 января 1802 г., возбужденное по заявлению мастерового Екатеринбургской монетной экспедиции Дмитрия Калугина, обнаружившего «за городом на дороге...»¹² мертвое тело. В ходе разбирательства полиция скрупулезно зафиксировала обстоятельства происшествия: отсутствие на теле следов насильственной смерти, описание одежды (холщовая рубаша), а также установила личность погибшего – мастерового Уктусского завода Никиты Вахрушева. Официальное заключение констатировало, что «по

⁹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXV. С. 335.

¹⁰ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 35. Оп. 1. Д. 39.

¹¹ Там же. Л. 9.

¹² Там же. Л. 16.

видимому смерть приключилась от того, что он при возвращении в свое жительство был пьян и в беспамятстве замерз»¹³. Данный случай представляет особый интерес, поскольку свидетельствует о дальнейшей институционализации полицейских структур и их утверждении в качестве ключевого элемента правопорядка в горнозаводском округе. Примечательно, что расследование касалось смерти мастерового – категории населения Екатеринбурга, ранее находившейся преимущественно в ведении заводской администрации. Кроме того, пример наглядно иллюстрирует сложный характер взаимодействия между гражданской полицией и горнозаводским управленческим аппаратом в лице Екатеринбургской монетной экспедиции, демонстрируя, что даже после формального выделения полиции в самостоятельное учреждение ее деятельность продолжала требовать тесной координации с промышленно-административными органами.

Наряду с развитием судебно-следственного направления деятельности екатеринбургская полиция также имела в своей компетенции исполнение предписаний губернских властей. Характерным примером служит делопроизводственный акт от 10 декабря 1801 г., содержащий указ Пермского губернского управления № 29693 с требованием предоставить ведомость о поставках для военных нужд. Примечательно, что далее написан ответ городничего на этот счет: «объявил, что ответственность на оной и никакой обязанности не имеет»¹⁴. Данный эпизод иллюстрирует сложность административных взаимоотношений в системе управления: с одной стороны, полиция выступала как исполнительный орган, обязанный реализовывать распоряжения губернской администрации, с другой – сталкивалась с проблемой нечеткого разграничения полномочий, что в данном случае проявилось в демонстративном неподчинении городничего.

Проведенные при Павле I преобразования существенно модернизировали полицейскую систему Екатеринбурга. Ликвидация дублирующей горнозаводской полиции и создание

¹³ ГАСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 39. Л. 17об.

¹⁴ Там же. Л. 1.

единого городского правоохранительного органа соответствовали общей политике централизации управления, но сохраняющиеся межведомственные трения и зависимость от губернских структур свидетельствовали о незавершенности реформ и необходимости дальнейшей систематизации полицейского управления в регионе.

Следующим закономерным шагом в процессе унификации полицейского управления в Екатеринбурге стало издание Александром I указа от 8 сентября 1802 г. «Об учреждении министерств»¹⁵, который открыл новый этап в развитии как центрального, так и местного управления. Данная реформа не только завершила процесс централизации полицейских структур, начатый при Павле I, но и привела к существенным изменениям в их компетенции.

В соответствии с этим манифестом были образованы восемь министерств, подотчетных Сенату: военных сухопутных, морских сил, иностранных дел, отделение юстиции, внутренних дел, финансов, коммерции и народного просвещения. В результате этих административных преобразований юрисдикция Министерства внутренних дел распространялась на все губернские и полицейские дела. Примечательно, что манифест указывал также на подведомственность министру внутренних дел всей государственной промышленности, кроме горной¹⁶, – положение, которое повлияло на функционирование полицейских структур Екатеринбурга в 1802–1807 гг.

Екатеринбургская городская полиция оказалась в уникальной ситуации институциональной двойственности: формально подчиняясь Министерству внутренних дел, она продолжала функционировать в рамках особого горнозаводского статуса города, законодательно закрепленного в 1807 г. Это создавало парадоксальную систему двойного подчинения, при которой полиция была вынуждена, с одной стороны, исполнять общеимперские предписания, а с другой – учитывать местную

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXVII. С. 243–248.

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи... Т. XXVII. С. 244.

специфику и поддерживать рабочие отношения с заводской администрацией. Архивные материалы 1802–1807 гг. демонстрируют практические механизмы функционирования полиции в этих противоречивых условиях.

Ярким примером служит документ от 1 января 1804 г., фиксирующий проведение ревизии поставок казенной соли в окружной магазин¹⁷. Детальная фиксация объемов соли за предыдущие месяцы, вероятно, для анализа динамики продаж, указывает на сохранение полицией административно-хозяйственных функций и в начале XIX в. Особого внимания заслуживают два ключевых аспекта данного дела. Во-первых, выборный Анисим Черепанов указывает в этом документе на необходимость учета мнения местных лиц. Во-вторых, результаты ревизии направляются не в Министерство внутренних дел, а в Пермскую казенную палату. Этот факт свидетельствует о том, что, несмотря на формальное включение в общеимперскую систему управления, екатеринбургская полиция продолжала работать по прежним схемам, сохраняя при этом тесную связь с местными административными структурами. Подобная практика наглядно демонстрирует незавершенность процесса интеграции городской полиции в новую систему государственного управления.

Период с 1802 по 1807 гг. характеризуется также качественной трансформацией следственной практики Екатеринбургской городской полиции, что наглядно демонстрирует дело о смерти мастерового Аврама Антонова от 8 января 1804 г.¹⁸ Данный случай, инициированный заявлением сына покойного – Григория Антонова, отражает сложившуюся к этому времени систему уголовного преследования: тщательную фиксацию временных параметров («января 6-го числа по полуночи в 12-ом часу...»¹⁹), последовательный опрос свидетелей, включая крестьянина Федора Костромина и Никиту Ефремова, а также проведение официальной экспертизы с установлением причины смерти («...

¹⁷ ГАСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 64. Л. 1.

¹⁸ Там же. Л. 2.

¹⁹ Там же.

как и приходится из сего следствия в скоропостижной смерти реченного мастерового Аврама Антонова причинствующего из-за вина»²⁰). Подобные дела, как показывает анализ документов, становились для полицейского аппарата все более типичными, что было связано как с усилением контроля Министерства внутренних дел, так и с формализацией процедур дознания.

Однако степень детализации следственных действий существенно варьировалась в зависимости от ведомственной принадлежности фигурантов. Показателен контраст между рассмотренным делом Аврама Антонова и краткой записью о смерти секретаря Монетной экспедиции Ивана Степанова «от удара»²¹, где отсутствуют подробности последних часов жизни умершего. Эта разница в подходах объяснялась сложной системой разграничения юрисдикций: поскольку Монетная экспедиция относилась к горному ведомству Екатеринбурга, городская полиция была ограничена в следственных полномочиях согласно положениям манифеста «Об учреждении министерств».

О сложностях существования Екатеринбургской городской полиции в новых реалиях свидетельствует также дело о смерти рекрута Данилы Маркова от 23 января 1804 г.²², которое демонстрирует стандартные процедуры следствия того периода. Полиция тщательно фиксировала временные параметры: так, в начале делопроизводства пишется, что «20 числа сего месяца по полудни в начале 4-го часу, принесли на руках Екатеринбургского мушкетерского полку гренадера... Маркова»²³. Помимо этого, в данном деле также имеется опрос свидетелей, включая мастерового Немешаева, его жену и солдат. Особое внимание в документе уделено установлению причины смерти, которая «приключилась от апоплексического удара»²⁴.

Наиболее показательным с точки зрения эволюции полицейской работы к 1807 г. является дело от февраля 1806 г. о

²⁰ ГАСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 64. Л. 3 об.

²¹ Там же. Л. 4.

²² Там же. Л. 18–18 об.

²³ Там же. Л. 18.

²⁴ Там же. Л. 18–18 об.

мастеровом Василии Чеканникове²⁵. В отличие от предыдущих случаев, здесь наблюдаются: полноценная процедура следствия с детальным протоколом допроса мастерового Екатеринбургской заводской команды Чеканникова, проведенного 4 февраля 1806 г. в присутствии городской полиции²⁶; межведомственная координация, проявившаяся в обыске дома мастерового совместно с представителем горного ведомства Малахова; архивные проверки, в результате которых выяснилось, что деньги были получены от купца Баснина²⁷.

Подобные преобразования свидетельствуют о постепенной трансформации полицейской работы в условиях административных реформ. Несмотря на формальное включение в общеимперскую систему управления через создание единой городской полиции и подчинение Министерству внутренних дел, местные правоохранительные органы сохраняли тесную связь с горнозаводской администрацией, что отражало уникальный статус Екатеринбурга. Анализ архивных материалов выявил постепенную профессионализацию полиции, расширение ее следственных полномочий и одновременное сохранение административно-хозяйственных функций, что подчеркивает переходный характер этого периода между традиционными практиками и новыми бюрократическими процедурами.

Библиография

Лобанов А.В., Широков Г.Г. История полиции России: учебное пособие. СПб.: Северо-Западный институт повышения квалификации ФСКН России, 2015. 200 с.

Мочалова А.А. Основные направления развития полиции России в первой половине XIX века // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2013. № 22. С. 97–100.

Полное собрание законов Российской Империи / под ред. М.М. Сперанского. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXV. 933 с.

²⁵ ГАСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 88. Л. 1–11 об.

²⁶ Там же. Л. 1.

²⁷ Там же. Л. 11.

Полное собрание законов Российской Империи / под ред. М.М. Сперанского. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXVII. 1096 с.

Рязанов С.М. Полиция Урала в контексте историографии до-революционного периода // Культурный код, 2019. № 3. С. 48–57.

Рязанов С.М. Рост городов и городская полиция на Урале в конце XIX – начале XX века // Технологос, 2022. № 4. С. 41–50.

Тушемилов М.В. Организация и деятельность полиции России в XIX – начале XX в. в документах Полного собрания законов Российской империи // Власть, 2010. № 5. С. 135–138.

Чашников В.А. Становление полиции на Урале во второй половине XVIII века // Вестник Уральского юридического института МВД России, 2016. № 3. С. 52–55.

Е.С. Саблина

Алтайский государственный университет (Барнаул)

Роль театра в социализации подрастающего поколения городов Сибири первой половины XIX в.

Статья раскрывает роль театра в интеграции подрастающего поколения городов Сибири первой половины XIX в. в городскую культуру и общество. На основании источников личного происхождения выявлены основные формы театральной жизни сибирских городов, в которые было вовлечено детское население: вертепные представления, театры при учебных заведениях, домашние и профессиональные театры. В работе делается вывод о том, что театр оказывал на детей комплексное социализирующее влияние, приобщая их к художественной, праздничной и досуговой культуре, внося вклад в эстетическое, нравственное и религиозное воспитание детей. Участие в театральной жизни позволяло детям интегрироваться в общую культуру и обновлять ее элементы, формируя собственные традиции.

Ключевые слова: дети, Сибирь, театр, социализация, города, праздничная культура.

В первой половине XIX в. отечественная культура двигалась по пути демократизации, преодоления замкнутости духовного развития отдельных групп общества, развитие национальной культуры основывалось на сочетании традиций и новаций¹. В этот период развитие культуры выходит за рамки столичных городов, охватывая провинцию. В частности, в городах Сибири развивается театральная жизнь – возникают частные театры, намечается становление региональной драматургии, происходит расширение круга зрителей. Активными участниками театральной жизни в Сибири в этот период становятся дети, включаясь в формирующееся культурное пространство и образуя при этом ряд своих особых культурных традиций. На примере вовлечения детей Сибири в театральную жизнь можно выявить степень влияния культурной среды на социализацию подрастающего

¹ Очерки русской культуры XIX века. Т.1. Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 7–8.

поколения, что позволит глубже понять особенности социокультурного развития Сибири и России в XIX в. Это обуславливает актуальность исследуемой проблемы.

Историография исследования представлена в основном общими работами по истории культуры и региональной истории, в которых рассматриваются вопросы развития городской культуры России и Сибири². Развитие театральной жизни в городах Сибири в XIX в. нашло отражение в трудах советских и современных исследователей³. Авторы подробно изучили процессы зарождения первых театров в сибирских городах, в их работах был определен социальный состав зрителей театральных представлений и выявлен жанровый состав поставленных спектаклей. Особое внимание уделяется утверждению роли театра в жизни сибирских городов и формированию традиций региональной драматургии. В то же время вопрос о роли театра в развитии подрастающего поколения изучен в меньшей степени. Впервые он поднимается в работах дореволюционных исследователей истории образования, создавших труды об историческом развитии отдельных учебных заведений или посвященные трудившимся в них деятелям⁴. В перечисленных же выше исследованиях советского периода вопрос о детских театрах и участии детей в театральной жизни рассматривается скорее как второстепенный. Выделяются работы современного исследователя А.И. Куприянова, который проанализировал деятельность театральных

² Очерки русской культуры XIX века. Т.1. ... 384 с.; История Сибири: в 4 томах. Т. 3. / Отв. ред. Элерт А.Х., Шиловский М.В. Новосибирск, 2023. 812 с.

³ *Маляревский П.Г.* Очерк из истории театральной культуры Сибири. Иркутск, 1957. 283 с.; *Копылов А.Н.* Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. Новосибирск, 1974. 251 с.; *Петровская И.Ф.* Театр и зритель провинциальной России, вторая половина XIX века. Л., 1979. 248 с.

⁴ *Ярославцев А.К.* Петр Павлович Ершов. СПб., 1872. 200 с.; Исторический очерк образования и развития Сибирского кадетского корпуса: 1826–1876. Омск, 1884. 131 с.; *Замахаев С.Н.* Историческая записка о Тобольской гимназии. 1789–1889 год. Тобольск, 1889. 322 с.; *Сулоцкий А.И.* Сочинения: в 3 т. Тюмень, 2000. Т. 1: О церковных древностях Сибири: Церкви. Иконы. Библиотеки. Театр и школа. 479 с.

кружков при ряде образовательных учреждений Сибири, рассмотрел роль вертепных представлений в детской культуре⁵.

Для раскрытия темы исследования были использованы источники личного происхождения, которые позволили изучить особенности вовлечения детей Сибири в театральную культуру как с точки зрения их самих, так и со стороны взрослых, которые сопровождали и регулировали процесс⁶.

К началу XIX в. театральная жизнь городов Сибири была представлена разными формами. Как и в других регионах России, народными предшественниками театральных представлений в Сибири стали выступления скоморохов, которым позднее церковь противопоставила свой театр⁷. Именно из церковного театра выросли такие его формы, как вертепные представления – разновидность кукольного театра, который был распространен как среди взрослых, так и среди детей, а также театры при образовательных организациях, которые берут свое начало из религиозных театров при духовных семинариях. Обе формы появляются в Сибири в XVIII в. и параллельно распространяются в регионе, к началу XIX в. приблизившись к светской театральной культуре за счет включения в представления интермедий «бытового сатирического или шуточно-развлекательного характера»⁸.

⁵ *Куприянов А.И.* Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995. 160 с.; *Куприянов А.И.* Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. М., 2007. 480 с.

⁶ *Авдеева Е.А.* Записки и замечания о Сибири. М., 1837. 156 с.; *Полевой Н.А.* Мои воспоминания о русском театре и русской драматургии (Письма к Ф.В. Булгарину) // Репертуар русского театра на 1840 год. Т. 1. Кн. 2. История русского театра. СПб., 1840. С. 1–12; Очерк сибирской жизни образованного сословия: (письмо из Омска от 7 января 1843 года) // Время и город: Омск XVIII – середины XX в. в описаниях современников. Омск, 2016. С. 35–36; *Белоголовый Н.А.* Из воспоминаний сибиряка о декабристах. [Электронный ресурс] «Public Domain», 1890. 53 с. URL: <https://www.litres.ru/book/nikolay-belogolovyy/iz-vospominaniy-sibiryaka-o-dekabristah-3022625/> (дата обращения: 15.04.2025); *Калашников И.Т.* Записки Иркутского жителя // Русская старина. 1905. Т. 123. №7. С. 187–251; *Ершов П.П.* Конек-горбунок: Избранные произведения и письма. М., 2005. 624 с.

⁷ *Копылов А.Н.* Очерки культурной жизни ... С. 219, 222.

⁸ *Копылов А.Н.* Очерки культурной жизни ... С. 223, 225.

Становление светского театра связывают с возникновением и развитием национальной драматургии и последовавшей за этим волной открытия профессиональных или полупрофессиональных театров⁹. В Сибири процесс образования светских театров отличался активностью: к началу XIX в. они существовали в Тобольске, Барнауле, Омске, Иркутске и Петропавловске. Интересно, что в культуру городов Сибири театр вошел раньше, чем в культуру городов некоторых Центральных губерний¹⁰. Для сибирских театров были характерны «жанровое многообразие и широта диапазона эстетического и идейного содержания»¹¹ представлений.

В театральную жизнь были включены широкие слои городского населения. Говоря о детях, можно отметить, что они в качестве зрителей и непосредственных участников были вовлечены в деятельность кукольных (вертепных) театров, театральных кружков при учебных заведениях и театров домашних. В качестве зрителей они имели возможность посещать представления профессиональных театров. В вертепных представлениях участвовали дети «мещан, солдат, казаков и разночинцев»¹², выступать они могли в более богатых домах, например, купеческих, чьи дети и являлись наиболее постоянными зрителями таких спектаклей. В деятельность кружков при школах были вовлечены дети, которые имели возможность получать гимназическое образование. Домашние театры были распространены в меньшей степени и были характерны скорее для наиболее прогрессивных представителей сибирского общества. Говоря о профессиональных театрах, исследователи отмечают их доступность для широких слоев населения, однако сведения о социальной принадлежности детей, посещавших такие представления, практически не сохранились.

Переходя к рассмотрению участия детей в деятельности обозначенных форм театра, можно начать с вертепных

⁹ Копылов А.Н. Очерки культурной жизни ... С. 228.

¹⁰ Там же. С. 245; Куприянов А.Н. Городская культура русской провинции ... С. 118.

¹¹ Куприянов А.Н. Городская культура русской провинции ... С. 126.

¹² Копылов А.Н. Очерки культурной жизни ... С. 226.

представлений. В Сибири кукольные представления были крайне популярны среди детей. Они устраивались на Святки, иногда – вплоть до Масленицы¹³ и имели религиозное содержание. По свидетельству современницы, «все это доставляло детям несказанное удовольствие»¹⁴. Исследователи отмечают, что постепенно вертепные представления переживали секуляризацию посредством включения в них «бытовых комедийных сценок»¹⁵. Е.А. Авдеева-Полевая вспоминала, что сами дети не обращали внимания на сюжетные или иные несоответствия – «нам детям какое было до этого дело? Было весело, и казалось довольно, что все относилось к духовному»¹⁶. Н.А. Полевой, дополняя воспоминания старшей сестры о кукольных представлениях, отмечает, что с приходом артистов с вертепом дети «кричали от восторга»¹⁷. Он вспоминает о сильном эмоциональном воздействии вертепных представлений, отмечая, что даже многократно повторяемые сюжеты вызывали у него и его сверстников широкий спектр эмоций и провоцировали размышления на серьезные темы¹⁸.

В рамках вертепных представлений дети в «игровой» форме приобщались к православию, которое было одним из системообразующих элементов национальной культуры. Более того, они приобщались именно к народному варианту религии, что было важно с точки зрения социализации. Кроме того, вертепные постановки «воспитывали в детях уважение к народной культуре, знакомили их с думами и чаяниями простого люда»¹⁹.

Из религиозной культуры выросла и традиция складывания театров при образовательных организациях, поскольку первыми такими организациями стали духовные семинарии. Пришедшая из Малороссии традиция организации спектаклей силами семинаристов закрепились и в Сибири – в Тобольске. Содержание

¹³ *Маляревский П.Г.* Очерк из истории ... С. 16.

¹⁴ *Авдеева Е.А.* Записки и замечания о Сибири ... С. 57.

¹⁵ *Маляревский П.Г.* Очерк из истории ... С. 17.

¹⁶ *Авдеева Е.А.* Записки и замечания о Сибири ... С. 58.

¹⁷ *Полевой Н.А.* Мои воспоминания о русском театре и русской драматургии (Письма к Ф. В. Булгарину) ... С. 2.

¹⁸ Там же. С. 2.

¹⁹ *Куприянов А.И.* Русский город ... С. 91.

пъес изначально было религиозным, но постепенно семинаристы стали усваивать светскую культуру, ставить в домах представления нерелигиозного содержания. Это встречало запреты со стороны начальства, однако отхода от светской театральной культуры не произошло: семинаристы стали устраивать спектакли тайно. Более того, по мнению А.И. Сулоцкого, именно от семинаристов «любовь к театральным представлениям <...> перешла впоследствии и в другие слои тобольского общества»²⁰.

В 1830-е годы в Тобольске традиция нашла выражение в складывании театрального кружка при губернской гимназии. Вдохновителем театра считают П.П. Ершова, служившего в гимназии учителем словесности, однако сам он в письмах отмечает, что он и другие учителя построили театр в зале гимназии, тогда как сама инициатива «устроить театр» принадлежала ученикам. Помимо этого, П.П. Ершов создавал для гимназического театра некоторые пьесы и выступал режиссером при их постановке²¹. Часто спектакли организовывали по праздникам, таким как Масленица или Пасха, причем посещала их широкая публика. П.П. Ершов отмечает, что в 1838 г. спектакли, приуроченные к Масленице, посетило свыше 400 горожан²², также зал был переполнен и на рождественском спектакле в 1840 г.²³

Это было характерно и для других гимназических театров. Говоря о театре при Иркутской гимназии, И.Т. Калашников отмечает, что, даже когда публичный театр в городе прекратил деятельность в силу наступления «тяжелой години»²⁴, театр гимназистов продолжал работу: в 1816 г. спектакли, как и в

²⁰ Сулоцкий А.И. Сочинения: в 3 т. ... Т. 1: О церковных древностях Сибири. Церкви. Иконы. Библиотеки. Театр и школа. С. 342.

²¹ Ершов П.П. Конек-горбунек ... С. 523–528.

²² Там же. С. 528.

²³ Ярославцев А.К. Петр Павлович Ершов ... С. 74.

²⁴ Калашников И.Т. Записки Иркутского жителя ... С. 206. Под «тяжелой годиной» И.Т. Калашников подразумевает период пребывания Н.И. Трескина на посту начальника Иркутской губернии, который и некоторые исследователи характеризуют как время произвола чиновничества и подавления инициативы горожан. Отмечается, что, несмотря на эффективность административной деятельности губернатора, общественная и культурная жизнь в это время переживали упадок, который затронул и театр.

Тобольске, прошли на Масленицу и на Пасху. Интересна точка зрения современника о том, что постановки гимназистов «возбудили соревнование» – менее чем через две недели после пасхального спектакля в гимназии в доме генерал-губернатора представление организовали чиновники и учителя²⁵.

В 1840-е годы традиция постановки спектаклей на праздники наблюдалась и в училище Сибирского казачьего войска в Омске. Можно сказать, что театр при этом учебном учреждении сложился стихийно: в начале столетия «о представлениях с декоративной обстановкой воспитанники того времени не имели и помысла», следовательно, театр в их культуре выступал формой совместного досуга, который способствовал укреплению взаимоотношений в коллективе и нивелировал разницу в возрасте учащихся, которая отмечается как препятствие установлению прочных дружеских отношений среди них²⁶. Если в начале XIX в. на представлениях не было зрителей, то уже в середине столетия спектакли воспитанников, приуроченные к празднованию Рождества, ставились для широкой городской публики, причем театр этот, по оценке современника, имел успех, «несмотря на то, что актеры-юноши не видали никогда театра и не имели понятия о сцене»²⁷.

Иногда игравшие в театре гимназисты привлекались к частным праздникам: под руководством пастора пансионеры Тобольской гимназии ставили немецкий спектакль в качестве сюрприза к именинам жены местного артиллерийского генерала²⁸. Таким образом, спектакли гимназических театров становились элементом городской праздничной культуры.

С утверждением роли театра в жизни сибирских городов гимназические спектакли стали ставиться не только по праздникам: в Иркутске в 1840-х годах представления в гимназии были организованы с целью «удовлетворить потребностям общества в

²⁵ Калашников И.Т. Записки Иркутского жителя ... С. 207–208.

²⁶ Исторический очерк образования и развития Сибирского кадетского корпуса: 1826–1876 ... С. 21.

²⁷ Очерк сибирской жизни образованного сословия: (письмо из Омска от 7 января 1843 года) ... С. 36.

²⁸ Замахаев С.Н. Историческая записка о Тобольской гимназии ... С. 165.

театральных позорищах»²⁹. Одна из постановок была сыграна по произведению местного автора, в котором присутствовала региональная тема – драматург восхвалял Иркутск. Отмечается восторг зрителей при прослушивании отрывка³⁰. Можно предположить, что заучивание и многократное воспроизведение подобного текста должно было не меньше впечатлить и игравших в спектакле детей, формируя у них уважительное отношение к региону и местной культуре. Так, играя в семинарских и гимназических театрах, ученики усваивали праздничную культуру, через которую приобщались и к культуре религиозной. У них формировалось представление о социальной иерархии.

Другой разновидностью театров, в которых могли быть задействованы дети, были театры домашние. В городах Сибири первой половины XIX в. эта традиция не была распространена – упоминание о такой форме досуговой деятельности оставил Н.А. Белоголовый, обучавшийся в 1840-е годы в Иркутске у ссыльных декабристов. Попытка поставить домашний спектакль по пьесе «Недоросль» с участием мальчиков, собиравшихся в доме Волконских, не состоялась, однако юные актеры прошли длительную подготовку. Автор воспоминаний характеризует свои эмоции в связи с репетициями так: «волнение и суета поднялись в нашем кружке великие»; «все боялся, что сробею перед публикой, и меня бросало то в холод, то в жар при мысли, что вдруг, выйдя на сцену, я пере забуду все и не в состоянии буду произнести ни одного слова»³¹. Следовательно, играя в театре любого вида, дети могли развивать свои личностные качества. Детский театр существовал и в Барнауле – в нем играли дети представителей высшего чиновничества³². Об этом театре, однако, сохранилось мало сведений.

Театральная культура могла проникать в мир детства через светское общество. В Иркутске ее носителями выступили декабристы, которые, по оценке Н.А. Белоголового, «были такими живыми образцами культуры, что <...> поднимали значение и

²⁹ Белоголовый Н.А. Из воспоминаний сибиряка о декабристах ... С. 30.

³⁰ Белоголовый Н.А. Из воспоминаний сибиряка о декабристах ... С. 31.

³¹ Там же. С. 28.

³² Куприянов А.И. Русский город ... С. 93.

достоинства ее в глазах всякого, кто с ними приходил в соприкосновение»³³. В Барнауле ее проводниками стали горные инженеры и чиновники, для которых театр выступал неотъемлемой частью быта³⁴. Играя в подобных театрах, дети тесно знакомились с традициями досуга своей социальной группы, нормами взаимодействия и поведения в светском обществе.

В меньшей степени сохранились сведения о посещении сибирскими детьми профессиональных или полупрофессиональных театров. Можно предположить, что это является следствием того, что театральные представления в изучаемый период были доступны представителям широких слоев общества, и часть людей, посетивших театр в детстве, не оставили об этом письменных свидетельств. Даже писатель и драматург Н.А. Полевой, который в детстве два или три раза посетил театр в Иркутске, не уделил этому значительного внимания в характеристике театральной жизни города³⁵. Автор, вероятно, в силу возраста не смог запомнить или осмыслить сюжета постановки и в своих воспоминаниях характеризует эмоциональное воздействие представления, которое учило его сопереживать. Можно предположить, что дети городов Сибири первой половины XIX в. нечасто посещали профессиональные театры в качестве зрителей, но такая форма вовлечения в театральную жизнь могла вносить вклад в их нравственное воспитание. Такие примеры подтверждают вывод И.Ф. Петровской о том, что в театре «урок не навязывался деспотически, зритель получал его незаметно для себя»³⁶.

Подводя итог, следует отметить, что в городах Сибири первой половины XIX в. дети из всех социальных слоев были в том или ином виде вовлечены в театральную жизнь в большинстве ее проявлений – от народного кукольного театра до театров профессиональных. Для детей театр не только становился формой

³³ Белоголовый Н.А. Из воспоминаний сибиряка о декабристах ... С. 31.

³⁴ Куприянов А.И. Русский город ... С. 92.

³⁵ Полевой Н.А. Мои воспоминания о русском театре и русской драматургии (Письма к Ф. В. Булгарину) ... С. 2.

³⁶ Петровская И.Ф. Театр и зритель провинциальной России, вторая половина XIX века ... С. 21.

досуга, но и играл важную социализирующую роль. Через знакомство с классическими произведениями дети приобщались к литературному наследию, а узнавая малоизвестные произведения местной драматургии, могли развивать художественный вкус – театр давал детям эстетическое воспитание. У детей формировалось понимание особенностей взаимоотношений между людьми в своей социальной группе и вне ее, вырабатывались качества, необходимые для осуществления социальных взаимодействий. Восприятие любых сюжетов театральных представлений способствовало нравственному воспитанию детей, учило их сопереживать людям и вызывало философские размышления.

Театральная жизнь сибирского города первой половины XIX в. являлась своеобразным синтезом традиций народа и высшего общества, религиозной и светской культур, поэтому дети, являвшиеся ее участниками, могли комплексно осваивать городскую культуру и становиться полноценными членами общества. В то же время дети не сразу входили во «взрослое» общество, у них формировались собственные традиции и практики, в чем-то повторяющие общую культуру, а в чем-то – обновляющие ее.

Библиография

Замахаев С.Н. Историческая записка о Тобольской гимназии. 1789-1889 год. Тобольск: тип. Тобол. губерн. правления, 1889. 322 с.

Исторический очерк образования и развития Сибирского кадетского корпуса: 1826-1876. Омск: тип. Окружного штаба, 1884. 131 с.

История Сибири: в 4 томах. Т. 3. / Отв. ред. Элерт А.Х., Шиловский М.В. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. 812 с.

Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. / отв. ред. Л.А. Гольденберг. Новосибирск: Наука, 1974. 251 с.

Куприянов А.И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. М.: Новый хронограф, 2007. 480 с.

Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М.: АИРО-XX, 1995. 160 с.

Маляревский П.Г. Очерк из истории театральной культуры Сибири. Иркутск: Иркутское книжное изд-во, 1957. 283 с.

Очерки русской культуры XIX века. Т.1. Общественно-культурная среда. / Под ред. Л.Д. Дергачевой, Л.В. Кошман и др. М.: Изд-во МГУ, 1998. 384 с.

Петровская И.Ф. Театр и зритель провинциальной России, вторая половина XIX века. Л.: Искусство, 1979. 248 с.

Сулоцкий А.И. Сочинения: в 3 т. / Под ред. В.А. Чупина. Тюмень: Ю. Мандрика, 2000. Т. 1: О церковных древностях Сибири: Церкви. Иконы. Библиотеки. Театр и школа. 479 с.

Ярославцев А.К. Петр Павлович Ершов. СПб.: Тип. В. Демакова, 1872. 200 с.

А.Р. Рахимов

Санкт-Петербургский государственный университет

Институт полного и неполного состава Комитета Западных губерний: к вопросу о повседневности высшей бюрократии эпохи Николая I

В статье рассматривается важный аспект повседневности высшей бюрократии эпохи Николая I – существование различных составов высших комитетов. Этот малоизученный институт явился особым структурным элементом деятельности комитетов – высших государственных учреждений николаевской России. Впервые в историографии констатируется наличие института полного и неполного состава Комитета Западных губерний, описываются особенности и прерогативы этих составов. Статья ставит вопрос о характере работы высших государственных учреждений второй четверти XIX в. Путем сравнения института полного и неполного состава Комитета Западных губерний и Секретного комитета по делам греко-униатским автор приходит к выводу о непохожести причин разделения персонального состава комитетов и о разном проявлении института полного и неполного состава в этих учреждениях.

Ключевые слова: комитеты, персональный состав, Комитет Западных губерний, Секретный комитет по делам греко-униатским, эпоха Николая I.

Характерной чертой высшего государственного управления Российской империи второй четверти XIX в. были высшие комитеты, призванные определять правительственные мероприятия в отдельных сферах внутренней политики. К данной группе относится Комитет Западных губерний (далее – КЗГ, Комитет), в период 1831–1848 гг. контролировавший имперскую политику в Западном крае. Основным источником его деятельности является протокольная документация (журналы). Наименее изученным аспектом историографии николаевских комитетов – высших государственных учреждений николаевской эпохи – остаются особенности состава, организации заседаний и характера деятельности комитетов. Исключением являются вступительные

статьи в публикациях журналов КЗГ 1831–1835 гг.¹ и 1836–1840 гг.², статья белорусского исследователя В.В. Шеститко³.

Авторами публикации журналов КЗГ были описаны председатели, члены Комитета в 1836–1840 гг., а также лица, приглашенные императором на заседания КЗГ⁴, рассмотрен формуляр журналов и механизм появления подписей сановников⁵. Однако, в силу оптики исследования, основное внимание авторов было уделено общей характеристике журналов Комитета⁶ и динамике интенсивности его заседаний⁷.

В рамках настоящего исследования интерес представляет статья В.В. Шеститко, рассмотревшего Секретные комитеты по униатским делам в контексте истории этих учреждений. Шеститко подчеркивает существование «большого» и «малого» составов Секретного комитета по делам греко-униатским. Принципиальное различие между этими составами В.В. Шеститко относит к разной степени принятой в них секретности⁸. Однако первенство в выделении различных составов Секретного комитета по делам греко-униатским принадлежит дореволюционному историку Церкви Г.И. Шавельскому⁹, который отмечал проведение министром внутренних дел и обер-прокурором Синода «предварительных совещаний»¹⁰, решавших суть вопроса; заседания «большого» состава становились менее дискуссионными.

¹ Журналы Комитета Западных губерний. Т. 1. СПб., 2017. С. 34–35.

² Журналы Комитета Западных губерний. Т. 2. СПб., 2021. С. 18–22.

³ Шеститко В.В. Секретные комитеты по униатским делам и их роль в упразднении унии. // Ортодоксия. 2024. № 4. С. 72–95.

⁴ Журналы Комитета Западных губерний... Т. 2. С. 18–19.

⁵ Там же. С. 41–44.

⁶ Там же. С. 22–40.

⁷ Там же. С. 18.

⁸ Шеститко В.В. Секретные комитеты по униатским делам и их роль в упразднении унии... С. 77.

⁹ Шавельский Г.И. Последнее воссоединение с Православной Церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.). – СПб.: Тип. «Сельского Вестника», 1910. С. 174–175.

¹⁰ Там же. С. 172.

В свете данных особенностей состава Секретного комитета по делам греко-униатским научный интерес представляет источник, опубликованный на страницах «Журналов...»¹¹, который доказывает бытование различных составов в структуре КЗГ. Данным делопроизводственным источником является отношение¹² А.И. Чернышева к А.Н. Голицыну от 30 октября 1836 г. о вторичном рассмотрении в КЗГ вопроса, изложенного в журнале Комитета № 336. Военный министр уведомляет председателя КЗГ о высочайшем повелении рассмотреть дело «по важности его...во всех подробностях в полном заседании Комитета [курсив мой – А.Р.]»¹³. И добавляет: «...буду ожидать уведомления о времени, когда заседание сие будет назначено»¹⁴.

Приведенное отношение А.И. Чернышева демонстрирует, что в практике КЗГ существовал т. н. полный состав и «неполный». Необходимость рассмотрения дела полным составом Комитета, по приведенным словам из отношения Чернышева, означала особо сложное дело, требующее кропотливой работы ряда ведомств (о чем ясно говорит и название журналов № 337 и № 338 – «О способах удовлетворения долгов, лежащих на конфискованных имениях»¹⁵). К тому же, мельком брошенная военным министром фраза «во всех подробностях»¹⁶ проливает свет на механизм выработки решения – скорее всего, заседание подразумевало полемику и четкую позицию каждого члена Комитета. При этом отличие полного состава от «неполного», подписавшего журнал № 336, состоит лишь в лицах Н.Н. Новосильцова и А.И. Чернышева. На основании текста журнала № 337 можно заключить, что привлечение Новосильцова было связано с желанием императора уточнить позицию Комитета в крайне запутанном деле – была сделана ставка на управленческий опыт Н.Н. Новосильцова. Его участие прослеживается в проверке предположений министра финансов, появившихся еще в журнале

¹¹ Журналы Комитета Западных губерний. Т. 2. СПб., 2021. 800 с.

¹² Там же. С. 143.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 140, 144.

¹⁶ Там же. С. 143.

№ 297, на обсуждении которого Новосильцов не присутствовал¹⁷. Назначение же А.И. Чернышева в состав заседания по № 337 носит служебный характер и напрямую следует из передачи всех конфискованных имений Киевской и Подольской губерний в ведомство Военного министерства по именному указу Сенату 4 апреля 1836 г.¹⁸

Должно быть, такой формат отличался от будничных частных дел, разбиравшихся неполным составом КЗГ. К категории частных дел (в публикации «Журналов...» доказано бытование термина в николаевскую эпоху¹⁹) можно отнести нерешенные проблемы отдельных лиц, дошедшие до вершины управления империи и отразившиеся в журналах. Их главными арбитрами оказались председатель Комитета (по должности), министры внутренних дел, финансов и государственных имуществ (из их ведомств обычно исходило дело), генерал-губернаторы (без санкции которых министры не могли осуществлять власть в регионе).

Неопределенность даты заседания говорит как о перегруженности сановников делами своих ведомств, не позволявшей производить частые заседания полного состава, так и о бытовавшей практике оповещения членов Комитета о предстоящих заседаниях полного состава, график которых не был определен изначально.

Стоит упомянуть, что 14 ноября 1836 г., в день обсуждения журнала № 337, подверглось обсуждению и дело журнала № 338, скорее всего, наиболее сложное в ряду имевшихся частных дел. В остальном попытки реконструировать заседание КЗГ 14 ноября 1836 г. сталкиваются с отсутствием информации о конкретном времени заседания. Текст журналов № 337 и № 338 не дает представления о времени, потраченном на обсуждение проблемы, поэтому рассуждать о характере прений и о продуктивности Комитета в тот день мы не можем.

На данном этапе исследования необходимо выявить принцип комплектования полного состава КЗГ. В анализе нам поможет то обстоятельство, что для обсуждения и подписания

¹⁷ Журналы Комитета Западных губерний... Т. 2. С. 79.

¹⁸ Там же. С. 745.

¹⁹ Там же. С. 173.

секретного журнала № 426 волей императора²⁰ были собраны все члены Комитета. Обратим внимание на полный состав КЗГ, подписавший журнал № 337, и на коллектив «всех без исключения»²¹ членов Комитета, подписавший секретный журнал № 426 от 1, 24 и 25 апреля 1839 г.; подчеркнем, что необыкновенность присутствия абсолютно всех членов Комитета Западных губерний была справедливо отмечена публикаторами²². Итак, в числе подписавших журнал № 337 значатся сановники: председатель А.Н. Голицын, председатель Государственного совета и член КЗГ Н.Н. Новосильцев, военный министр А.И. Чернышев, министр финансов Е.Ф. Канкрин, член Государственного совета и «заместитель»²³ наместника в Царстве Польском И.Ф. Паскевича Ф.И. Энгель, министр внутренних дел Д.Н. Блудов, министр юстиции Д.В. Дашков²⁴. Состав всех членов КЗГ, подписавших секретный журнал № 426, не полностью повторяет полный состав на заседании по № 337. Среди подписавших № 426 следующие лица: председатель И.В. Васильчиков, член КЗГ А.Н. Голицын, военный министр А.И. Чернышев, министр финансов Е.Ф. Канкрин, главный начальник III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии (далее – СЕИВК) А.Х. Бенкендорф, министр государственных имуществ П.Д. Киселев, министр юстиции Д.Н. Блудов, преемник Ф.И. Энгеля в замещении наместника в Царстве Польском Д.В. Дашков, управляющий МВД А.Г. Строганов.²⁵

Таким образом, существенных структурных отличий состава секретного заседания по № 426 от полного состава КЗГ не наблюдается. На нем так же присутствовали главы ключевых ведомств и представитель наместника в Царстве Польском, к которым присоединились А.Г. Строганов в должности министра внутренних дел и П.Д. Киселев, глава нового Министерства государственных

²⁰ Журналы Комитета Западных губерний... Т. 2. С. 22.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 22.

²³ Там же. С. 21.

²⁴ Там же. С. 146.

²⁵ Там же. С. 333.

имущества, вышедшего из состава Министерства финансов. 8 апреля 1838 г. Комитет оставил умерший Н.Н. Новосильцев. Единственным существенным исключением является фигура А.Х. Бенкендорфа, не присутствовавшего на заседании полного состава по № 337.

Сравнив составы КЗГ, подписавшие журналы № 337 и № 426, мы пришли к выводу, что состав заседания по секретному журналу № 426 нельзя назвать уникальнейшим случаем. Конечно, вызывает интерес необычное в практике Комитета число сановников, подписавших журнал № 426, однако в структурном отношении отличия от описанного нами полного состава КЗГ в журнале № 337 минимальны. В секретном заседании по № 426 приняли участие те же ведомства, что и в заседании по № 337 (не считая участия А.Х. Бенкендорфа, приглашение которого на секретное заседание было вызвано участием III Отделения СЕИВК в обсуждаемом вопросе).

Не акцентируя внимания на количестве участников заседаний (девятиро против семи соответственно), можно заметить, что для собрания полного состава КЗГ было необходимо присутствие глав следующих ведомств: Военного министерства, Министерства финансов (и выделившегося 26 декабря 1837 г. из его структуры Министерства государственных имуществ), внутренних дел, юстиции и представителя наместника в Царстве Польском (в силу пограничного положения региона и специфики управления).

Таким образом, принцип комплектования и главное отличие полного состава КЗГ от неполного – присутствие глав основных ведомств, заинтересованных в относительно удобном для всего правительства решении вопросов Западного края. Здесь необходимо отметить существенное отличие от Секретного комитета по делам греко-униатским. В нем представители правительства были вынуждены скрывать подлинные намерения от официального состава Секретного комитета; корректировать и, местами, вырабатывать правительственный курс в «малом» составе, с оглядкой на реакцию «большого» состава. В КЗГ, более однородном по составу учреждении, не существовало настолько

выраженного конфликта интересов. Так, в высшей бюрократической среде сам вопрос о ликвидации униатской церкви не вызывал отторжения, но соперничество выражалось в получении преференций для своих ведомств. Предпочтение неполного состава полному в 1836–1838 гг., до интенсификации деятельности КЗГ, было обусловлено удобством собрания неполного состава членов Комитета (а, следовательно, и более частым заседаниям) и самим содержанием рассматриваемых дел, до 1839 г. зачастую носящих имущественный характер и, соответственно, редко затрагивающих интересы всех ведомств.

Таким образом, на основе отношения А.И. Чернышева к А.Н. Голицыну от 30 октября 1836 г. и журналов КЗГ № 336, № 337 и № 426 был выявлен и обоснован институт полного и неполного состава Комитета, проведены различия между этими составами, заключающиеся в большей компетентности и меньшей гибкости полного состава и удобством собрания неполного.

Перспективной задачей перед исследователем николаевских комитетов остается изучение института различных составов в других высших государственных учреждениях николаевской эпохи, его распространение и отличия. Примечательно, что в двух высших комитетах – КЗГ и Секретном комитете по делам греко-униатским – существовали два комитетских состава, но причины их разделения различались. Скрупулезное изучение этих особенностей способно пролить свет на историю бюрократии и на повседневную деятельность правительства эпохи Николая I.

Библиография

Журналы Комитета Западных губерний. Т. 1. 1831–1835 гг. / под ред. Т.В. Андреевой, И.Н. Вибе, Б.П. Миловидова, Д.Н. Шилова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 848 с.

Журналы Комитета Западных губерний. Т. 2. 1836–1840 гг. / под ред. Т.В. Андреевой, И.Н. Вибе, Б.П. Миловидова, Д.Н. Шилова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. 800 с.

Шавельский Г.И. Последнее воссоединение с Православной Церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.). СПб.: Тип. «Сельского Вестника», 1910. 380 с.

Шеститко В.В. Секретные комитеты по униатским делам и их роль в упразднении унии. // Ортодоксия. 2024. № 4. С. 72–95.

В.В. Мохиборода

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург)

Военно-административное значение Актюбинского уезда в оборонной системе Российской империи на юго-восточных рубежах (вторая половина XIX – начало XX века)

Статья посвящена выявлению военно-административного значения Актюбинского уезда в системе обороны Российской империи на юго-восточных рубежах во второй половине XIX – начале XX в. Рассматриваются причины включения казахских степей в состав империи, административные реформы, сопротивление населения и строительство Актюбинского укрепления. Анализируется роль уезда в интеграции региона, усилении военного присутствия, участии гарнизонов в Хивинском походе и Русско-японской войне. Показана деятельность казачьих подразделений, уездных начальников и значение Актюбинска как стратегического пункта управления и контроля над степью.

Ключевые слова: Актюбинский уезд, Тургайская область, Российская империя, колониальная политика, военное укрепление, казачьи войска, административная реформа, антиколониальное сопротивление.

Во второй половине XIX – начале XX в. Российская империя реализовывала масштабную программу укрепления своих южных и юго-восточных границ в условиях усложнявшейся международной обстановки и активной экспансии в Центрально-азиатском регионе. Одним из ключевых направлений этой политики стало создание устойчивой военно-административной инфраструктуры на присоединенных казахских территориях. В этом контексте важнейшее место занимал Актюбинский уезд Тургайской области, образованный в рамках административных реформ 1860-х годов.

Географическое положение уезда определяло его стратегическую роль – он находился на стыке европейской и азиатской частей империи, на пересечении старинных кочевых маршрутов, путей торговли и военного продвижения. Регион представлял интерес не только с точки зрения обороны, но и как опорная база

для контроля над кочевыми племенами Младшего жуза, проведения политики «мирного проникновения» в Среднюю Азию, а также развития экономических и транспортных связей в регионе.

Создание военной инфраструктуры – в частности, крепости Ак-Тюбе, укрепленных линий, постов и гарнизонов, – сопровождалось введением жесткой административной вертикали власти, формированием института уездных начальников и контролем над перемещениями населения. Эти меры способствовали превращению Актюбинского уезда в важный элемент военно-административной сети, обеспечивающей безопасность и стабильность на юго-восточных рубежах Российской империи.

Актуальность темы обусловлена необходимостью комплексного анализа функций периферийных территорий в стратегии укрепления границ империи и выявления механизмов, посредством которых власть интегрировала отдаленные, ранее полуавтономные районы в централизованную административную и военную систему. Исследование военно-административного значения Актюбинского уезда позволяет глубже понять характер имперской политики на окраинах, способы взаимодействия власти и местного населения, а также последствия этих процессов для политического и социального устройства региона.

В историографии военно-административного значения Актюбинского уезда можно выделить ряд ключевых авторов. А.И. Добросмыслов в своем «Тургайском очерке» (1902) впервые подробно описал расположение укреплений и уездного гарнизона, заложив эмпирическую базу для дальнейших исследований¹. Е.Б. Бекмаханов в монографии «Присоединение Казахстана к России» (1957) смотрел на Актюбинск, прежде всего, как на стратегическую базу имперской экспансии, подчеркнув его роль узлового пункта снабжения и мобилизации². Коллективная работа Н.В. Зверева, О. Мацкевича и К. Шангитбаева «Полвека созидания» (1967) рассматривала военную инфраструктуру в связке с социально-экономическим развитием уезда: строительство дорог,

¹ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Тверь, 1902. 524 с.

² Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1957. 342 с.

казарм и складов они трактовали как элементы «имперского проекта» в регионе³. Ж.К. Касымбаев в статье 1985 г. акцентировал демографический аспект: по его мнению, размещение гарнизонов и переселенцев-арендаторов формировало лояльный «имперский контингент» на юго-восточных рубежах⁴. Наконец, Б. Абдрахманова в «Истории Казахстана» (1998) провела детальный анализ нормативно-правовых актов, регулирующих взаимоотношения военных и гражданских властей, тем самым расширив представление о механизмах управления уездом как двойным – военным и административным, – институтом⁵.

Процесс включения территории Казахстана в состав Российской империи, начавшийся в 1730-х годах, завершился к 1860-м годам, совпав с периодом отмены крепостного права⁶. Интенсивное развитие капиталистических отношений в центральных губерниях России способствовало росту значения периферийных регионов, включая Казахстан, в качестве источников сырья и рынков сбыта. В этих условиях имперское правительство стремилось не только к укреплению политического контроля над краем, но и к его всестороннему экономическому и военно-административному освоению.

«Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств», утвержденное 11 июля 1867 г., официально закрепило в правовом поле Российской империи факт присоединения казахских земель, что ознаменовало собой переход к завершающему этапу их колонизации. Этот документ не только регламентировал административное устройство новых территорий, но и стал важной вехой в процессе интеграции степного населения в имперскую систему управления. Особое внимание имперская

³ Зверев Н.В., Мацкевич О., Шангитбаев К. Полвека созидания. Алма-Ата, 1967. 396 с.

⁴ Касымбаев Ж.К. Проблемы социально-экономического и этнодемографического развития городов Казахстана. Алма-Ата: КазПи, 1985. 101 с.

⁵ Абдрахманова Б. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Караганда, 2010. 242 с.

⁶ Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1957. 337 с.

власть уделяла направлению на юго-восток от Оренбурга – важнейшего военного и административного центра, служившего базой для дальнейшего продвижения вглубь казахских степей. Это направление казалось российским стратегам особенно перспективным благодаря своему экономическому потенциалу, удобным коммуникациям и возможности установления контроля над кочевыми племенами⁷.

В декабре 1868 г. в Илецком уезде была образована специальная комиссия, задачей которой стало внедрение новой системы управления в соответствии с «Временным положением» 1868 г. – ключевым документом, ознаменовавшим очередной этап административной трансформации казахских степей. Председателем комиссии был назначен новый уездный начальник Л.Н. Плотников. В состав комиссии вошли также значимые фигуры местной административной и родовой среды: В. Крейцмер (впоследствии старший помощник уездного начальника), Аймухамед Арынгазиев, а также представители влиятельной казахской семьи – Мухамедказы и его сын Мухамед-Хусаин Арынгазиевы. Привлечение представителей казахской знати к участию в реформировании управления свидетельствовало о стремлении имперской власти обеспечить лояльность местного населения через систему соучастия и посредничества⁸.

В соответствии с «Временным положением» 1868 г., комиссия под руководством уездного начальника Л.Н. Плотникова осуществила формирование новых волостей: Тузтобинской, Буртинской, Тереклинской, Аралтюбинской и Ойсыл-Каринской, а также произвела предварительное картографирование их границ⁹. Однако в районе рек Ор и Илек ее деятельность была прервана вооруженным сопротивлением казахских повстанческих отрядов под руководством С. Таева, Турдалы, О. Алласугурова и Е. Толеубаева. Комиссия оказалась в окружении

⁷ Зверев Н.В., Мацкевич О., Шангитбаев К. Полвека созидания. Алма-Ата, 1967. 396 с.

⁸ Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1978. 107 с.

⁹ Абдраманова Б. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Караганда, 2010. 242 с.

и была вынуждена отступить после обещания не возвращаться с целью проведения реформ.

Повторная попытка внедрения административной реформы в марте следующего года, предпринятая при образовании Каратугайской волости, также завершилась безуспешно после нового столкновения с отрядом И. Досова. В ответ на усиление сопротивления в Тургайскую область были направлены военные подразделения: сотни казаков и рота стрелков, дислоцированные в стратегических пунктах региона¹⁰.

Ситуация потребовала активного вмешательства администрации. Генерал-губернатор А. Крыжановский, характеризуя повстанцев как «шайки», инициировал создание двух специальных организационных комиссий: одной под председательством военного губернатора Тургайской области Г.М. Баллюзека, другой – вице-губернатора Юрковского. Обе комиссии сопровождались вооруженными отрядами¹¹.

Сопротивление населения Тургайской и Уральской областей колониальной политике России, особенно восстание 1869 г. с участием жителей Илецкого уезда, привело к усилению военного контроля и строительству укреплений. Администрация Тургайской области сочла необходимым постоянное наблюдение за «неспокойным» кочевым народом¹².

После специальных обследований, включая участие коллежского асессора Вебеля, для нового укрепления было выбрано урочище Ак-Тюбе. По одной версии, в 1869 г. генерал Благовещенский выбрал участок на холме за рекой Каргалы. Позднее, 14 мая, отряд графа Борха вытеснил местные аулы и начал строительство.

Укрепление Ак-Тюбе стало частью стратегии установления военно-административного контроля над регионом, охваченным антиколониальными выступлениями. Оно использовалось для

¹⁰ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Тверь, 1902. 524 с.

¹¹ Там же. С. 265.

¹² Касымбаев Ж.К. Проблемы социально-экономического и этнодемографического развития городов Казахстана. Алма-Ата: КазПи, 1985. 101 с.

размещения гарнизона, наблюдения, охраны коммуникаций и реализации административных преобразований.

Особое значение Актюбинского уезда в системе обороны и административного контроля Российской империи на юго-восточных рубежах было обусловлено не только его географическим положением, но и экономико-стратегической ценностью региона. Российская власть осознавала, что установление контроля над казахской степью необходимо для обеспечения безопасности Оренбургского края, развития торговли, а также для укрепления позиций в Среднеазиатском направлении. Это подтверждается словами Оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского, который подчеркивал: «Киргизская степь абсолютно необходима Оренбургскому краю и, через посредство его, России, и, что без киргизской степи обнаружился бы в хозяйстве нашем весьма чувствительный пропуск, настолько чувствительный, что пришлось бы немедленно исправлять его и ничем другим, как завладением этой же степью»¹³. Подобные взгляды отражали имперскую политику России по интеграции окраинных территорий в общегосударственную систему и подчеркивали значимость военно-административных структур, таких как Актюбинский уезд.

Согласно отчету военного губернатора Тургайской области за 1869 г., строительство Актюбинского укрепления было завершено в октябре того же года. Укреплению была выделена земельная территория площадью 8900 десятин. На зимовку 1869–1870 гг. в укреплении остался гарнизон, включавший 169 солдат, 13 артиллеристов и 14 гражданских лиц¹⁴. С 1870 г. начался активный приток переселенцев из центральных регионов России и Украины, что способствовало расширению территории города и вытеснению коренного населения¹⁵.

25 марта 1891 г. в соответствии с новым «Положением об управлении в степных областях» поселение Ак-Тюбе, наряду с

¹³ Вопросы социально-экономической истории ... С. 35.

¹⁴ Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. М., 1996. 446 с.

¹⁵ Историческая память – о переселении и освоении края // Вестник Актобе. URL: <https://avestnik.kz/istoricheskaya-pamyat/> (дата обращения: 10.05.2025).

Кустанаем, получило статус уездного города и было преобразовано в Актюбинск – административный центр вновь образованного Актюбинского уезда в составе Тургайской области Российской империи. Это преобразование отражало дальнейшее укрепление имперской административной системы на казахских землях и служило целям более эффективного управления, сбора налогов, а также содействовало расширению транспортной, военной и торговой инфраструктуры. Превращение Ак-Тюбе в уездный центр способствовало росту его стратегического значения в юго-восточной части Российской империи и усилило контроль над прилегающими кочевыми районами¹⁶.

Управление уездом осуществлялось уездными начальниками, назначаемыми императором по представлению генерал-губернатора. Они обладали административной и полицейской властью и, как правило, были дворянами, выпускниками военных учебных заведений. Например, Николай Михайлович Краснокутский, начав службу в чине полковника на должности начальника Актюбинского уезда (1887–1890), при выходе в отставку был произведен в генерал-майоры¹⁷. В уезде размещались части казахских войск – преимущественно Оренбургского казачьего войска, – охранявшие линии укреплений, поддерживавшие порядок и служившие важным элементом колониальной политики. Основные гарнизоны располагались в Актюбинске (ныне Актобе), а также в фортах Ирғиз, Эмба, Каргалинский пост и др. Форт Эмба, например, был важным опорным пунктом, контролирующим одноименную реку и дороги к Аральскому морю. Эти пункты выполняли функции обороны, снабжения, а также слежения за кочевым населением. Начальником Оренбургского отряда был военный губернатор Уральской области, наказной атаман Уральского казачьего войска генерал Н.А. Веревкин.

¹⁶ Кауфман А.А. Переселенцы-арендаторы Тургайской области. СПб., 1897. 140 с.

¹⁷ Краснокутский Н.М. // articlekz.com – электронный научный журнал. URL: <https://www.articlekz.com/article/12124> (дата обращения: 10.05.2025).

Несмотря на то, что непосредственно в Актюбинском уезде крупных боевых действий не происходило, его жители и особенно казачье население активно вовлекались в военные кампании Российской империи – например, в ходе русско-туркестанской экспансии и кампаний в Средней Азии. Так, при взятии Ташкента в 1865 г. оренбургские казаки входили в состав отрядов, участвовавших в штурме Ташкента под командованием генерал-майора Черняева.

В Хивинском походе 1873 г. участвовали девять сотен Оренбургского казачьего войска. Из них две уральские и три оренбургские сотни были в составе Туркестанского отряда. Ряду воинских подразделений в награду за мужество и храбрость были вручены Георгиевские серебряные трубы с надписью «За отличие в Хивинском походе 1873 года» или знаки на головные уборы с той же памятной надписью.

Есть упоминания о мобилизации казаков из Актюбинского уезда во время Русско-японской войны 1904–1905 гг., а также о том, что жители уезда (особенно вольнонаемные, представители казачьего сословия) служили на окраинах империи. Во время Русско-японской войны 1-й Оренбургский казачий полк, сформированный из сотен, ранее служивших в Туркестане, был отправлен на Дальний Восток. Полк участвовал в боях под Вафангоу, Ташичао и Мукденом, действуя в составе Маньчжурской армии¹⁸.

После присоединения Тургайского края в середине XIX в. в Актюбинском уезде была развернута сеть военных фортификаций, среди которых важнейшее значение имел форт Актюбинск. Он служил базой для военных операций, опорным пунктом русской администрации и центром снабжения для южных отрядов. Форты были не просто оборонительными объектами – они также выполняли функции административных узлов и мест размещения войск.

Для эффективной работы военно-административной системы в Актюбинском уезде строились дороги, телеграфные

¹⁸ Рябов И. Краткая история 1-го Оренбургского к.п. Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ. Оренбург, 1904. Вып. 2. 162 с.

линии, обозные пути. С 1870-х годов развитие инфраструктуры ускори́лось – стабильность границы зависела от скорости мобилизации. Позднее уезд стал важной тыловой базой в русско-туркестанских операциях. Военные власти сотрудничали с гражданской администрацией, а командиры часто совмещали функции: собирали налоги, решали земельные споры, контролировали переселение.

Во второй половине XIX в. стратегия империи включала «опережающее укрепление» – в уезде создавались военные и полувойенные поселения как плацдармы в интересах Российской империи. Они выполняли и культурно-интеграционную роль: открывались церкви, школы, действовали миссионеры. С конца XIX в. местное население стали привлекать к военной подготовке – казачья молодежь, крестьяне, мещане проходили строевую и огневую подготовку.

Актюбинский уезд занимал стратегически важное место в оборонной системе Российской империи, выступая не только как опорный пункт на юго-восточных рубежах, но и как ключевое звено в процессе военно-политического и административного освоения степных территорий. Его геополитическое положение, развитая сеть фортов и казачьих постов, постоянное присутствие гарнизонов и плотная интеграция военных структур в гражданскую жизнь обеспечили эффективный контроль над приграничными районами, сдерживание возможных внешних угроз и проведение имперской колониальной политики.

Военно-административная инфраструктура, созданная в уезде, способствовала не только обороне, но и расширению сферы влияния империи. Через форты, дороги, телеграфные линии и казачьи поселения в регион проецировалась государственная власть, а в политическую и культурную жизнь местного населения внедрялись российские нормы, традиции и институты. Таким образом, Актюбинский уезд стал не только военным щитом, но и «лабораторией» по трансформации периферийных земель в часть единого российского пространства.

Сегодня исследование подобных территорий позволяет глубже понять характер и методы имперского управления, а также оценить роль периферийных регионов в общей структуре

исторического развития России. Актюбинский уезд – яркий пример того, как военные интересы определяли вектор административной, демографической и инфраструктурной политики на окраинах империи.

Библиография

Абдрахманова Б. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Караганда: Гласир, 2010. 242 с.

Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата: АН СССР, 1957. 337 с.

Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. М.: Наука, 1996. 446 с.

Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Казахстана: сб. ст. Алма-Ата: КазГПИ, 1978. 107 с.

Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Тверь: Типо-Литография Н.М. Родионова, 1902. 524 с.

Зверев Н.В., Мацкевич О., Шангитбаев К. Полвека созидания. Алма-Ата: Казахстан, 1967. 396 с.

Историческая память – о переселении и освоении края [Электрон. ресурс] // Вестник Актобе. URL: <https://avestnik.kz/istoricheskaya-pamyat/> (дата обращения: 10.05.2025).

Касымбаев Ж.К. Проблемы социально-экономического и этнодемографического развития городов Казахстана // Тематический сб. науч. трудов профессорско-преподавательского состава ВУЗов Мин. просвещения Казах. ССР. Алма-Ата: КазПИ, 1985. 101 с.

Кауфман А.А. Переселенцы-арендаторы Тургайской области. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1897. 140 с.

Краснокутский Н.М. [Электрон. ресурс] // articlekz.com – электрон. науч. журн. URL: <https://www.articlekz.com/article/12124> (дата обращения: 10.05.2025).

Рябов И. Краткая история 1-го Оренбургского к.п. Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ. Оренбург: Типо-Литография Б.А. Бреслина, 1904. 162 с.

П.И. Христникова
Амурский гуманитарно-педагогический государственный уни-
верситет
(Комсомольск-на-Амуре)

Троцкий в Брест-Литовске: опыт «переживания»

В статье исследуется опыт проживания Л.Д. Троцким мирных переговоров в Брест-Литовске. Автор, используя термин «переживание» Х.Г. Гадамера и концепцию эмотивов Уильяма Редди, изучает эго-документы (автобиография «Моя жизнь» и стенограмма переговоров в Бресте), в которых прослеживается, как Троцкий проживал переговоры в Бресте. В зависимости от трудности переговоров и давления со стороны представителей Германской империи описание событий менялось в сторону преобладания эмоций (от инициативы заключения мира до переговоров «как пытки»). Автор приходит к выводу, что включение «пространства опыта» Троцкого в общий исторический контекст позволяет выявлять факторы (страх переговоров, манипуляция со стороны немцев и т.д.), которые оказывали влияние на современника при описании мирных переговоров.

Ключевые слова: Л.Д. Троцкий, мирные переговоры, Брест-Литовск, эго-документы, «переживание», эмотивы.

Для понимания исторических событий мало понимать их ход, также необходимым является изучение чувств, эмоций, восприятий, переживаний современников. Подобную информацию можно увидеть в эго-документах, которые расширяют наше понимание прошлого. Под эго-документами, как пишет Я.А. Голубинов, понимается «такой тип текста, в котором доминирует авторская (субъектная) линия»¹. Данный тип текста мы будем использовать для ответа на вопрос о том, как Л.Д. Троцкий проживал переговоры в Брест-Литовске.

В историографии достаточно подробно освещается ход мирных переговоров и роль Троцкого в них. В статье А.В. Репникова и Л.В. Ланника рассматриваются дневниковые записи историка

¹ Голубинов Я.А. Эго-документы как способ конструирования личной и семейной истории: случай Петра и Михаила Герасимовых [Электронный ресурс] // Genesis: исторические исследования. 2019. № 12. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31568 (дата обращения: 12.02.2025)

М.Н. Покровского, который являлся одним из участников мирных переговоров в Брест-Литовске. Затрагивается проблема большого количества неопубликованных ценных мемуарных свидетельств участников мирной конференции². В статье историка Д.О. Михалева говорится о заключении Брестского мира. Автор считает, что главной является отчетливая роль фактора личности в международных отношениях, которая подтверждается примером действий Л.Д. Троцкого на переговорах (например, в процессе обсуждения большевиками вопросов заключения сепаратного мира)³. В книге «Брест-Литовск. 100 лет истории переговоров о мире» С.Н. Полторак отмечает, что деятельность Троцкого в переговорах признается в литературе малоизученной⁴. Следовательно, в историографии через воспоминания современников рассматриваются ход переговоров и заключение Брестского мира, однако освещению деятельности Троцкого на мирных переговорах уделено недостаточное внимание. Для нас являются актуальными дальнейшее изучение деятельности Л.Д. Троцкого в мирных переговорах в Брест-Литовске и прослеживание опыта «переживаний» события через эго-документы.

В методологическом отношении для нас важным является термин «переживание» в понимании Х.Г. Гадамера. Согласно Гадамеру, глагол «erleben» указывает на «непосредственность и сиюминутность акта переживания», а существительное «Erlebnis» рассматривается «как категория, связывающая во едино преходящий момент переживания и след, оставленный им в душевном мире субъекта: что-то становится “переживанием”... не только постольку, поскольку оно переживается, но и постольку, будучи пережитым, оно оставляет впечатление,

² Репников А.В., Ланник Л.В. Историк М.Н. Покровский о мирных переговорах в Брест-Литовске // Россия и современный мир. №3(112). 2021. С. 180–214.

³ Михалев Д.О. Переговоры о Брестском мире как отражение влияния фактора личности в международных отношениях // Человеческий капитал. №6 (174). 2023. С. 81–88.

⁴ Полторак С.Н. Брест-Литовск. 100 лет истории переговоров о мире. СПб., 2018. 292 с.

придающее ему длящееся значение»⁵. Для выявления эмоций, которые испытывал Троцкий, мы используем концепцию эмотивов Уильяма Редди. В ней упоминается, что существует связь между эмотивом и эмоцией, которая является важным элементом при изучении «переживаний». Под эмотивом понимается перформативное высказывание об эмоции⁶. Таким образом, используя данную концепцию и подход, мы прослеживаем опыт проживания переговоров в Брест-Литовске Л.Д. Троцким.

Значительное место в автобиографии Л.Д. Троцкого «Моя жизнь», написанной в период его эмиграции, занимала глава с описанием переговоров в Брест-Литовске. Хронологически она охватывает период с 26 октября 1917 г. по 7 февраля 1918 г. Глава начинается с демонстрации роли Троцкого в событиях: 7 ноября он «по радиотелеграфу обратился к государствам Антанты и центральным империям с предложением заключить общий мир»⁷. Вероятно, таким образом Троцкий пытался подчеркнуть свою значимость в процессе подготовки заключения мира.

В контексте игнорирования странами Антанты большевистских предложений о мире В.И. Ленин принял решение о затягивании переговоров, определив необходимость «затягивателя». На эту роль хорошо подходил Л.Д. Троцкий, который отправился в путь, как пишет он сам, «как на пытку»⁸. Троцкий, который никогда не боялся и представлял себя массам как вождя, вдруг упоминает страх, неуверенность, что прослеживается в его описании: «Среда чужих и чуждых людей всегда пугала меня, а здесь особенно»⁹. В данном случае мы наблюдаем переживание момента, которое совмещает в себе анализ происходивших событий и эмоциональную оценку. Вероятно, Троцкий осознавал, с одной стороны, нежелание, прикрытое показательно дружеским отношением, немцев подписывать какие-либо взаимовыгодные мирные договоренности, а с другой стороны, осознавал слабость

⁵ Зорин А.Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца – начала века. 2-е изд. М., 2024. 568 с.

⁶ Плампер Я. История эмоций. М, 2024. 568 с.

⁷ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. Берлин, 1930. 352 с.

⁸ Там же. С. 87.

⁹ Там же.

позиции большевиков на данных переговорах, что понимали и немцы. Численное превосходство немцев в военной силе лишало переговоры иллюзорного равенства сторон, в связи с чем в воспоминаниях Троцкого и возникают описанные выше эмоции¹⁰.

В стенограмме переговоров в Бресте 1918 г. Троцкий также отмечает изолированность, которая тревожит не только его, но и других членов большевистской делегации: «Вполне соглашаясь с мыслью господина Представителя Германской делегации, что для “ведения переговоров атмосфера, в которой они протекают, имеет величайшее значение”, и не входя в обсуждение того, насколько атмосфера Брест-Литовской крепости, в главной квартире неприятельских армий, под контролем немецких властей создает все невыгоды искусственной изоляции, которые не возмещаются услугами прямого провода...Эта атмосфера изоляции тревожит общественное мнение нашей страны»¹¹. Атмосфера изолированности влияла не только на описания Троцкого, но и беспокоила народное мнение¹². Применяя глагол «переживание», предложенный Гадамером, мы видим, что пережитое чувство страха и тревоги оставляет впечатление, которое имеет длящееся значение. Таким образом, эмоции, отмеченные в 1918 г., оставались актуальными и в момент написания главы о Брестском мире в 1926–1930 гг.

Во время принятия делегации немцы создавали ощущение дружеских отношений, точнее фальшиво-дружеских, как отмечает Троцкий. «Немцы рассаживались вперемежку с нашими и старались “дружески” вынудить, что им было нужно»¹³, то есть происходила эмоциональная манипуляция ради достижения цели. И действительно, в документах мы можем увидеть некую манипуляцию со стороны представителей Германской империи.

¹⁰ История первой мировой войны 1914–1918 гг./ А.М. Агеев, Д.В. Вержховский, В.И. Виноградов, В.П. Глухов, Ф.С. Криницын, И.И. Ростунов, Ю.Ф. Соколов, А.А. Строков. Под редакцией доктора исторических наук И.И. Ростунова. М.: Наука, 1975. 986 с.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8321. Оп. 1. Д. 40. Л. 9.

¹² Там же. Л. 2.

¹³ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии... Т. 2. С. 88.

В стенограмме Троцкого отмечалось, что они доводят до сведения народов не все официальные заявления русской делегации, тем самым создавая выгодные для себя настроения¹⁴.

Замечая всю абсурдность ситуации, Троцкий принял решение закончить «фамильярные отношения, незаметно сложившиеся в первый период. Через наших военных я дал понять, что не намерен представляться баварскому принцу. Я потребовал раздельных обедов и ужинов, сославшись на то, что нам во время перерывов необходимо совещаться»¹⁵. В дальнейшем описании переговоров мы видим, что Троцкий резко воспринимал действия немцев: «Мы, революционеры – разъяснял я Кюльману, – но мы и реалисты, и мы предпочитаем прямо говорить об аннексиях, нежели подменивать подлинное название псевдонимом»¹⁶.

Изучив в эго-документе опыт «переживания» мирных переговоров в Брест-Литовске отдельно взятой личности, мы можем сделать вывод, что, в зависимости от трудности переговоров и давления со стороны германцев, описания событий менялись в сторону преобладания эмоций (от инициативы заключения мира до переговоров «как пытки»). Такое описание событий остается неизменным как в стенограмме 1918 г., так и в главе о Брестском мире, которая была написана в 1926–1930 гг. Также отметим, что для понимания того, что написал Троцкий в своих мемуарах, важно включать его «пространства опыта» в общий контекст. Это позволяет нам выявлять факторы, оказывающие влияние на современника при описании исторических событий. Таким образом, факторами являлись: страх переговоров; изолированная обстановка, которая сопровождалась фальшиво-дружескими отношениями; замалчивание сведений со стороны германской делегации; манипуляции со стороны немцев; слабость позиции большевиков. Под воздействием всех этих факторов мы наблюдаем то, что Троцкий проживал мирные переговоры, испытывая различные негативные эмоции: страх, тревогу, злость.

Библиография

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-8321. Оп. 1. Д. 40. Л. 9.

¹⁵ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии... Т. 2. С. 90.

¹⁶ Там же. С. 100.

Голубинов Я.А. Эго-документы как способ конструирования личной и семейной истории: случай Петра и Михаила Герасимовых [Электронный ресурс]// Genesis: исторические исследования. 2019. № 12. URL.: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31568 (дата обращения: 12.02.2025)

Зорин А.Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца – начала века / Андрей Леонидович Зорин. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 568 с.

История первой мировой войны 1914–1918 гг./ А.М. Агеев, Д.В. Вержховский, В.И. Виноградов, В.П. Глухов, Ф.С. Криницын, И.И. Ростунов, Ю.Ф. Соколов, А.А. Строков. Под редакцией доктора исторических наук И.И. Ростунова. М.: Наука, 1975.

Михалев Д.О. Переговоры о Брестском мире как отражение влияния фактора личности в международных отношениях// Человеческий капитал. №6 (174). 2023. С.81 – 88

Плампер Я. История эмоций / пер. с англ. К. Левинсона. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 568 с.

Полторак С.Н. Брест-Литовск. 100 лет истории переговоров о мире. СПб.: ООО «Издательский центр «ОСТРОВ», 2018. 292 с.

Репников А.В., Ланник Л.В. Историк М.Н. Покровский о мирных переговорах в Брест-Литовске // Россия и современный мир. №3(112). 2021. С. 180–214.

Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. II. Берлин: Из-во «Гранит», 1930. С. 352.

Г.О. Ковалев
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова (Москва)

Проблемы функционирования Пленума Моссовета в 1918–1922 гг.

Статья посвящена вопросу работы основного столичного органа власти в годы Гражданской войны и период монополизации в нем власти большевиками. На основе систематизации и анализа статистических источников, стенограмм заседаний Пленума и записей участников событий определены основные проблемы, возникавшие в ходе заседаний Московского Совета, рассмотрен социальный состав делегатов и выявлены возможные причины развития кризисных явлений. Сделан вывод, что в связи с подконтрольностью Совета партии большевиков и ростом удельного веса служащих среди делегатов проблемы сокращения частоты созыва заседаний и низкой инициативности делегатов не только не были решены, но и поспособствовали формированию бюрократического аппарата взамен демократического органа самоуправления.

Ключевые слова: Московский Совет, Пленум, бюрократизация, служащие, стенограммы заседаний.

Период 1918–1922 гг. для главного столичного органа управления – это время организации собственной структуры и одновременно монополизации власти большевиками. Новая принятая теория права отрицала принцип разделения властей и считала предпочтительным подчинение всех вопросов волеизъявлению класса большинства – пролетариата¹, чья диктатура и определялась в качестве «*полного развития демократии*»². Работой, наиболее полно описывающей деятельность Моссовета в 1918–1922 гг., остается труд Н.М. Алещенко³, в то время как современные исследования по политическому положению в рассматриваемый период (например, “The Russian Revolution in

¹ Россия, конечно, отличалась от идеального типа, как минимум поскольку абсолютным большинством населения было крестьянство, что сказывалось и на депутатском корпусе.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений Т. 30. М., 1973. С. 72.

³ Алещенко Н.М. Московский Совет в 1917–1941 гг. М., 1976. 592 с.

Retreat 1920–1924” Саймона Пирани⁴) акцентируют свое внимание на внутрипартийных изменениях, подчинении Советов партийным органам⁵, разбирают его политический состав⁶, но опускают вопросы функционирования Моссовета, с чем связана актуальность данной работы. В силу издания труда Алещенко в 1976 г. многие кризисные явления в нем смягчаются или даже обходятся стороной. Источниковой же базой этой работы являются отчетные сборники самого Моссовета за 1920 и 1927 гг., сохранившиеся печатные стенографические отчеты рассматриваемого периода и работа меньшевистского депутата Моссовета Двинова о переходе РСДРП в подполье.

Если говорить непосредственно о людях, заседавших в Совете, то надо отметить, что представительство в нем, а соответственно и допущение партий до выборов в Пленум, было возможным при соблюдении нескольких условий: в первую очередь было нужно признавать «завоевания Октября», вторым обязательным условием было согласие на передачу наркоматов труда, внутренних и иностранных дел партии большевиков⁷.

Среди сохранившихся стенограмм пленарных заседаний можно обнаружить выступление члена мандатной комиссии Б.А. Бреслава в 1921 г.: он, указав на немногочисленные факты отказа в регистрации депутатов, отметил широту представительства (избирательные права имели 88% взрослого населения столицы)⁸ и тот факт, что все решения о принятии или непринятии депутата комиссия, в полном составе состоявшая из троих

⁴ Пирани С. Русская революция в отступлении. М., 2013. 480 с.

⁵ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. 272 с.

⁶ Гусев А.В. Выборы в Московский Совет в 1918–1939 гг. // От Московской городской Думы к Моссовету. 1917–1993 гг.: материалы научно-практической конференции (Москва, 25 апреля 2019 г.). М., 2019. С. 143–152.; Гусев А.В., Гусева Ю.В. Власть и оппозиция на выборах в Москве в 1918–1922 гг.: Как Моссовет стал однопартийным // Жить историей и думать о будущем. Сборник статей и материалов к 60-летию доктора исторических наук К.Н. Морозова. М., 2021. С. 420–434.

⁷ Красная Москва, 1917–1920: [сборник Статистического отдела Московского Совета р. к. и к. д.] / под общ. ред. Л.Б. Каменева и Н.С. Ангарского. М.: Московский совет р., к. и кр. д., 1920. С. 19–21.

⁸ Пользовался ими только 51% – 364 тыс. москвичей.

коммунистов и двоих беспартийных, принимала всегда единогласно⁹. Важнейшим элементом контроля депутата рабочими было право его отзыва¹⁰, при этом формально срок полномочий депутатов ограничивался тремя месяцами, а в случае неполноты депутатского корпуса необходимо было производить довыборы на фабриках *«по стандартной формуле один от двух до пяти сот и сверх пяти сот по одному»*: то есть по одному депутату с предприятия, на котором числилось от двух до пяти сотен человек, и по два, если количество рабочих превышало полтысячи.¹¹

Говоря о типичном депутате Моссовета рассматриваемого периода, надо отметить несколько факторов. По профессии это – рабочий: на май 1918 г. таковых было 71,84%, и за четыре года этот процент изменился незначительно, периодически даже уменьшаясь¹². Виной тому было не только сокращение населения и снижение производства в городе, но и постоянные мобилизации рабочих-коммунистов. Обычно они проводились для пополнения идейного «костяка» на фронте, однако причины могли быть и иными: так, прямо на Пленуме Моссовета 27 мая 1919 г. была объявлена мобилизация ¼ коммунистов в пользу Петросовета¹³. Однако нельзя забывать, что российские рабочие начала XX в. в абсолютном своем большинстве имели крестьянское происхождение, что отмечали даже непосредственно на пленарных заседаниях¹⁴.

⁹ Стенографические отчеты заседаний Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов. М., 1921. №7. 14 с.

¹⁰ Московский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1917–1927.: Сборник. М., 1927. С. 117.

¹¹ Заседание Пленума М. С. Р. и К. Д. 28-го января 1919 года // Стенографические отчеты заседаний Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. М., 1919. №3. С. 33.; Предприятия, численность рабочих которых была менее двухсот, объединялись в рамках выборов, пока не набиралось необходимое число рабочих. *Алещенко Н.М.* Московский Совет в 1917–1941... С. 78.

¹² Красная Москва... С. 2–3, 39.

¹³ Заседание Пленума М. С. Р. и К. Д. 27-го мая 1919 года // Стенографические отчеты заседаний Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. М., 1919. №15. С. 232.

¹⁴ Соединенное заседание Пленумов М. С. Р. и К. Д., Московского Губернского Совета Профессиональных Союзов, правлений профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов 2 июня 1920 года // Стенографические отчеты

Заметная часть делегатов Моссовета первых лет имела уже политический опыт, опыт революционной борьбы: четверть депутатов Моссовета из числа избравшихся к 1920 г. до того привлекалась по политическим статьям, 1/5 сидела в тюрьмах, более сотни побывало в ссылке и на каторге, более полусотни были эмигрантами¹⁵.

Общий портрет среднестатистического депутата Моссовета изменялся мало: это был русский женатый мужчина, имевший начальное или домашнее образование. Однако были и действительно важные отличия: со временем депутатский корпус омолаживался (если изначально наиболее распространенной возрастной категорией была «от 31 до 35 [лет]»¹⁶, то уже к 1 марта 1920 г. таковой стала «от 26 до 30»¹⁷, еще более важным структурным сдвигом было то, что, хотя по профессии абсолютное большинство (74,8%) депутатов оставались рабочими, большая их часть по роду деятельности принадлежала к различным служащим¹⁸, то есть процент рабочих сократился до 31,85, в то время как показатель служащих в зависимости от включаемых в подсчет категорий превышал 40 или даже 50%.¹⁹

Параллельно развивались некоторые тенденции и в работе органа как такового. Количество заседаний Пленума в год неуклонно сокращалось: оперируя информацией за 1920 г., можно увидеть, что в 1918 г. Пленум собирался 42 раза, в 1919 – 28 раз, а за восемь первых месяцев 1920 – 15 раз²⁰. При этом удельный вес торжественных заседаний, на которых обычно большевистские вожди (Ленин, Троцкий, Бухарин, Радек) выступали перед объединением Пленума Моссовета и представителей фабзавкомов, комитетов советских служащих и даже ВЦИКа и

заседаний Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. М., 1920. №6. С. 104–105.

¹⁵ Красная Москва... С. 2–3.

¹⁶ 33,95%.

¹⁷ 32,96% вместо 23,59% на 01.05.1918. Процентаж категории «от 31 до 35» снизился до 25,39%.

¹⁸ Надо отметить, что даже за 1 мая 1918 показатели и рабочих, и служащих в графе «род деятельности» колебались в районе 40%

¹⁹ Красная Москва... С. 39–48.

²⁰ Красная Москва... С. 5.

ВЦСПС, к 1920 г. заметно увеличился. Уже в стенограммах января 1919 г. можно обнаружить свидетельства того, что заседания собираются не на регулярной основе. Так, объясняя свое требование включить в повестку продовольственный вопрос, «голос с места» заявил: «Тем более, что Совет может собраться через полгода. Правда, одно время он был довольно часто, но теперь собирается очень редко»²¹. Из записи ноябрьского заседания 1919 г. также очевидно, что Пленум не собирался раз в две недели, как было положено, поскольку в нем зафиксированы призывы к восстановлению этого порядка²².

Рассмотрим, как проходили ставшие редкими заседания. Из стенограмм можно извлечь регламенты двух собраний 1920 г.: пленарного заседания Моссовета за 23 марта²³ и совещания председателей уездных, волостных и сельских Исполнительных комитетов Московской губернии совместно с Пленумом Моссовета, которое проходило с 15 по 17 октября²⁴. Хотя между этими регламентами и есть различие, их рассмотрение и использование для обобщения относительно пленумов в целом представляется корректным, поскольку, во-первых, различие заключается, главным образом²⁵, во времени, предоставлявшемся выступающему (в регламенте объединенного совещания все позиции увеличены в основном в полтора – два раза, что может быть связано как с

²¹ Заседание Пленума М. С. Р. и К. Д. 13-го января 1919 года // Стенографические отчеты заседаний Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. М., 1919. №1. С. 1.

²² Заседание Пленума М. С. Р. и К. Д. 25-го ноября 1919 года // Стенографические отчеты заседаний Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. М., 1919. №23. С. 368.

²³ Пленарное заседание М. С. Р. и К. Д. 23-го марта 1920 года // Стенографические отчеты заседаний Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. М., 1920. №2. С. 17.

²⁴ Совещание председателей уездных, волостных и сельских Исполнительных комитетов Московской губ. совместно с Пленумом Московского Совета 15–17 октября 1920 года // Стенографические отчеты заседаний Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. М., 1920. №13. С. 221.

²⁵ Уникальным зафиксированным элементом регламента мартовского Пленума является наличие требования кворума в 1/3 депутатов.

масштабом собрания, так и со сложностью проведения совещания с представителями крестьянства)²⁶. Во-вторых, приведенные пункты регламента соответствуют тому, как проходили застеностенографированные пленарные заседания, и в-третьих, регламент заседаний мог изменяться непосредственно в ходе обсуждения по предложению, поступавшему председателю. Структура работы заседания была такова: сперва выступал докладчик, у которого могли быть (обычно таковых не имелось) содокладчики, в ходе этого председателю собрания поступали записки с запросами на комментарий, которые изредка допускались в количестве, ограничиваемом голосованием о прекращении прений, выставлявшемся председателем, обычно в связи со следующей запиской с соответствующей просьбой; в большинстве случаев при прениях и обсуждении предложений должны были выступать двое, один – за, другой – против, причем в обсуждениях по одному вопросу обычно можно было высказаться два раза²⁷. В финале на все комментарии отвечал первоначальный докладчик, после чего выносились резолюции и происходило голосование. В реальности некоторые аспекты этой схемы нарушались на постоянной основе: строгое и часто повторявшееся председателями заседаний правило о необходимости подавать все свои комментарии и предложения в письменной форме очень часто не соблюдалось, в связи с чем почти все изученные стенограммы содержат реплики за авторством «голоса» или «голоса с места». Время, предоставлявшееся выступавшим, почти всегда сокращалось и само по себе было объектом прений, иногда весьма ожесточенных²⁸.

Очень часто председатель ставил на голосование прекращение прений почти сразу после доклада. Эта особенность может

²⁶ Время предоставлявшееся докладчикам могло колебаться от 10 (иногда в случае изменения регламента в ходе собрания даже 5) минут до часа в зависимости от длительности заседания, темы доклада и личности выступавшего.

²⁷ Второе выступление должно было быть короче, так, в соответствии с регламентом октябрьского собрания, на первое выступление давалось 15 минут, а на второе – 5.

²⁸ Заседание Пленума М. С. Р. и К. Д. 25-го февраля 1919 года // Стенографические отчеты заседаний Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. М., 1919. №6. С. 85.

показаться приемом контроля дискуссии и иногда таковым и являлась, но не стоит ее считать подобным образом повсеместно: когда в ноябре 1919 г. председатель завершил заседание, поскольку в зале было холодно²⁹, это, скорее всего, соответствовало действительности³⁰; если он заявлял, что поступила записка с предложением прекращения прений, с высокой долей вероятности таковая действительно имела место. В данном случае особо показателен пример, когда после доклада Смидовича о поездке в прифронтовую зону один из депутатов выступил с речью: «Предлагаю открыть прения и дать возможность обменяться мнениями, а то мы приходим сюда только для голосования, как будто не считаем нужным обмениваться мнениями» – однако в ответ поступило высказывание другого депутата: «Я поддерживаю предложение не открывать прений» – оно было поддержано большинством³¹. В указанной цитате идет речь о голосовании как основном действии депутатов совета, однако резолюции, которые получали одобрение Пленума, почти всегда исходили от самой многочисленной фракции – фракции РКП(б). Говоря о последнем упомянутом случае, надо отметить, что Смидович напрямую ответил о бессмысленности добавления пустых формулировок в текст резолюции и добавил, что конкретику и формулировки нужно разрешать во фракции, а не на заседании Совета³². Если же нужно было разработать некий текст именно в рамках проходившего заседания, то председатель объявлял перерыв для обсуждения фракции³³, даже не указывая множественное число, по сути показывая, что сама организация процесса сведена

²⁹ Заседание Пленума М. С. Р. и К. Д. 25-го ноября 1919 года... С. 366.

³⁰ Однако это также и не значит, что холод не является просто удобным предлогом: в ходе подразумеваемого заседания активно выступали ораторы-меньшевики.

³¹ Заседание Пленума М. С. Р. и К. Д. 29-го апреля 1919 года // Стенографические отчеты заседаний Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. М., 1919. №11. С. 177.

³² Там же. С. 178.

³³ Заседание Пленума М. С. Р. и К. Д. 11-го июня 1920 года // Стенографические отчеты заседаний Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. М., 1920. №7. С. 114.

к нуждам коммунистов. Еще более ярким примером являются выборы, проходившие в рамках заседаний Моссовета: анализируя стенограммы пленарных заседаний 20 и 27 мая 1919 г., можно наблюдать, как на первом заседании фракция коммунистов переносит перевыборы Исполкома на следующее, а через неделю ее список поддерживается в голосовании единогласно за исключением шести воздержавшихся³⁴.

Наконец, еще одной проблемой была представительность Моссовета с точки зрения кворума. Даже в обсуждениях с постоянной периодичностью обозначалось малое количество людей в зале³⁵, постоянной проблемой был уход части депутатов еще до конца заседания³⁶. Тот же делегат, что пытался санкционировать прения по докладу Смидовича, заявлял о резолюции: «...надо принять ее не в составе 10–15 человек»³⁷.

Важнейшим изменением структуры Моссовета за рассматриваемый период было его слияние с губернскими органами в Московский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Дискуссия об этом, происходившая на заседании Пленума 11 июня 1920 г., сразу обозначила целый ряд проблем: выступавший против представитель левого крыла меньшевиков О.А. Ерманский выделял два ключевых аспекта: слияние городских и деревенских органов обещало повлечь за собой размытие «пролетарскости»³⁸ и угрожало развитию демократичности³⁹. В

³⁴ Заседание Пленума М. С. Р. и К. Д. 20-го мая 1919 года // Стенографические отчеты заседаний Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. М., 1919. №14–15. С. 213.; Заседание Пленума М. С. Р. и К. Д. 27-го мая 1919 года... С. 225.

³⁵ Заседание Пленума М. С. Р. и К. Д. 25-го февраля 1919 года... С. 85.

³⁶ Заседание Пленума М. С. Р. и К. Д. 11-го февраля 1919 года // Стенографические отчеты заседаний Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. М., 1919. №4. С. 56.; Заседание Пленума М. С. Р. и К. Д. 18-го февраля 1919 года // Стенографические отчеты заседаний Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. М., 1919. №5. С. 73.

³⁷ Заседание Пленума М. С. Р. и К. Д. 29-го апреля 1919 года... С. 177.

³⁸ Явная обоснованность подобных опасений станет очевидна при рассмотрении социального портрета депутата Моссовета.

³⁹ Ерманский указывал, что даже в Москве в реальности некоторые райсоветы почти не функционируют, в селах же, по сути, вместо них работают Исполкомы. Губсъезды собирались всего два раза в год, в остальное время ответственными

итоге был разработан проект губернского съезда московских делегатов, согласно которому столичных делегатов должно было быть на десяток больше, чем губернских⁴⁰. Вероятно, таким образом большевики хотели гарантировать контроль региональной составляющей со стороны столичной.

Первый после объединения Советов Губернский съезд, созванный совместно с Пленумом Моссовета⁴¹, выявил явную диспропорцию: представительство уездов составляло лишь 13% против 87% столицы, официально заявлявшийся впоследствии удельный вес крестьян был и того меньше – 3,2%. Только спустя какое-то время соотношение количества представителей стало соответствовать принятому проекту⁴².

Даже имея куда более ограниченный круг источников по избранному временному промежутку, можно констатировать, что обозначенные проблемы не исчезли: на собрании 24 августа 1920 г. по предложению «голоса» в повестку дня были добавлены текущие дела, в обосновании его заявления звучала формулировка: «деловых заседаний Пленума давно не было»⁴³. На пленарном заседании⁴⁴, предположительно проходившем 30 ноября того же года, один из делегатов отмечал, что обсуждения, по сути, не происходило, никто не давал комментариев, и это не Пленум решал вопросы, а Президиум им руководил⁴⁵. Наконец, обращаясь к записям Двинова, мы вновь обнаруживаем упоминания и долгих перерывов между заседаниями Совета, и «нудных» докладов, и делегатов, расхаживавших прямо во время заседания. В описании

и так были региональный Исполком и Пленум Моссовета. Объединение губернских органов со столичными, по его мнению, должно было полностью уничтожить надежду на большее проявление советской активности в деревне. Заседание Пленума М. С. Р. и К. Д. 11-го июня 1920 года... С. 111–112.

⁴⁰ Там же. С. 113–114.

⁴¹ Речь идет об XI Губернском съезде Советов Московской губернии.

⁴² Московский совет рабочих крестьянских и красноармейских депутатов 1917–1927... С. 129.

⁴³ Заседание Пленума М. С. Р., К. и К. Д. 24-го августа 1920 года // Стенографические отчеты заседаний Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. М., 1920. №10. С. 171.

⁴⁴ Проходило совместно с Пленумами райсоветов.

⁴⁵ Стенографические отчеты заседаний Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. М., 1920. №16. 16 с.

даже проскальзывает такая формулировка, как обращенные к меньшевикам «умоляющие взоры» Каменева, пытавшегося никого не выпускать – видимо, он как председатель надеялся, что выступление какого-либо представителя оппозиции поспособствует привлечению интереса и предотвратит уход делегатов⁴⁶.

Пленум, будучи системообразующим органом Совета с точки зрения первоначальной идеи, так и не стал таковым за период 1918–1922 гг. Зародившиеся еще на начальном этапе проблемы низкой субъектности делегатов, подконтрольности собраний МК РКП(б) и общей хаотичности заседаний никуда не исчезли, более того, если последняя, возможно, со временем и сократилась, то произошло это в том числе и из-за укоренения и усугубления первых двух обозначенных проблем. Таким образом, частота собраний Пленума только сокращалась, к рабочим, крестьянам и красноармейцам в названии все более на первое место следовало добавить еще и служащих, и сам Пленум Моссовета все больше превращался в еще одну часть проводившего партийную линию разветвленного бюрократического советского аппарата.

Библиография

Алеценко Н.М. Московский Совет в 1917–1941 гг. / Н.М. Алеценко. М.: Наука, 1976. 592 с.

Гусев А.В. Выборы в Московский Совет в 1918–1939 гг. // От Московской городской Думы к Моссовету. 1917–1993 гг.: материалы научно-практической конференции. (Москва, 25 апреля 2019 г.). М.: Московская городская Дума, 2019. С. 143–152.

Гусев А.В., Гусева Ю.В. Власть и оппозиция на выборах в Москве в 1918–1922 гг.: Как Моссовет стал однопартийным // Жить историей и думать о будущем. Сборник статей и материалов к 60-летию доктора исторических наук К.Н. Морозова / сост. А.Ю. Морозова, А.Ю. Суслов. М., 2021. С.420–434.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений Т. 30. М.: Издательство политической литературы, 1973. 590 с.

⁴⁶ *Двинов Б.Л.* От легальности к подполью. (1921–1922). Stanford, 1968. С. 87.

Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы / ред. Л.Г. Аслаянц. М.: Русское книгоиздательское товарищество – История, 1997. 272 с.

Пирани С. Русская революция в отступлении / Пирани Саймон. М.: Новый хронограф, 2013. 480 с.

В.В. Первушин

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск)

Дискуссии о ведении антирелигиозной пропаганды на страницах газеты «Правда» в 1920-е годы: проблема репрезентации образа христианской церкви

Статья посвящена изучению опубликованных в газете «Правда» в 1920-е годы рецензий и критических материалов, отражавших особенности ведения антирелигиозной пропаганды и создания образа христианской церкви, который большевики намеревались сформировать среди масс. Проведенный анализ показывает, что рецензии выступали средством оценки качества произведений культуры и способом обратить внимание читателя на них или, напротив, предостеречь. Объектами внимания становилась научная и художественная литература, театральные пьесы и кинофильмы, касавшиеся темы религии и церкви. В ходе исследования был определен набор основных показателей приемлемого произведения: соответствие идеологии, актуальность поднимаемой автором проблемы, высокий пропагандистский потенциал, реализм и увлекательность повествования.

Ключевые слова: образ церкви, историческая имагология, государственно-церковные отношения, критика, антирелигиозная пропаганда, партийная периодика, газета «Правда».

К изучению проблемы взаимоотношений государства и церкви обращаются исследователи из разных областей знания, в том числе и историки¹. Особое место в истории государственно-

¹ Агаджанян Э.А. Трансформация государственно-церковных отношений в России: исторический аспект // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VII Международной научн. конф., (Донецк, 27–28 октября 2022 г.) Донецк, 2022. Том 7. С. 147–149; Ибрагимов Р.Р. Внешнеполитический фактор в государственно-церковных отношениях в СССР в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2022. Т. 42. № 2. С. 73–82; Павлушков А.Р. Значение Устава духовных консисторий для развития государственно-церковных отношений // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории : сборник материалов III Всероссийской научн. конф. с междунар. участием, (Чебоксары, 29 сентября 2023 г.). Чебоксары, 2023. С. 181–184; Хрущев С.В. Программа систематизации законодательства М.М. Сперанского в контексте упорядочения

церковных отношений занимает период 1920-х годов². В это время происходило формирование основ антирелигиозной политики советского государства. Атеистическая пропаганда была одной из ее составляющих, призванной сформировать негативное представление советских граждан о церкви и религии. Не последнюю роль в решении вопроса играла периодическая печать, в частности, газета «Правда» – главный печатный орган партии большевиков.

Газета привлекается исследователями для решения широкого круга вопросов³. Однако этого нельзя сказать о материалах «Правды» при изучении антирелигиозной политики РКП(б)-ВКП(б). В большей степени востребованы публикации, излагающие позицию советского и партийного руководства⁴. Данный

узаконений в сфере церковного права (1826–1850-е гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2025. Т. 11. № 1. С. 453–460.

² Цыпин В.А., *прот.* История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2010. 816 с.; Смыкалин А.С. Государственно-конфессиональные отношения в СССР. 1917–1930 гг. // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 5 (95). С. 17–23; Еремичина С.А. Основные тенденции в политике советской власти по отношению к Русской Православной Церкви в 1920-е годы // К 100-летию введения Новой Экономической Политики в Советской России: материалы междунар. научн. конф. (Москва, 27 апреля 2021 г.). М., 2022. С. 115–136.

³ Простакова Ю.С. Формирование образа Запада как союзника в советской центральной периодической печати в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2023. № 1. С. 109–120; Савина М.С. Ликвидация чрезмерной эмиссии: изменение бюджетной стратегии в первые годы НЭПа в отражении центральных газет Советской России // Ноябрьские чтения-2023: сборник статей по итогам XV Всероссийской конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2023 г.). СПб., 2024. С. 406–411; Лукьянчикова Л.В. Военно-патриотическая подготовка советских граждан в январе–июне 1941 года (по материалам газеты «Правда») // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXIV Международной научн. конф., (Иваново, 26–27 марта 2025 г.). Иваново, 2025. С. 5–10.

⁴ Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: АИРО-XX, 1997. 247 с.; Одиных М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 424 с.

подход оправдан в случае исследования нарративов, посвященных истории государственно-церковных отношений, однако вне поля зрения остается значительный массив материалов, представляющий ценную информацию о том, какой образ Православной церкви газета предлагала своему читателю и каким изменениям со временем он подвергался. Газета не являлась специализированным антирелигиозным изданием, однако злободневность данной проблемы для большевиков, а также ежедневный формат выпуска породили большое количество такого материала.

В рамках настоящей статьи Церковь рассматривается как социальный институт, включающий в себя верующих (как клир, так и мирян), их вероучение и реализуемый ими набор практик. Данное уточнение представляется важным. В материалах «Правды» образ церкви преподносился не только через освещение действий ее видных представителей или как организации в целом; зачастую авторы отражали отдельные аспекты бытования церкви, дополняя ими общее представление о ней.

Задача данного исследования – охарактеризовать рецензии и критические материалы газеты «Правда» за 1920-е годы как важную составляющую антирелигиозной пропаганды большевиков в периодической печати. Привлеченные источники являются статьями и рецензиями, в которых авторы размышляли о соответствии определенных произведений культуры идеологическим установкам партии по вопросам религии и церкви, а также о применимости некоторых из них в качестве средств антирелигиозной борьбы. Выполняя эту задачу, критики параллельно раскрывали приемлемые нарративы о Православной церкви и иных христианских конфессиях, а также формы их подачи. Это позволяет рассматривать их публикации как часть усилий партии по формированию у масс определенного образа вышеозначенных религиозных организаций.

Газета «Правда» являлась одним из тех печатных органов, в которых рассуждения о некоторых антирелигиозных инициативах перерастали в формат полноценных, но не продолжительных по времени острых дискуссий. Часть из них касалась споров о применимости тех или иных методов ведения антирелигиозной

пропаганды. Другая часть, на которой и будет сфокусировано внимание, была посвящена обсуждению проблем отражения на страницах газеты конкретных примеров произведений религиозно-церковной тематики.

Прежде всего критические публикации выступали средством контроля качества. Для рядового читателя «Правды» они содержали предостережение или рекомендацию к ознакомлению, для организаций (издательств, театров) – призыв или запрет распространять то или иное произведение, для пропагандистов – инструкцию использовать или избегать его в ходе своей работы. Рассмотрение вопроса с данной стороны позволяет выделить следующие варианты оценки: рекомендация к ознакомлению, одобрение с указанием несущественных недостатков или осуждение.

Так, оценивая книгу Я. Шипова «Тихоновская церковь и Врангель», критик выносит однозначно положительный вердикт. Отмечается, что текст написан выразительным и простым языком и актуален в преддверии готовящегося на тот момент суда над главой Церкви. Раскрывая содержание книги, рецензент воспроизводит пороки Православной церкви, которые также являются составляющими ее репрезентации: связь с контрреволюцией, оппортунизм по отношению к любой власти и жадность духовенства⁵.

Преимущественно положительные рецензии содержали разъяснения, проводящие для потенциального читателя грань между идеологически верными и ошибочными нарративами⁶. Философ и литературовед И.К. Луппол, обобщая труд П. Гольбаха «Разоблаченное христианство», критикует классовую природу предлагаемого решения религиозного вопроса. Однако им положительно оцениваются суждения Гольбаха о религии как о «системе вздорных и путаных идей, покоящихся на невежестве». Луппол рекомендует издание как антирелигиозникам, так

⁵ Сер. Вел. Я. Шипов. – Тихоновская церковь и Врангель. Изд. «Красная Новь». Москва. 1923 г. // Правда. 1923. 19 апр. (№ 85). С. 8.

⁶ Симон Ньюкомб. Звезды. Перевод под редакцией проф. Серафимова. Госуд. Издат. 1923 г. 240 стр. // Правда. 1923. 24 янв. (№ 15). С. 6; Нов. А. «В дебрях быта» // Правда. 1924. 25 июля (№ 167). С. 8.

и широкому кругу читателей. Указывается, что «устаревшие и просто неправильные мысли» можно отделить от приемлемых при ознакомлении с предисловием, подготовленным философом А.М. Дебориным⁷. Обращение к столь неоднозначным по содержанию, с точки зрения критиков, трудам было обусловлено дефицитом произведений революционной и антирелигиозной направленности. Данный факт открыто обозначается в обзоре романа французского писателя Табарана «Новое Евангелие»: «отсутствие не только у нас, но и в Западной Европе революционной беллетристики заставляет обратить на эту книгу внимание читателей»⁸.

В рецензиях обличающего характера авторы также обозначают виновного в том, что произведение имеет серьезные недостатки или вовсе было обнародовано⁹. К примеру, Госиздат подвергся критике издателей за публикацию перевода труда С. Ньюкомба «Звезды» с сохранением авторских эпитафий. По мнению автора материала, эпитафии имеют «божественные философствования», которые не играют значимой роли для повествования. Рецензент выразил надежду, что в случае переиздания «религиозная плесень» будет устранена¹⁰. В.Н. Сарабьянов в статье «Зевок или оппортунизм?» осуждает Главполитпросвет и издательство «Красная Новь» за публикацию статьи А.А. Покровского «Книга в борьбе против религии». В этой статье заявляется о возможности постепенного перехода от язычества к христианству, чтобы на следующем этапе стать атеистом. Сарабьянов же утверждает, что следует «бить по всякой религии» и не допускать до печати «соглашательски-обывательские статьи

⁷ Лунпол И.К. Поль Гольбах. – «Разоблаченное христианство» // Правда. 1924. 29 окт. (№ 247). С. 7.

⁸ С.Г. Два евангелия // Правда. 1922. 14 марта (№ 59). С. 3; Верховцев. «Святой из-под палки» // Правда. 1929. 1 янв. (№ 1). С. 5.

⁹ Дивильковский А.А. Ромэн Роллан. «Трагедия веры» // Правда. 1923. 7 февр. (№ 27). С. 5; К-на. А. Неумелая антирелигиозная пропаганда // Правда. 1928. 23 дек. (№ 298). С. 5.

¹⁰ Симон Ньюкомб. Звезды. Перевод под редакцией проф. Серафимова. Госуд. Издат. 1923 г. 240 стр. // Правда. 1923. 24 янв. (№ 15). С. 6.

безыдейных культуртрегеров»¹¹. Через некоторое время Библиотечный отдел Главполитпросвета опубликовал разъяснение. Учреждение согласно с Сарабьяновым в оценке содержания статьи, но ввиду производственной спешки не смогло тщательно ознакомиться с материалом. Также указывается, что Главполитпросвет доверился авторитету издательства Западного фронта, которое ранее уже публиковало статью. Кроме того, Библиотечный отдел еще до заметки Сарабьянова поместил в журнале «Красный Библиотекарь» статью, которая рассматривает тот же вопрос, но «в должном освещении»¹².

Также представляется возможным рассмотреть критические материалы «Правды», исходя из назначения рецензируемых произведений. В таком случае заметно, что часть обозреваемых произведений культуры лишь частично затрагивали тему религии и церкви, в то время как для других она являлась центральной. Данный факт влиял на характер рецензий. Если первые оценивались с точки зрения наличия или отсутствия идеологически верных суждений, то вторые рассматривались исходя из их потенциала как средств антирелигиозной пропаганды. В излишнем и неуместном обращении к христианской образности уличался ряд советских поэтов. Литературный критик Б.И. Арватов отмечал подобные злоупотребления в поэзии А.А. Ахматовой, Ф.К. Сологуба и В.Ф. Ходасевича, при одновременном отсутствии в разбираемых сборниках стихотворений «социальной целесообразности»¹³. Разбирая стихотворение Ахматовой «Проплывают льдины, звеня...», В.В. Оболенский отмечает использование мусорного слова «обет» и того, что над поэтессой «тяготеет вся гряда православно-религиозных предрассудков»¹⁴. Подобной критике подвергались и пролетарские поэты. В.С. Дубовской в статье «О пролетарской литературе», следующим образом характеризует одно из стихотворений М.П.

¹¹ Сарабьянов В.Н. Зевок или оппортунизм? // Правда. 1924. 12 марта (№ 59). С. 6.

¹² Библиотечный отдел ГПП. Разъяснение // Правда. 1924. 26 марта (№ 69). С. 7.

¹³ Арватов Б.И. Литература и искусство // Правда. 1922. 24 мая (№ 114). С. 3.

¹⁴ Оболенский В.В. Побег травы // Правда. 1922. 4 июля (№ 146). С. 3.

Герасимова: «Катафалк, гроб, склеп, урна... и все это – революционный завод, который потрясал своей сдавленной силой все здания царизма ... Для рабочего читателя все это ненужно, фальшиво и главное – скучно»¹⁵. Примером критики ввиду неприемлемости с точки зрения идеологии также служит отзыв на перевод цикла «Трагедии веры» Р. Роллана. Признавая высокое качество перевода, отмечается, что идейное содержание первых пьес делает их публикацию в СССР «лишней роскошью»¹⁶.

Схожим по смыслу приемом было обвинение в искажении авторами советской действительности¹⁷. Данный вопрос раскрывается в рецензии литературно-бытового кружка рабкоров «Правды», посетивших показ производственной драмы «Противогазы». Одним из эпизодов первого действия было снятие икон на заводе, вызвавшее сильное возмущение со стороны женщин. Одна из старух пытается спасти икону: вырвав ее из рук рабочего, разгневанная бабушка бьет иконой комсомольца Ваську по голове. Икона ломается пополам. Васька замечает, что громом разразило в итоге Бога, а не его, как ранее пугала старуха, что приводит к осознанию ею ошибочности религиозных убеждений и признании иконы не более, чем щепкой. Как и некоторые другие эпизоды, данная сцена стала критиковаться с точки зрения правдоподобности. Были отмечены неестественно быстрая перемена убеждений старухи и резкость самого процесса снятия икон: «Если бы советская власть так круто делала, она бы уже слетела»¹⁸.

Вопрос о том, какой образ духовенства следует доносить до масс, стал предметом спора между писателем А.С. Серафимовичем и наркомом просвещения А.В. Луначарским. В заметке

¹⁵ Дубовской В.С. О пролетарской литературе // Правда. 1923. 10 февр. (№ 30). С. 3.

¹⁶ Дивильковский А.А. Ромэн Роллан. «Трагедия веры» // Правда. 1923. 7 февр. (№ 27). С. 5.

¹⁷ Луначарский А.В. О театре и о полах // Правда. 1921. 16 февр. (№ 34). С. 4;

¹⁸ Л.Т. Рабкоры о постановке Пролеткульта «Противогазов» // Правда. 1924. 22 марта (№ 66). С. 7.

«Разложение» от 12 февраля 1921 г. Серафимович выразил сомнение в подлинной революционности московских театров, подвергнув критике их репертуар. По мнению писателя, в пьесах героями часто становятся священники, которые при этом показываются с положительной стороны. В доказательство своей правоты о наличии проблемы Серафимович приводит в пример два произведения: «Всех скорбящих» Г. Гейерманса и «Народ» А.В. Луначарского. Это не совпадает с тем, какими Серафимович видит попов в действительности: «злобные, неумолимо жестокие, с нечеловечески-каменными сердцами»¹⁹. В приведенных им примерах, по мнению писателя, «злые» попы создают фон, на котором образ «прекрасного» попа производит на зрителя большее впечатление. Он покидает театр «с ощущением, что, если бы все попы были с таким чудесным сердцем, как этот, какая прекрасная жизнь создалась бы на земле»²⁰.

Отвечая на критику своего творчества, глава Наркомпроса заявляет, что герои его пьесы оправданно принадлежат к духовному сословию, так как это – соблюдение исторических реалий XVI в., отображаемых в произведении. По мнению Луначарского главный герой его драмы Томмазо Кампанелла – «ранний предвестник» грядущего торжества социализма, который, преодолев вероломство, безразличие и предрассудки своего окружения, остался верен своим убеждениям. Луначарский возражал, что изображение священника из прошлого в положительном ключе не приведет к переносу его качеств на современного попа: «подобных дурачков в нашей рабочей и красноармейской публике нет». Напротив, отвечающий запросам «самой обостренной агитации» образ, который Серафимович требует показывать в театрах, с большей бы вероятностью вызвал сочувствие у публики²¹.

Продолжая полемику, Серафимович снова пишет об оторванности театра от жизни. В доказательство того, что он не

¹⁹ Серафимович А.С. Разложение // Правда. 1921. 12 февр. (№ 31). С. 4.

²⁰ Там же.

²¹ Дейч А.И. Драматургия А.В. Луначарского // А.В. Луначарский. Пьесы. М., 1963. С. 25; Луначарский А.В. О театре и о попах // Правда. 1921. 16 февр. (№ 34). С. 4.

одинок в своих суждениях, писатель приводит слова красноармейца, посетившего постановку. Солдат отметил, что народ, поставленный Луначарским в заглавие произведения, играет незначительную роль в сравнении с попом, и эта особенность роднит пьесу с приемами работы дореволюционного театра. Такой подход Серафимович обозначает как «общественно вредный». При этом постановки, которые давали бы приемлемый, в понимании писателя, взгляд на духовенство, подвергаются нападкам со стороны театрального руководства²².

Более пристальному разбору подвергались произведения антирелигиозного характера. В посвященных им рецензиях обсуждалось не только присутствие приемлемых трактовок, но также и ценность произведений как пропагандистских материалов. Поэтому поднимались вопросы технического и художественного характера²³. За редкими исключениями в рассматриваемый период такие рецензии были негативными. В таких обзорах был распространен вердикт о низком антирелигиозном значении произведения, которое могло обозначаться критиком как напрямую, так и подразумеваться, исходя из совокупности выявленных проблем²⁴.

В пример приведем рецензию Б. Самсонова на фильм 1924 г. «Старец Василий Грязнов». Действие картины, основанной на реальных событиях, происходит в первые годы советской власти. В народном суде слушается дело о мошенничестве – купцы и духовенство пытаются добиться канонизации «святого угодника» Василия Грязнова. Однако выясняются обличающие подробности: Грязнов при жизни эксплуатировал рабочих, объявил себя «чудотворцем» и пользовался религией как инструментом для подавления недовольства трудящихся. Уже в начале рецензии приводятся критерии образцового пропагандистского кино:

²² Серафимович А.С. В последний раз о попах // Правда. 1921. 18 февр. (№ 36). С. 2.

²³ Лебедев Н. Кино // Правда. 1923. 3 янв. (№ 1). С. 6; Львов Н. В мастерской Вс. Мейерхольда // Правда. 1923. 13 февр. (№ 32). С. 5; Херсонский Х.Н. «Когда пробуждаются мертвые» // Правда. 1927. 12 янв. (№ 9). С. 6.

²⁴ Гусман Б.Е. «Святая Иоанна» в Камерном театре // Правда. 1924. 25 окт. (№ 244). С. 8; Херсонский Х.Н. О пошлой фильме // Правда. 1929. 14 марта (№ 60). С. 4.

идеологически полезное, увлекательное и лишенное «грубой агитационности». Б. Самсонов отмечает, что, несмотря на некоторые положительные моменты, по ключевым параметрам рецензируемый фильм обладает довольно сомнительной пропагандистской ценностью. Картина критикуется за избыток высмеивания попов и религиозных обрядов в ущерб изложению реальных фактов. Множество однотипных сцен, злоупотребления быстрым монтажом и общая затянутость, по мнению рецензента, являются причиной того, что фильм вышел скучным. «Грубая агитационность» подтверждается наличием сцены с отрубанием пальцев у трупа, которая расценивается Самсоновым как совершенно недопустимая²⁵.

Рассмотрение в газете произведений культуры на соответствие идеологическим установкам партии большевиков и определение их потенциала как пропагандистских материалов представляется немаловажным вопросом. Его обсуждение позволяет актуализировать набор критериев, которые, по мнению критиков, были основополагающими для антирелигиозных произведений: соответствие идеологии, стремление к реалистичности транслируемых нарративов, обращении к актуальным сторонам проблемы, сохранение баланса между увлекательностью повествования и пропагандистским назначением.

Данная работа проводилась «правдистами» посредством публикации критических заметок и статей, помещавшихся, как правило, в тематических рубриках «Библиография», «Кино», «Театр и Музыка». Объектом критики становились научные исследования, художественная литература (романы и поэзия), театральные постановки и кинофильмы. В рассматриваемый период среди рецензий преобладали содержавшие негативную оценку. Несмотря на то, что материалы подобной направленности отслеживаются на протяжении почти всего периода 1920-х годов, большая их часть приходится на 1922–1924 гг.

Обращение к данной проблематике позволяет в лишний раз убедиться, что транслируемый в советской культуре 1920-х годов

²⁵ Самсонов Б. «Старец Василий Грязнов» // Правда. 1924. 27 марта (№ 70). С. 5.

образ церкви не был монолитным. Проведенное исследование публикаций «Правды», главного печатного органа РКП(б)-ВКП(б), подтверждает это. Через критические материалы газета реагировала на трансляцию неприемлемых, с точки зрения партии, представлений о христианской церкви. Тем самым «Правда» 1920-х годов отразила разногласия между деятелями культуры и редакцией в видении формируемого образа. Ярким примером служит дискуссия об изображении священников в пьесах между А.С. Серафимовичем и А.В. Луначарским, а также критика А.А. Ахматовой и ряда других авторов за использование в творчестве христианской образности.

Библиография

Агаджанян Э.А. Трансформация государственно-церковных отношений в России: исторический аспект // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VII Международной научн. конф., (Донецк, 27–28 октября 2022 г.) Донецк, 2022. Том 7. С. 147–149.

Дейч А.И. Драматургия А.В. Луначарского // А.В. Луначарский. Пьесы. М., 1963. С. 5–36.

Еремишина С.А. Основные тенденции в политике советской власти по отношению к Русской Православной Церкви в 1920-е годы // К 100-летию введения Новой Экономической Политики в Советской России: материалы междунар. научн. конф. (Москва, 27 апреля 2021 г.). М., 2022. С. 115–136.

Ибрагимов Р.Р. Внешнеполитический фактор в государственно-церковных отношениях в СССР в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2022. Т. 42. № 2. С. 73–82.

Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: АИРО-XX, 1997. 247 с.

Лукьянчикова Л.В. Военно-патриотическая подготовка советских граждан в январе–июне 1941 года (по материалам газеты «Правда») // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXIV Международной научн. конф., (Иваново, 26–27 марта 2025 г.). Иваново, 2025. С. 5–10.

Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 424 с.

Павлушков А.Р. Значение Устава духовных консисторий для развития государственно-церковных отношений // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: сборник материалов III Всероссийской научн. конф. с междунар. участием, (Чебоксары, 29 сентября 2023 г.). Чебоксары, 2023. С. 181–184.

Простакова Ю.С. Формирование образа Запада как союзника в советской центральной периодической печати в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2023. № 1. С. 109–120.

Савина М.С. Ликвидация чрезмерной эмиссии: изменение бюджетной стратегии в первые годы НЭПа в отражении центральных газет Советской России // Ноябрьские чтения-2023: сборник статей по итогам XV Всероссийской конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2023 г.). СПб., 2024. С. 406–411.

Смыкалин А.С. Государственно-конфессиональные отношения в СССР. 1917–1930 гг. // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 5 (95). С. 17–23.

Хрущев С.В. Программа систематизации законодательства М.М. Сперанского в контексте упорядочения узаконений в сфере церковного права (1826–1850-е гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2025. Т. 11. № 1. С. 453–460.

Цыпин В.А., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2010. 816 с.

Т.В. Власов

Псковский государственный университет

Художественное сообщество Пскова 1960–1970-х годов: на пути к формированию отделения Союза художников

В статье исследуется история формирования Псковского отделения Союза художников РСФСР в 1960–1970-е годы. На основе анализа архивных материалов и периодической печати прослеживается эволюция псковского художественного сообщества от статуса творческой группы в составе Новгородской организации до создания самостоятельной региональной структуры, в том числе как особой социальной группы творческой интеллигенции. Анализируются внутренние процессы в художественном сообществе, способствовавшие его организационному укреплению. В статье раскрываются ключевые события и личности, сыгравшие решающую роль в создании Псковского отделения Союза художников, а также описываются его первоначальные направления деятельности. В результате исследования выявлены факторы, повлиявшие на процесс формирования отделения, и определена его роль в развитии художественной культуры Псковского региона.

Ключевые слова: интеллигенция, культура, Псковская область, художники, отделение Союза художников, выставки.

Роль художника в обществе всегда была многогранна. Художники, как часть творческой интеллигенции, выступают не только создателями эстетических ценностей, но и активными участниками культурной и общественной жизни, формируя интеллектуальный и нравственный облик эпохи. Их произведения отражают духовные искания общества, становятся свидетелями исторических событий и способствуют формированию национальной идентичности. В советский период роль интеллигенции и в частности творческой интеллигенции была особенно значима, так или иначе определяя культурную политику и влияя на общественное мнение. В 1960–1970-е годы советская власть обращала внимание на деятельность художников, осуществляя идеологический контроль над произведениями искусства и деятельностью творческих союзов. Это значительно влияло на развитие художественной жизни и формирование художественных движений.

В Псковской области, как и во многих других регионах СССР, художники являлись неотъемлемой частью местной интеллигенции, влияя на формирование культурного ландшафта и содействуя сохранению и развитию традиций. Их деятельность, часто протекавшая в условиях ограниченных ресурсов и идеологического контроля, тем не менее, способствовала сохранению художественных традиций и развитию оригинальных творческих направлений.

В 2026 году исполняется 45 лет со дня образования Псковского отделения Союза художников России (официальная дата регистрации – 18 сентября 1981 г.). Ввиду этого события представляется актуальным проанализировать развитие псковской художественной среды и путь к созданию самостоятельной профессиональной организации за предыдущие десятилетия. Формирование Псковского отделения Союза художников было длительным процессом, отражающим как внутренние тенденции художественного сообщества, так и внешние факторы, влиявшие на его развитие.

Анализ существующей историографии по теме становления региональных отделений Союза художников РСФСР выявляет ряд тенденций. Работы, подобные исследованиям П.Д. Муратова¹, В.В. Тимофеевой², Е.Р. Ибрагимовой и Р.Ф. Латыповой³, сосредоточены на общих аспектах функционирования Союзов художников, часто охватывая масштабные процессы на уровне

¹ Муратов П.Д. Союз художников РСФСР // Идеи и идеалы. 2012. № 4. С. 175–188.

² Тимофеева В.В. Летопись союза художников Якутии // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. 2021. № 1. С. 102–111.

³ Ибраимова Е.Р., Латыпова Р.Ф. История становления творческих союзов работников искусств Башкортостана. Союз художников. Союз композиторов // Вестник Башкирского университета. 2011. № 4. С. 1462–1464.

республики или региона. В то же время исследования Лю Дилинь⁴, Т.Н. Микуцкой⁵, А.С. Айнутдинова⁶, Ю.А. Трояковой⁷, А.С. Черкашиной⁸, Н.А. Семенов⁹, А.М. Шерина¹⁰ и других авторов представляют более детальный анализ истории конкретных региональных отделений, часто фокусируясь на хронологически ограниченных периодах и специфических особенностях развития художественной жизни в определенных регионах. Вклад Н.М. Малкиной¹¹ и А.В. Зыковой¹² значителен для понимания взаимодействия власти и региональных отделений Союза художников, освещая идеологические и административные аспекты этого процесса. Таким образом, данное исследование стремится восполнить существующий пробел в историографии, представив анализ процесса формирования и развития Псковского отделения Союза художников в контексте широких тенденций регионального развития советского искусства.

Настоящее исследование базируется на основе анализа делопроизводственной документации Псковского отделения Союза

⁴ Лю Д. Сотрудничество Новосибирского союза художников с союзом художников Китая, 1954–1960 гг. (по материалам Государственного архива Новосибирской области) // *Наследие и современность*. 2024. № 2. С. 216–229.

⁵ Микуцкая Т.Н. Страницы истории: к 90-летию Томского союза художников // *Искусство Евразии*. 2023. № 2. С. 72–95.

⁶ Айнутдинов А.С. Свердловский Союз советских художников после войны // *Искусство Евразии*. 2022. № 3. С. 14–29.

⁷ Троякова Ю.К. Союз художников Тувы в 1965–1970-е гг.: к истории образования // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2013. № 3. С. 53–57.

⁸ Черкашина А.С. Времен связующая нить. Художники Камчатки к 45-летию Камчатского регионального отделения ВТОО «Союз художников России» // *Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока*. 2023. № 2. С. 93–100.

⁹ Семенова Н.А. Образование Читинского отделения союза советских художников (1945–1964 гг.) // *Гуманитарный вектор*. Серия: История, политология. 2012. № 2. С. 118–123.

¹⁰ Шерин А.М. Становление Кемеровского отделения Союза художников РСФСР (1957–1967 гг.) // *СибСкрипт*. 2013. № 2. С. 268–273.

¹¹ Малкина Л.Н. Проблемы художественной жизни Иркутска в конце XX века // *Вестник ИрГТУ*. 2013. № 2. С. 249–253.

¹² Зыкова А.В. Власть и местные отделения Союза художников РСФСР в 1950–1970-е гг. (на материалах Южного Урала) // *Известия АлтГУ*. 2009. № 4-4. С. 85–88.

художников РСФСР и периодическом издании «Псковская Правда». Отметим, что материалы из периодического издания «Псковская Правда» были отобраны путем сплошной выборки с учетом временного аспекта и релевантности источника. Этот материал позволяет реконструировать историю формирования Псковского художественного сообщества в 1960–1970-е годы и выявить ключевые факторы, определившие его путь к созданию собственного отделения Союза художников.

Для начала следует отметить, что в Пскове художественная жизнь имела давние традиции, восходящие к Псковскому обществу художников 1920-х годов, «основателем» которого являлся И.П. Ларионов (1882–1981), выдающийся деятель музейного дела и руководитель картинной галереи Псковского музея.

Следует подчеркнуть, что официальное учреждение Псковской организации Союза художников РСФСР, состоявшееся 18 сентября 1981 г. по решению секретариата Союза художников РСФСР, стало некоторой кульминацией длительного процесса развития художественной жизни в регионе¹³. Предшествующее этому событию совещание псковских художников 8 сентября 1981 г. имело решающее значение, поскольку на нем не только было сформировано правление из пяти человек (Э.М. Гинзбург, И.Е. Иванюк, А. Писчиков, А.С. Силин, А.Д. Кириллов) и ревизионная комиссия, но и определены основные направления деятельности будущей организации. Выбор А.С. Силина на пост первого председателя отражал его авторитет и ведущую роль в художественном сообществе Пскова¹⁴. Примечательно в данном случае то, что в этот период в региональном отделении Союза художников происходило творческое объединение молодых художников, что, на наш взгляд, свидетельствовало о стремлении к преемственности поколений и поддержке начинающих мастеров.

Численный состав организации на момент ее основания – 12 членов Союза художников РСФСР, 10 членов молодежного объединения и 42 художника с профессиональным художественным

¹³ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 52. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

¹⁴ ГАПО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–3.

образованием, – позволяет оценить масштаб и уровень развития псковской художественной школы¹⁵. Этот количественный показатель подчеркивает накопленный потенциал, который и позволил создать самостоятельную организацию.

Деятельность Псковской организации Союза художников РСФСР была многогранна и охватывала широкий спектр направлений. Организация персональных и тематических выставок, сопровождаемых изданием иллюстрированных каталогов, обеспечивала доступ к художественному творчеству широкого круга зрителей и способствовала формированию художественного вкуса населения. Публикации в местных газетах и журналах служили средством информирования общественности о деятельности художников и значимых событиях художественной жизни. Проведение «Недель изобразительного искусства» стало ярким событием культурной жизни Пскова, привлекая внимание к творчеству местных художников. Организация творческих встреч с населением и учащимися позволила укрепить связь между художественным сообществом и обществом в целом. Поддержка творческих командировок художников способствовала расширению их творческих горизонтов и обогащению художественного опыта. Наконец, активная работа по созданию правовых гарантий и обеспечению социальной защиты членов организации подчеркивает важную социальную функцию Псковской организации Союза художников РСФСР¹⁶.

До учреждения официального регионального отделения Союза художников об активности художественной жизни в регионе свидетельствуют публикации в периодическом издании «Псковская Правда». Анализ этих материалов позволяет реконструировать динамику художественной среды, предшествующую формализации профессионального сообщества. Протоколы заседаний правления регионального отделения Союза художников содержат данные о приеме новых членов, что свидетельствует о непрерывном развитии и расширении художественной деятельности. В частности, прием А.И. Аникенко и

¹⁵ ГАПО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 3. Л. 4–5.

¹⁶ Там же. Д. 10. Л. 1–3.

А.А. Большакова, отмеченных двадцатилетним опытом участия в выставках, иллюстрирует наличие сложившегося круга профессиональных художников с длительной историей выставочной практики. Кроме того, участие в выставке «Советский север» (1979 г.) художников О.Н. Цветкова и А.А. Агаркова указывает на активное участие псковских мастеров в общесоюзных художественных процессах¹⁷. Дальнейшее развитие художественной жизни региона прослеживается в планах участия в крупных общесоюзных мероприятиях: выставке, посвященной 50-летию Комсомольска-на-Амуре (май 1982 г.), и 5-й Всесоюзной выставке «Физическая культура и спорт в изобразительном искусстве» (август 1983 г.). Эти данные позволяют предположить о существовании устойчивой и, в определенной степени, динамично развивающейся художественной среды в Пскове до официального оформления организационной структуры Союза художников¹⁸.

Для реконструкции художественной жизни Пскова в период до образования регионального отделения Союза художников необходим анализ предшествующих событий, позволяющий выявить масштаб и характер художественной деятельности. Выставка, посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции (1977 г.), служит ярким примером такого события. В ней приняли участие 46 художников из различных районов Псковской области (Псков, Великие Луки, Новосокольники, Остров, Печоры, Старый Изборск), представив около 270 произведений живописи, графики и декоративно-прикладного искусства¹⁹.

Данная выставка имела большой общественный резонанс, так как информация о ней была ярко представлена в периодической печати. Не менее важным фактором является то, что для данной выставки был подготовлен подробный информационный буклет, что было характерно не для каждой экспозиции и выставки художественных произведений²⁰.

¹⁷ ГАПО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2.

¹⁸ Там же. Л. 3–4.

¹⁹ Там же. Д. 1. Л. 2–3.

²⁰ В мастерской художника. Дорога поиска // Псковская Правда. 1977. 19 апреля.

Тематический охват выставки был достаточно широко представлен: от изображения деятельности В.И. Ленина в Пскове и событий Гражданской и Великой Отечественной войн до отражения современной жизни Псковской области – образов колхозников, рабочих, механизаторов, а также пейзажных мотивов. Упоминание в буклете о значительном количестве молодых художников свидетельствует о росте и активизации творческой интеллигенции²¹, что подтверждается последующими выставками начала 1980-х годов²² и отражено в отчетной документации за 1982–1983 гг.²³ Несмотря на фрагментарность сохранившихся архивных материалов (документация имеется лишь по данной выставке), указание в буклете позволяет говорить о существовании систематической и планомерной выставочной практики псковских художников задолго до официального образования регионального отделения Союза художников, в связи с чем необходимо обращение к периодической печати.

Анализ публикаций в газете «Псковская правда» позволяет частично восполнить пробелы в изучении художественной жизни Пскова до основания регионального отделения Союза художников. Так, сообщение от 8 января 1960 г.²⁴ свидетельствует о проведении выставки, посвященной декабрьскому пленуму ЦК КПСС, в Псковском историко-художественном музее. Повторные упоминания в газете, а именно в статье от 11 февраля 1961 г., указывают на то, что Псковский историко-художественный музей регулярно служил площадкой для выставок псковских художников, что подтверждает существование активной художественной среды в городе задолго до формализации профессионального сообщества в рамках Союза художников²⁵.

Параллельно с профессиональными художественными выставками в Пскове функционировало любительское

²¹ ГАПО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

²² Там же. Д. 6. Л. 3.

²³ Там же. Д. 10. Л. 1–2.

²⁴ Отчет художников перед общественностью. Заметки с выставки // Псковская Правда. 1960. 8 января.

²⁵ Творчество молодых // Псковская Правда. 1961. 11 февраля.

художественное движение. В частности, экспозиции работ молодых художников проводились в помещении кинотеатра «Победа», использовавшемся как выставочная площадка изоклуба областного Дома народного творчества. Численность изоклуба составляла 37 человек, что свидетельствует о вовлечении значительного числа любителей в художественную практику региона²⁶.

Выставка молодых художников 24 июля 1966 г. в Доме культуры профсоюзов, посвященная Пскову и его природным особенностям, представляла собой значимое событие в контексте художественной жизни города²⁷. Об участии в выставке таких художников, как В.М. Васильев, А. Никандров и А. Писчиков, имелась информация в публикации «Псковской правды», автором которой выступил художник И. Ларионов. Следует подчеркнуть, что анализ публикаций указывает на тенденцию: значительная часть псковских художников получали профессиональное художественное образование в Ленинграде или других регионах, после чего возвращались в Псков, внося свой вклад в развитие местной художественной среды. Этот факт свидетельствует о формировании профессионального сообщества художников в Пскове, базирующегося на опыте и образовании, полученном за пределами региона. В целом небольшое, но тесно связанное региональное сообщество художников активно участвовало в многочисленных выставках, что подтверждается повторяющимися фамилиями участников и создает особую творческую атмосферу для работы.

Исследование публикаций в «Псковской правде» до создания регионального отделения Союза художников позволяет выявить существование динамичной и многогранной художественной жизни в Пскове. Материалы свидетельствуют не только о проведении индивидуальных выставок, но и об активном межрегиональном художественном обмене и развитии выставочной инфраструктуры. Так, персональная выставка Валентина Михайловича Васильева в 1974 г., посвященная творчеству А.С.

²⁶ Выставка работ молодых художников // Псковская Правда. 1961. 9 апреля.

²⁷ Творческий отчет перед земляками // Псковская Правда. 1966. 24 июля.

Пушкина в контексте Псковской земли, подчеркивает уже сформировавшуюся традицию представления произведений отдельных художников²⁸. Следует подчеркнуть, что пушкинская тематика занимала особое место в работе В.М. Васильева, и организация тематической выставки указывает на сохранение интереса к мотивам и образам наследия великого поэта у псковских художников. Одновременно с этим в 1974 г. проходит выставка художников из г. Тарту (Эстония) в выставочном зале Псковского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Это событие указывает на развитые художественные связи Пскова с соседними регионами и наличие устоявшейся выставочной площадки, способной принимать и организовывать масштабные мероприятия²⁹. Примечательно, что это создает особое культурное взаимодействие в силу того, что культурно-художественные ландшафты Пскова и Эстонской ССР демонстрируют существенные различия в исторических, стилистических и идеологических аспектах.

Приведенные выше факты указывают на существование устойчивой и активной художественной среды в Пскове, функционировавшей задолго до официального оформления профессионального сообщества в рамках Союза художников. Дальнейшие исследования могут быть направлены на углубленный анализ состава участников выставок, тематики представленных работ, а также на изучение документов, позволяющих более подробно реконструировать организационную структуру художественной жизни Пскова предшествующего периода.

В заключение исследования художественной жизни Пскова 1960–1970-х годов, предшествовавшей созданию регионального отделения Союза художников, следует отметить, что анализ архивных материалов и публикаций в «Псковской правде» позволяет реконструировать динамичный и многоаспектный процесс формирования художественного сообщества. Период до

²⁸ Благодатный источник. О новых работах художника-земляка // Псковская Правда. 1974. 6 июля.

²⁹ Самобытное искусство. С выставки картин эстонских художников в Пскове // Псковская Правда. 1974. 2 октября.

официального образования отделения характеризуется значительной активностью художников: проводились как персональные, так и коллективные выставки различной тематики и масштаба, включая межрегиональные проекты, свидетельствующие о развитых связях с другими художественными центрами. Изучение данных источников демонстрирует наличие устоявшейся инфраструктуры, включающей специализированные выставочные площадки, и формирование профессионального сообщества художников, многие из которых получили образование в крупных художественных центрах (например, г. Ленинград) и вернулись в Псков, внося свой вклад в развитие местной художественной школы.

Формирование регионального отделения Союза художников стало результатом эволюционного процесса, обусловленного несколькими факторами. Во-первых, это уже существовавшая активная художественная жизнь, проявлявшаяся в регулярных выставках и межрегиональных проектах. Во-вторых, на это повлиял рост числа профессиональных художников, получивших образование в ведущих художественных учреждениях страны. В-третьих, немаловажную роль сыграло желание художников получить государственную поддержку и признание, что стало возможным в рамках организованного профессионального сообщества. Таким образом, создание регионального отделения Союза художников стало логическим итогом длительного процесса развития художественной жизни Пскова, основанного на интенсивной творческой деятельности художников и формировании устойчивой художественной инфраструктуры.

Библиография

Айнутдинов А.С. Свердловский Союз советских художников после войны // Искусство Евразии. 2022. № 3. С. 14–29.

Благодатный источник. О новых работах художника-земляка // Псковская Правда. 1974. 6 июля. С. 4

В мастерской художника. Дорога поиска // Псковская Правда. 1977. 19 апреля. С. 4

Выставка работ молодых художников // Псковская Правда. 1961. 9 апреля. С. 2

Зыкова А.В. Власть и местные отделения Союза художников РСФСР в 1950–1970-е гг. (на материалах Южного Урала) // Известия АлтГУ. 2009. № 4. С. 85–88.

Ибрагимова Е.Р., Латыпова Р.Ф. История становления творческих союзов работников искусств Башкортостана. Союз художников. Союз композиторов // Вестник Башкирского университета. 2011. № 4. С. 1462–1464.

Лю Д. Сотрудничество Новосибирского союза художников с союзом художников Китая, 1954–1960 гг. (по материалам Государственного архива Новосибирской области) // Наследие и современность. 2024. № 2. С. 216–229.

Малкина Л.Н. Проблемы художественной жизни Иркутска в конце XX века // Вестник ИрГТУ. 2013. № 2. С. 249–253.

Микуцкая Т.Н. Страницы истории: к 90-летию Томского союза художников // Искусство Евразии. 2023. № 2. С. 72–95.

Муратов П.Д. Союз художников РСФСР // Идеи и идеалы. 2012. № 4. С. 175–188.

Отчет художников перед общественностью. Заметки с выставки // Псковская Правда. 1960. 8 января. С. 4

Самобытное искусство. С выставки картин эстонских художников в Пскове // Псковская Правда. 1974. 2 октября. С. 4

Семенова Н.А. Образование Читинского отделения союза советских художников (1945–1964 гг.) // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2012. № 2. С. 118–123.

Творческий отчет перед земляками // Псковская Правда. 1966. 24 июля. С. 4

Творчество молодых // Псковская Правда. 1961. 11 февраля. С. 3

Тимофеева В.В. Летопись союза художников Якутии // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. 2021. № 1. С. 102–111.

Троякова Ю.К. Союз художников Тувы в 1965–1970-е гг.: к истории образования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 3. С. 53–57.

Черкашина А.С. Времен связующая нить. Художники Камчатки к 45-летию Камчатского регионального отделения ВТОО

«Союз художников России» // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. 2023. № 2. С. 93–100.

Шерин А.М. Становление Кемеровского отделения Союза художников РСФСР (1957–1967 гг.) // СибСкрипт. 2013. № 2. С. 268–273.

И.П. Багрин

*Уральский федеральный университет им. первого Президента
России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)*

Политические процессы 1960-х годов в СССР: к вопросу об историографии

В статье рассматривается изучение политических процессов 1960-х годов (дела Синявского и Даниэля, «процесс четырех», демонстрации на Пушкинской и Красной площадях) в СССР в отечественной и зарубежной историографии. Анализируются подходы к исследованию процессов, акценты, на которые обращают внимание авторы. Демонстрируется исследование политических процессов в нескольких областях гуманитарных наук. Особое внимание уделяется роли самиздата, мемуаров и зарубежных публикаций в сохранении информации о процессах и их влиянии на правозащитное движение, а также стратегиям защиты, изменениям законодательства и международному резонансу вокруг процессов. Статья отмечает малоизученность регионального диссидентства, биографий участников и роли адвокатов, раскрывая политические процессы как сложное явление, затронувшее ключевые сферы жизни СССР.

Ключевые слова: политические процессы 1960-х, правозащитное движение в СССР, самиздат, дело Синявского и Даниэля, процесс четырех, советские диссиденты, судебные репрессии, историография инакомыслия.

Политические процессы 1960-х годов стали яркой страницей истории правозащитного движения в СССР. Актуальность исследования обусловлена как недостаточной разработанностью темы политических процессов 1960-х годов в современной отечественной историографии, так и значимостью этих событий для формирования правозащитного движения и развития самиздата в СССР. Несмотря на наличие ряда фундаментальных трудов (Л.М. Алексеева, Р.Г. Пихоя, С. Вессье, Ф. Буббайер и др.), многие аспекты остаются малоизученными: региональные проявления правозащитной активности, биографии фигурантов процессов, роль адвокатов, а также интерпретация судебных выступлений подсудимых как формы гражданского протеста. Кроме того, сравнительный анализ отечественных и зарубежных подходов к

исследованию данной проблематики позволяет выявить различные ракурсы восприятия и оценки этих процессов. Обращение к событиям 1960-х годов представляется особенно важным для изучения общественного сознания, социально-психологических аспектов советского социума, влияния на культурное развитие и т.д.

Ход судебных заседаний известен нам благодаря самиздатским сборникам: «Белая книга»¹ о процессе над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем под редакцией Александра Гинзбурга, «Процесс четырех»² и «Дело о демонстрации на Пушкинской площади 22 января 1967 года»³ под редакцией Павла Литвинова, «Полдень»⁴ о демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 г. за авторством Натальи Горбаневской и др. Материалы следствия и суда были лишь частично отражены в некоторых сборниках и автодокументальных произведениях — например, в мемуарах адвоката Дины Каминской «Записки адвоката»⁵, воспоминаниях правозащитника Владимира Буковского «И возвращается ветер»⁶, сборниках интервью с инакомыслящими, составленных журналистом Глебом Моревым⁷ и литературоведом Александром Архангельским⁸ и др. В советской прессе данные процессы освещались исключительно в негативном ключе и далеко не всегда⁹. Публика в залах суда была настроена против обвиняемых, а родные и близкие подсудимых не всегда имели к ним доступ, и самиздатские сборники были единственной возможностью понять суть обвинения. Поэтому

¹ Гинзбург А.И. Белая книга. Франкфурт-на-Майне, 1967. 408 с.

² Литвинов П.М. Процесс четырех. Амстердам, 1971. 634 с.

³ Литвинов П.М. Правосудие или расправа? Дело о демонстрации на Пушкинской площади 22 января 1967 г. Лондон, 1968. 158 с.

⁴ Горбаневская Н.Е. Полдень: дело о демонстрации 25 августа 1968 г. на Красной площади. М., 2007. 340 с.

⁵ Каминская Д.И. Записки адвоката. М., 2009. 412 с.

⁶ Буковский В.К. И возвращается ветер... Нью-Йорк, 1978. 384 с.

⁷ Морев Г.А. Диссиденты: двадцать разговоров. М., 2017. 416 с.

⁸ Архангельский А.Н. Свободные люди: диссидентское движение в рассказах участников. М., 2018. 196 с. (признан в РФ иноагентом).

⁹ Гинзбург А.И. Белая книга... С. 307–311. Литвинов П. М. Процесс четырех... С. 355–420.

перед исследователями ставилась трудная задача определить и сопоставить достоверность сведений, которые были получены из залов судебных заседаний.

Изучение началось с начала 1990-х годов, так как более раннее рассмотрение проблематики было невозможным из-за цензурных ограничений. В статье Н.В. Мику¹⁰ анализируются основные работы по истории инакомыслия, появившиеся в 1990-е годы и начале 2000-х годов. В исследованиях основной акцент делается на рассмотрении инакомыслия как «инструмента сопротивления тоталитаризму». Начинаются первые попытки осмысления таких важных для правозащитного движения понятий, как «инакомыслие» и «диссидентство». Рассмотрение инакомыслия идет в нескольких направлениях: движение за права человека, религиозное инакомыслие, национальные движения в республиках Союза, что продолжает направление, заложенное в монографии Л.М. Алексеевой. В отличие от Н.В. Мику, А.А. Кузнецова делит историографию правозащитного движения на три этапа: середина 1960-х – середина 1980-х годов; середина 1980-х – начало 1990-х годов и от начала 1990-х годов до наших дней¹¹. Кроме того, А.А. Кузнецова обращает внимание на увеличение интереса к региональным проявлениям инакомыслия, что не было заметно в исследованиях 1990-х годов. Статья открывает проблематику малоизученных тем в инакомыслии на сегодняшний день: течения внутри правозащитного движения, религиозных и национальных движений в СССР. Вопросы историографии инакомыслия в СССР с 1970-х годов по начало XXI в. изучаются в статье М.В. Казьминой и В.Н. Казьмина¹². Как и в

¹⁰ Мик Н.В. Отечественная историография диссидентского движения в СССР: начальный период // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2016. № 6–1. С. 56–62.

¹¹ Кузнецова А.А. Новейшая отечественная историография диссидентского движения // Россия будет прирастать Сибирью: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти известного краеведа, Почетного гражданина города Сургута И.П. Захарова (Сургут, 04 декабря 2015 г.). Сургут, 2016. С. 140–149.

¹² Казьмина М.В., Казьмин В.Н. Отечественная историография 1970-х гг. – начала XXI в. Об идейно-политической жизни России 1971–1991 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2(70). С. 50–57.

предыдущих исследованиях, в статье ведется отсчет историографии с 1990-х годов, рассматривается критическое отношение С. Кара-Мурзы к диссидентам. М.В. Казьмин и В.Н. Казьмина обращают внимание на постановку вопроса А.Г. Борзенковым о политизации правозащитного движения в СССР с образования Московской Хельсинкской группы. По сравнению с двумя предыдущими статьями, авторы уделяют внимание проблематике регионального инакомыслия, которое стало активно изучаться в историографии 2000-х годов. Главным итогом статьи стало то, что локализованный характер исследований об инакомыслии привел к разрыву причинно-следственных связей исторических событий. Таким образом, начиная с рассмотрения инакомыслия в публицистическом ключе и с точки зрения сопротивления тоталитаризму в 1990-е годы, к 2010-м годам инакомыслие стало рассматриваться в исследованиях с точки зрения культурного влияния, регионального проявления, судебных отдельных представителей движения и др. Историография политических процессов 1960-х годов является одной из тем, которую необходимо подробно рассмотреть.

Одной из первых крупных работ, посвященных этой теме, стал сборник правозащитницы Людмилы Алексеевой «История инакомыслия в СССР: новейший период»¹³, первое издание которого вышло в 1984 г. Большое внимание Людмила Алексеева уделяет процессу над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем в феврале 1966 г. Она делает предположение, что суд над писателями осуществлялся в условно «открытом» формате из-за огласки ареста писателей за рубежом¹⁴. Особое внимание уделяет Алексеева наличию у здания суда «коров» – «корреспондентов свободной прессы», которые собирали информацию от родственников подсудимых, только что вышедших из зала суда. По словам Людмилы Алексеевой, с помощью «коров» о суде над Синявским и Даниэлем узнали не только за рубежом, но и в СССР – «даже там, куда самиздат не проникал и слова такого до тех пор

¹³ Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: новейший период. М., 2012. 384 с.

¹⁴ Там же. С. 218.

не слыхали»¹⁵. Алексеева приходит к выводу, что процесс февраля 1966 г. показал, что «власти отказались от смертных приговоров за словесный антисоветизм»¹⁶.

Людмила Алексеева связывает «процесс четырех» с делом Синявского и Даниэля: Гинзбург и Галансков обвинялись в распространении «Белой книги», Лашкова и Добровольский – в помощи им. Автор отмечает значение подписной кампании в защиту обвиняемых¹⁷, которая, несмотря на неудачу, показала трансформацию СССР из тоталитарного в авторитарное государство¹⁸. Эти процессы, по мнению Алексеевой, стали важным этапом во взаимоотношениях власти и общества, подчеркивая рост общественного интереса к справедливости.

Процессы в контексте политической истории СССР рассмотрены в монографии Р.Г. Пихои «Советский Союз: история власти»¹⁹. На основе архивных материалов Политбюро и ЦК КПСС процесс Синявского и Даниэля анализируется как поворотный момент в отношении к неконформистской литературе. Пихоя отмечает его влияние на расширение законодательной базы (ст. 190-1 и 190-3 УК РСФСР)²⁰ и политические преследования²¹. Подчеркивается «открытость» процесса и его тиражируемость в печати, а также давление на писательскую интеллигенцию.

С точки зрения значимости последнего слова для подсудимых политические процессы рассматривает Ю.А. Русина. В своей статье «Я решил говорить: последнее слово обвиняемого как заключительный аккорд политических процессов в СССР»²² Ю.А. Русина говорит о том, что последнее слово подсудимый мог

¹⁵ Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР... С. 219.

¹⁶ Там же. С. 219.

¹⁷ Там же. С. 222.

¹⁸ Там же. С. 222.

¹⁹ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. Новосибирск, 2000. 684 с.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 255.

²² Русина Ю.А. «Я решил говорить»: последнее слово обвиняемого как заключительный аккорд политических процессов в СССР 1960-х гг. // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18 № 1 (148). С. 34–50.

использовать как источник чувств, переживаний, мыслей, отношения к аргументам следствия и стороны обвинения. В качестве примера в статье приводится последнее слово советского правозащитника Владимира Буковского во время суда по делу о демонстрации на Пушкинской площади 22 января 1967 г., где он критикует действующее советское законодательство, указывает на нарушения прав подсудимых во время следствия, отстаивает право на проведение протестной демонстрации и др.²³ В отличие от последнего слова Владимира Буковского, в речах участников демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 г. «нет митингового пафоса», «звучат размышления о том, как рядовой человек может высказать свое мнение о государственной внешней политике, слышится стремление объяснить внутренние мотивы своих действий»²⁴. Сравнение последних слов инакомыслящих показывает, что они включали разные стратегии защиты себя в суде, и отражает индивидуальные черты их характера.

Политические процессы интересуют не только историков, но и представителей других гуманитарных дисциплин, включая культурологов. Е.Г. Серебрякова в статье о процессе над Синявским и Даниэлем анализирует взаимоотношения между составителем «Белой книги» Александром Гинзбургом и стороной обвинения, жанровые особенности сборника и изменение стратегии поведения Гинзбурга в зависимости от смысловой части сборника²⁵. Она отмечает, что сплочение писательской интеллигенции было вызвано страхом перед возвращением сталинизма²⁶. Отсутствие произведений Синявского и Даниэля в сборнике, по мнению автора, свидетельствует о том, что книга адресована власти, от которой ожидался пересмотр приговора²⁷.

²³ Русина Ю.А. «Я решил говорить»: последнее слово обвиняемого как заключительный аккорд политических процессов в СССР 1960-х гг. // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18 № 1 (148). С. 42.

²⁴ Там же. С. 43.

²⁵ Серебрякова Е.Г. Стратегия власти и А. Гинзбурга в «Деле Синявского и Даниэля» // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25 № 5. С. 135–142.

²⁶ Там же. С. 136.

²⁷ Там же. С. 137.

Расставленные автором акценты на зарубежных письмах указывают на международный резонанс и значимость авторов для части писательской интеллигенции

Политические процессы 1960-х годов имели резонанс не только среди московского круга инакомыслящих. Реакция на процессы была и в некоторых регионах СССР. В статье В.Н. Яранцева рассматривается участие новосибирского ученого А.И. Фета в подписной кампании в поддержку осужденных участников «процесса четырех» Александра Гинзбурга, Алексея Добровольского, Юрия Галанкова и Веры Лашковой²⁸. Автор статьи выделяет вклад А.И. Фета в распространение машинописи сборника о «процессе четырех», составленным Павлом Литвиновым. Отмечается и особенность перепечатывания А.И. Фетом сборника Литвинова – некоторые факты были опубликованы в копии сборника с изменениями. В.Н. Яранцев связывает это с тем, что машинопись Павла Литвинова поступала Фету частями²⁹. Несмотря на связанные с получением материалов проблемы, А.И. Фету удалось сохранить материалы и содержание сборника³⁰. Оперативность составления 400-страничной копии сборника помогла в дальнейшем распространении самиздата за пределы новосибирского Академгородка. Участие А.И. Фета в подписании «письма сорока шести» послужило стимулом и для развития диссидентского движения в Новосибирске³¹. Статья В.Н. Яранцева демонстрирует, какое значение имел «процесс четырех» для развития новосибирского самиздата. Профессор А.И. Фет был уволен в 1968 г. из Института математики АН СССР за подписание «письма сорока шести» и самиздатскую деятельность³².

Британский историк Филип Буббайер в работе «Совесь, диссидентство и реформы в Советской России» рассматривает

²⁸ Яранцев В.Н. «Процесс четырех» в самиздате: новосибирская версия» // Труды ГПНТБ СО РАН. 2022. № 4(16). С. 67–75.

²⁹ Там же. С. 69.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 73.

³² Там же. С. 70.

движение за права человека как реакцию на публичные политические процессы 1960-х годов. «Процесс четырех», вызвавший резонанс в СССР и за рубежом, он называет важным этапом в развитии правозащитного движения³³. Демонстрацию 25 августа 1968 г. Буббайер трактует как продолжение традиции протеста польских мятежников XIX в., связанной с лозунгом «За нашу и вашу свободу»³⁴. Последнее слово Ларисы Богораз он оценивает как достойный протест против режима³⁵. Также автор подчеркивает международный резонанс дела Синявского и Даниэля и снижение уровня насилия к подсудимым по сравнению с 1930-ми годами³⁶.

Французская исследовательница Сесиль Вессье в монографии «За вашу и нашу свободу!» подробно анализирует политические процессы 1960-х годов в СССР³⁷. По ее мнению, в деле Синявского и Даниэля судили не только писателей, но и всю независимую советскую литературу, «с помощью которой Советский Союз описывал свои отношения с Западом»³⁸. Особое внимание Вессье уделяет последнему слову Владимира Буковского, отметив его решимость при изложении точки зрения с призывом к отмене статей 190-1 и 190-3 УК РСФСР и пересмотра статьи 70, отмечая широкую тиражируемость его слова в самиздате³⁹. «Процесс четырех» она рассматривает как катализатор общественного протеста и попытку возврата к сталинским порядкам, особо выделяя письмо Ларисы Богораз и Павла Литвинова, вызвавшее международный резонанс⁴⁰.

Политические процессы 1960-х годов затронули судьбы не только самих подсудимых, но и их близких и сочувствующих. Процессы смогли вовлечь в проблему соблюдения прав человека

³³ Буббайер Ф. Совесть, диссидентство и реформы в Советской России. М., 2010. 367 с.

³⁴ Там же. С. 135.

³⁵ Там же. С. 137.

³⁶ Там же. С. 130.

³⁷ Вессье С. За вашу и нашу свободу! Диссидентское движение в России. М., 2015. 576 с.

³⁸ Там же. С. 69.

³⁹ Там же. С. 76.

⁴⁰ Там же. С. 80.

сопереживающих подсудимым не только в Москве, где проходили все процессы, но и далеко за ее пределами. Анализ изучения проблематики политических процессов 1960-х годов дает основания понять, на чем заостряли внимание исследователи, какие основные акценты были расставлены ими. Исследователи, в частности Л.М. Алексеева, обращают внимание на обстановку, которая окружала процессы Синявского и Даниэля и «процесс чепыреж»: сочувствующие граждане долгими часами стояли на морозе, чтобы дожидаться адвокатов и свидетелей из зала суда, получить информацию о ходе суда и состоянии подсудимых. Рассматриваются процессы и как явление психологическое: что повлияло на поддержку обвиняемых, как реагировала общественность на несправедливость и прямое нарушение советского законодательства. Такая мотивировка послужила в том числе и распространению информации о процессах через самиздат. Особое внимание обращает на культурологическую составляющую Е.Г. Серебрякова, которая подчеркнула продуманную структуру составления сборника «Белая книга» Александром Гинзбургом и помогла изучить сборник как обращение к руководству страны. Зарубежная историография, как и некоторая отечественная, проводила сравнение политических процессов 1960-х годов с процессами времен сталинских репрессий 1930-х годов, особо подчеркивая снижение уровня насилия по отношению к подсудимым и начало процессов как возможность для ресталинизации. Большое внимание уделяют рассмотренные авторы и последним словам обвиняемых, в которых подсудимые пытались в последний раз донести свою позицию до представителей власти. Таким образом, политические процессы 1960-х годов рассматриваются исследователями как многостороннее событие, происходившее на стыке политической, идеологической, культурной и социальной сфер жизни советского общества. Стоит отметить, что большее внимание исследователи, особенно зарубежные, уделяют процессу Синявского и Даниэля как одному из первых открытых политических процессов, подробно рассматривая предшествующие ему обстоятельства и последствия, уделяется внимание биографиям подсудимых. Судьбы и биографии некоторых участников процессов, например, Юрия Галанскова,

адвокатов подсудимых Дины Каминской, Софьи Каллистратовой, Семена Арии и др. практически не изучены на сегодняшний день и оставляют решение этого вопроса будущим исследователям.

Библиография

Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: новейший период. М.: Моск. Хельсинк. группа, 2012. 384 с

Буббайер Ф. Совесть, диссидентство и реформы в Советской России. М.: РОССПЭН, 2010. 367 с.

Весёе С. За вашу и нашу свободу! Диссидентское движение в России. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 576 с.

Казьмина М.В., Казьмин В.Н. Отечественная историография 1970-х гг. – начала XXI В. Об идейно-политической жизни России 1971–1991 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2(70). С. 50–57.

Кузнецова А.А. Новейшая отечественная историография диссидентского движения // Россия будет прирастать Сибирью: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти известного краеведа, Почетного гражданина города Сургута И.П. Захарова (Сургут, 04 декабря 2015 г.). Сургут, 2015. С. 140–149.

Мику Н.В. Отечественная историография диссидентского движения в СССР: начальный период // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2016. № 6–1. С. 56–62.

Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 684 с.

Русина Ю.А. «Я решил говорить»: последнее слово обвиняемого как заключительный аккорд политических процессов в СССР 1960-х гг. // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016 Т. 18 № 1 (148). С. 34–50.

Серебрякова Е.Г. Стратегия власти и А. Гинзбурга в «Деле Синявского и Даниэля» // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25 № 5. С. 135–142.

Яранцев В.Н. «Процесс четырех» в самиздате: новосибирская версия» // Труды ГПНТБ СО РАН. 2022. № 4(16). С. 67–75.

А.Р. Жамалутдинов

Московский педагогический государственный университет

Политика гласности в СССР: проблемы терминологии и периодизации

В статье раскрываются перспективы и проблемы изучения политики гласности в СССР. Рассматриваются дискуссионные вопросы, связанные с периодизацией процесса, влиянием гласности на характер перестроечных преобразований, на разрушение марксистско-ленинской идеологии и на распад СССР. Уделено внимание односторонним выводам о политике реформаторов в области СМИ, дана концептуальная критика этих позиций. Отмечено, что в исследовательской литературе наблюдаются различные позиции относительно дефиниции, периодизации и значения гласности в период перестройки. Изучение гласности сопровождается недостаточной рефлексией, нередко гласность отождествляется со свободой слова, датируется 1985–1991 гг., что является некорректным с исторической точки зрения. Статья позволит решить наиболее общие проблемы изучения гласности.

Ключевые слова: гласность, перестройка, социалистическая идеология, марксизм-ленинизм, распад СССР.

Проведение политики гласности в период перестройки по-прежнему остается довольно дискуссионной темой в общественном сознании и в историографии. Нередко это связано с тем, что гласность оценивают по ее плодам, которые ассоциируются с потерей идеологических ориентиров, переоценкой советского прошлого, конструированием «черных мифов» о советском образе жизни, об истории социалистического строительства, которые привели к «смерти» социалистической идеологии и к распаду СССР. Однако планировался ли такой исход при проведении данного курса советским руководством? Или же такая форма негативного развития была predetermined объективными факторами, усталостью от многолетнего навязывания успехов социалистического строительства? Насколько антисоветские и антисоциалистические идеи, сливаясь с перестроечным экономическим кризисом, способствовали разочарованию граждан в социалистическом строе и в советском государстве?

Данные проблемы приобретают особую остроту в связи с некорректным использованием терминов, а также достаточно дискуссионной периодизацией процесса развертывания политики гласности. В научной литературе выделяются три подхода в осмыслении процессов гласности в СССР¹. Согласившись с данными подходами, условно обозначим их как либеральный, реформистский и заговорщический. Суть первого состоит в том, что в ходе перестройки Советский Союз, «царство лжи», не выдержал испытания «правдой», которая стала доступна в этот период. Политика гласности способствовала тому, что часть населения стала осознавать советское государство в качестве преступного. Конечно, такая оценка представляла другой миф, но у значительного числа советских людей назрело психологическое неприятие лакировочной доперестроечной пропаганды, перестройка же, напротив, осуществлялась, по словам одного из ее идеологов, «как политика гласности, как политика правды до конца, правды, какой бы она ни была», которая «выросла из загнанного в подполье инстинкта совести, из необузданного желания сказать все и сразу, все, о чем раньше вслух говорить было нельзя. За перестройкой стояла прежде всего психология человека, выросшего под гнетом тотальных запретов. Перестройка, как ядерный, разрушительный взрыв правды, был расплатой за почти семьдесят лет жизни с закрытым ртом, когда приходилось запирать на замок и совесть и здравый смысл»².

В рамках второго подхода утверждается, что гласность была необходима советской системе, но ее ход в 1987–1988 гг. приобрел неконструктивный характер, что также способствовало процессам дезинтеграции³. Сторонники третьего подхода считают, что политика гласности изначально планировалась в

¹ Маслов Д.В., Лазарева Л.Н., Суханова Н.И. Причины распада СССР: вопросы методологии исследования. М., 2022. С. 221–230.

² Ципко А.С. Перестройка как русский проект. М., 2014. С. 278–279.

³ Рыжков Н.И. Трагедия великой страны. М., 2007. С. 32.

качестве удара по советской системе и Советскому Союзу с целью дискредитации идеологии и государства⁴. Стоит отметить, что исследователи всех трех направлений, как отмечает историк Д.В. Маслов, сходятся во мнении, что «гласность подорвала основы советского строя и государства»⁵.

Перечисленные подходы обладают существенными изъянами. Прежде всего, на наш взгляд, необходима реконструкция замысла советской политической элиты относительно гласности, чего они хотели при реализации данной политики. Сам М.С. Горбачев датирует начало политики гласности «с показа на телевидении моей встречи с ленинградцами»⁶. Таким образом, уже в мае 1985 г. Генеральный секретарь показал новый стиль общения с народом, что кардинально отличалось от предыдущих встреч руководителей партии и государства с населением. Точку зрения на датировку политики гласности с 1985 г. разделяет и историк Н.В. Елисеева в статье для Большой Российской энциклопедии⁷. Однако, думается, начало кардинальной политики гласности датировать обстоятельством, которое было вполне традиционным для советских руководителей, есть значительное упрощение. Встречи руководителей партии и государства, к примеру, с рабочими были устоявшейся практикой. Кроме того, в 1985 г. не произошло существенных изменений в тематике периодической печати и телевизионных программ.

Думается, что устоявшаяся датировка политики гласности представляется достаточно концептуальной. Ее начало можно проследить с XXVII съезда КПСС в 1986 г., где обозначился курс на гласность, а окончание – с выхода 1 августа 1990 г. Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации». По

⁴ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2005. 832 с.; Фроянов И.Я. Россия. Погружение в бездну. М., 2009. 448 с.; Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011. 864 с.

⁵ Маслов Д.В., Лазарева Л.Н., Суханова Н.И. Причины распада СССР... С. 230.

⁶ Горбачевские чтения. Вып. 8. Отвечая на вызов времени: внешняя политика Перестройки; Гласность и реформы в России: оценки, мифы, факты. М., 2011. С. 7.

⁷ Гласность в СССР [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/glasnost-v-sssr-d3af39> (дата обращения: 06.06.2025).

закону отменялась цензура, поэтому можно говорить о снятии контроля партийных и государственных органов со СМИ, таким образом, о завершении политики гласности. Однако, приводя такие хронологические рамки, мы исходим из современного состояния исторического знания.

В перестроечном дискурсе на начальном этапе реализации политики гласности предполагалось, что гласность шире понятия буржуазной «свободы слова»⁸. В последнем огромную роль играет власть «денежного мешка» в руководстве СМИ, а советская гласность – предоставление слова народу для выявления и раскрытия «всех недостатков, препятствующих ускорению, критику и самокритику исполнителей “сверху донизу”»⁹. Данные тезисы были существенным преувеличением, т.к. свобода слова шире понятия «гласность». В рамках проведения политики гласности партийное руководство сохраняло контроль над средствами массовой информации вплоть до 1990 г.

При проведении гласности предполагалось, что поиск «тормозящих элементов» в советском обществе будет способствовать выбору оптимальной стратегии реформирования и правильному пути развития СССР, поэтому СМИ в условиях однопартийной системы отдавалась роль оппозиции, генерирующей новые взгляды. В 1986 г. перед работниками средств массовой информации М.С. Горбачев заявил, что «многие из наших консервативных появлений, ошибок и просчетов, вызывающих застой мысли и действия и в партии, и в государстве, связаны с отсутствием оппозиции альтернативы мнений, оценок. И здесь, на нынешнем этапе развития общества, такой своеобразный оппозицией могла стать наша пресса»¹⁰. Еще одной особенностью, на которую указал М.С. Горбачев, явилось то, что «пресса и телевидение направляют прожектор гласности на тех, кто

⁸ Рихтер А. «Свобода печати» и «гласность» в СССР // Гласность и журналистика: 1985–2005. М.: Горбачев-Фонд, 2006. С. 94–95.

⁹ Цит. по: Смирнова Ю.В. Основные проблемы отечественной истории 20-х–30-х годов XX в. в общественно-политической мысли середины 80-х–начала 90-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 18.

¹⁰ Цит. по: Барсенков А.С. Реформы Горбачева и судьба союзного государства 1985–1991. М., 2001. С. 76.

сознательно или по недомыслию и неумению противится и мешает перестройке. Поддерживают энтузиастов, распространяют их опыт, защищают от несправедливости тех, кто ринулся всей душой в работу по-новому, кто не боится ошибиться в настоящем деле, идет на риск, кто почувствовал себя лично ответственным за то, чтобы перестройка набирала обороты»¹¹. Однако та часть общества, которая тоже имела право на свободу высказывания, те, «кто сознательно или по недомыслию и неумению противится и мешает перестройке», эту свободу в полном объеме не получали, а были заклеены как сталинисты, консерваторы, ретрограды. Неконструктивная критика письма Н.А. Андреевой в этом смысле была ярким эпизодом перестроечной политической борьбы. Однако такая критическая реакция М.С. Горбачева была обусловлена тем, что статья Н.А. Андреевой «Не могу поступаться принципами» была воспринята как директивная и программная, стала перепечатываться в региональных изданиях, что было воспринято как реванш сталинистов, отход от немногочисленных завоеванных к тому времени свобод.

В связи с этим считаем, что нужно освободиться от нескольких мифов, возникших в публицистике. Суть первого мифа состоит в том, что политика гласности была целиком и полностью нацелена на ложь, дискредитацию социализма и СССР. Поэтому публикация письма Н.А. Андреевой получила резко критичный отклик у партийного руководства. Следует признать, что в ходе перестройки в печати и телевидении общественное мнение непрерывно накалялось, радикальные позиции стали доминирующими, но при этом забывается, что в период перестройки присутствовали и конкурировали между собой разные идеологические направления: ортодоксально-марксистское, неортодоксально-марксистское, либеральное, почвенническое. Поэтому целесообразнее говорить о том, что сталинисты не смогли выдержать идеологическую борьбу с другими течениями мысли, не смогли привести новые аргументы в защиту своей позиции. Поэтому можно согласиться с тезисом Н.В. Елисеевой:

¹¹ Горбачев М. С. Революционной перестройке – идеологию обновления: Речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февр. 1988 г. М., 1988. С.16.

историк отмечает, что «имели место и индивидуальные “протесты” против гласности в той форме антисталинизма, которая она демонстрировала в 1987–1988 гг.»¹². Он приводит в пример книгу А.А. Громыко «Памятное», в которой положительно оценивалась сталинская эпоха. Такие явления, как защита традиционного исторического прошлого (в понимании сторонников сталинизма), в период перестройки были не единичными. Поэтому необходимо рассматривать существенные особенности реализации гласности, ответить на вопрос: почему именно либерально-радикальное направление публицистики в ходе перестройки приобрело наибольшую популярность среди жителей СССР. По мнению А.В. Шубина, это произошло по причине кровавого советского прошлого, «...свобода слова – угроза любому авторитарному режиму, тем более с таким кровавым прошлым, как у коммунизма»¹³.

Другой существенной проблемой является определение влияния гласности на распад социализма и СССР. Разочарование граждан в социализме и в СССР также может быть объяснено утратой веры в положительные образы, которые ассоциировались с существующим строем. В этом случае «негативный» перестроечный дискурс (кровь, репрессии, ГУЛАГ, жертвы коллективизации, индустриализации, неэффективная экономика, политическая система и т.д.) сливался с материальными факторами (дефицит, рост всеобщего недовольства, провал экономического и политического реформирования), что привело в конечном счете к победе политического радикализма в республиках, составляющих основу СССР (РСФСР, УССР, БССР), разочарованию граждан в социализме, пассивному поведению при распаде СССР при нежелании его распада. А. Юрчак отмечает, что «господствующим означающим советской идеологической системы был именно символ Ленин–партия–коммунизм, а не такие символы, как, скажем, Сталин или Брежнев. Это значит, во-первых, что любой советский руководитель, включая даже Сталина, мог получить легитимность только путем

¹² Елисеева Н.В. СССР: реформы и реформаторы: 1945–1991 гг. М., 2019. С. 248.

¹³ Шубин А.В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М., 2007. С. 92.

установления прямой связи между собой и Лениным – либо как его соратник, либо как продолжатель его дела, либо как верный марксист-ленинист. Во-вторых, любой руководитель, включая Сталина, мог в одночасье потерять легитимность, если партией было показано, что прямая связь между ним и Лениным отсутствовала или была искажена – то есть что он был врагом Ленина, либо искажителем ленинских идей»¹⁴. Тезис о неэффективности советской системы, основателем которой был В.И. Ленин, привел к укоренению положения об ошибочности социалистического выбора в 1917 г. Таким образом, «политическая легитимность, основанная на мифе об Октябре, оказалась поставлена под сомнение, а коммунистическая идентичность, являвшаяся стержнем советского общества, для многих перестала быть привлекательной»¹⁵. Однако влияние гласности на коллапс системы и СССР преувеличивать не стоит. Потеря «мифа основания» сопровождалась «мифом учреждения» нового обновленного государства (в 1989–1991 гг.), в котором будут соблюдаться права человека во всем их многообразии. Неудача реформы советской федерации больше повлияла на дезинтеграцию союзного государства.

Таким образом, гласность целесообразнее датировать 1986–1990 гг., а не 1985–1991 гг., как это делают многие исследователи и публицисты. Зачастую именно в вопросах датировки и некорректного отождествления гласности со свободой слова встречаются наиболее существенные неточности. Политика гласности была явлением сложным и многообразным, которое не следует сводить к дихотомии ядерного взрыва «правды – лжи». Гласность также нельзя относить к деструктивной политике, которая способствовала распаду Советского Союза. При оценке «смерти» социализма как идеологии, как системы политика гласности, безусловно, сыграла решающую роль. Но социалистическая идеология была лишена права на моноидеологичное господство в советском обществе, начиная уже со времен Н.С. Хрущева, гласность же подорвала официальную монополию

¹⁴ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2021. С. 157.

¹⁵ Тихонов В.В. «Революция повторяется!» (образ революции 1917 года в эпоху перестройки) // The New Past. №2. 2016. С. 212.

марксизма-ленинизма на истину, способствовала десакрализации режима. Благодаря гласности общество стало динамичным, поли-идеологичным. В современном цивилизованном мире невозможно представить, чтобы была господствующей одна идея.

Библиография

Барсенков А.С. Реформы Горбачева и судьба союзного государства 1985–1991. М.: Издательство Московского университета, 2001. 364 с.

Горбачевские чтения. Вып.8 Отвечая на вызов времени: внешняя политика Перестройки; Гласность и реформы в России: оценки, мифы, факты. М.: Горбачев–Фонд, 2011. 168 с.

Елисеева Н.В. СССР: реформы и реформаторы: 1945–1991 гг. М.: РГГУ, 2019. 448 с.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 832 с.

Маслов Д.В., Лазарева Л.Н., Суханова Н.И. Причины распада СССР: вопросы методологии исследования. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 399 с.

Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М.: Форум, 2011. 864 с.

Рихтер А. «Свобода печати» и «гласность» в СССР // Гласность и журналистика: 1985–2005. М.: Горбачев-Фонд, 2006. С. 84–101.

Рыжков Н.И. Трагедия великой страны. М.: Вече, 2007. 656 с.

Смирнова Ю.В. Основные проблемы отечественной истории 20-х–30-х годов XX в. в общественно-политической мысли середины 80-х–начала 90-х гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1999. 161 с.

Тихонов В.В. «Революция повторяется!» (образ революции 1917 года в эпоху перестройки) // The New Past. №2. 2016. С. 205–216.

Фроянов И.Я. Россия. Погружение в бездну. М.: Эксмо, Алгоритм, 2009. 448 с.

Ципко А.С. Перестройка как русский проект. М.: Издательство Алгоритм, 2014. 544 с.

Шубин А.В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М.: Вече, 2007. 320 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 604 с.

Сведения об авторах

Багрин Илья Павлович, магистрант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Власов Тимофей Викторович, аспирант Псковского государственного университета

Ганиева Карина Ильдусовна, студент Казанского (Приволжского) федерального университета

Домахина Юлия Андреевна, младший научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН (Москва)

Жаворонков Андрей Дмитриевич, магистрант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Жамалутдинов Айнур Ринатович, магистрант Московского педагогического государственного университета

Исламова Юлия Дмитриевна, студент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Князев Павел Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ковалев Глеб Олегович, студент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Краснослов Кирилл Павлович, стажер-исследователь, студент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва)

Лавинюкова Дарья Сергеевна, магистрант Новосибирского государственного университета

Мохиборода Виктория Вячеславовна, магистрант Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина (Санкт-Петербург)

Несмеянова Вероника Сергеевна, аспирант Новосибирского государственного университета

Первушин Владимир Васильевич, аспирант Института истории СО РАН (Новосибирск)

Попов Дмитрий Константинович, лаборант-исследователь Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета

Рахимов Альберт Рамилевич, студент Санкт-Петербургского государственного университета

Саблина Екатерина Сергеевна, студент Алтайского государственного университета (Барнаул)

Срымбетов Тимур Ермекович, магистрант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Христникова Полина Ильинична, студент Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Комсомольск-на-Амуре)

Чжо Йе Аунг, аспирант Томского государственного университета

Щеголев Максим Андреевич, аспирант, преподаватель Новосибирского государственного технического университета

Юдин Иван Александрович, магистрант Новосибирского государственного университета

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ

Сборник научных трудов конференции
17–20 сентября 2025 г.

Вёрстка

Даниил Олегович Никулин

Подписано в печать 18.12.2025 г.

Формат: 60×84 1/16. Гарнитура Liberation Serif

Уч.-изд. л. 11,6. Усл. печ. л. 14,18

Издательско-полиграфический центр НГУ

630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

<https://www.nsu.ru/n/university/publishing-center/>